

Литературно-художественный АЛЬМАНАХ «Полярное сияние» - 2004»

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
«ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ»

2004

ЛТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
«ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ»

2004

ЛС

Творческая студия
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва

**Управление культуры Администрации
Таймырского (Долгано-Ненецкого)
автономного округа
Таймырская окружная библиотека**

Издание альманаха ставит своей целью
популяризацию творчества прозаиков
и поэтов, драматургов и литературных
критиков, живущих на полуострове
Таймыр или пишущих о нем.

Составители *М.В. Ширяева, Н.А. Бояринова*
Редактор *В.Г. Заварзина*
Ответственный за выпуск *К.И. Тлехугова*
Корректор *С.М. Петрова*
Верстка *А.А. Просекова*

*Лауреатами премии имени Ойдо Аксеновой
в 2003 году стали*

Валерий Кравец
в номинации «Поэзия»
(книга стихов «Снежный пилигрим»)

Наталья Утукогир
в номинации «Проза»
(литературные сказки по мотивам эвенкийского фольклора)

В 2004 году свои юбилеи отметили

75 лет
Николай Анисимович Попов

65 лет
Валерий Ефимович Кравец

60 лет
Елизавета Аполлоновна Барсукова

55 лет
Елена Хазретовна Ягумова
Геннадий Васильевич Медведев
Владимир Андреевич Солдаков

Коллектив авторов альманаха
«Полярное сияние»
искренне поздравляет коллег
и желает им творческих успехов,
новых побед на литературном поприще.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Ирина АПЛЕСНЕВА Не поле перейти... <i>Рассказ</i>	7
---	---

Татьяна БЕГЛЕЦОВА Глухая пора Кутарамакана. <i>Из цикла «Путоранский дневник»</i>	9
Афонина смерть. <i>Из цикла «Женькина жизнь»</i>	11

Маргарита БОЯРСКАЯ Йагупоп Второй. <i>Рассказ</i>	12
---	----

Лилия ГАРМАНОВА Смотрите, ходит медведь. <i>Рассказ</i>	14
---	----

Юрий ГРАДИНАРОВ В низовье Енисей могуч... <i>Фрагмент из романа</i>	17
--	----

Мария ГРАЧЕВА Мой брат Авель. <i>Рассказ</i>	28
--	----

Ирина ДУБОВИЦКАЯ Игра. <i>Рассказ</i>	31
---	----

Галина ЗАБЕЛКИНА О любви. <i>Легенды старины</i>	37
Его звали Таллот	38

Алла ЛУБНИНА Отъезжее зимовье	41
---	----

Анатолий МУХАЧЕВ Роковой сентябрь. <i>Рассказ</i>	42
---	----

Виктор САМУЙЛОВ Лесовичок	49
Ворон	51

Раиса ЯПТУНЭ Иоська – житель тундры. <i>Отрывок из повести</i>	56
--	----

Олег ЯРУНЦОВ Последний аргиш. <i>Продолжение повести</i>	59
--	----

ПОЭЗИЯ

Александр БОГАЙЧУК Памяти погибшего экипажа подлодки «Курск»	77
«Снятся мне зимой морозной...»	77

Дмитрий ВАСИН Музыка красивых фраз	78
«На картонных часах деревянные стрелки...»	78
«Дорогая моя девчонка...»	78
Мысли	78

Николай ГАЙДУК «Хмельной и дикий шум народа...»	79
«Звенит звезда в полночные морозы...»	79
Мастер слова	80

Елена ГАТИЛОВА «Проголодался, милый? Проходи!...»	81
Философия весны	11
«Дождем не нарисуешь акварель...»	12

Ольга ГРИЦАЕНКО «...А планета не сбилась с хода...»	83
«В счастья миг – верь!...»	83
«В детской спальне за окном – фонарь...»	83
«В это можно не поверить...»	83

Валентина ЗАВАРЗИНА Альманах «Полярное сияние»	84
Пряный дар	84
«Воды шлифуют камни...»	85
Полет	85

Людмила ЗНАЕВА «Напои меня отваром травным...»	86
«Как хочется мне воспаленным лбом...»	86
Оборот еще один случился...	86

Нина КОВАЛЬЧУК Пурга	87
Первый луч	87
Маме	87
«Отчего же мы старимся...»	88
Я сегодня проводила сына	88

Николай КОНОВАЛОВ Старый мир	89
Реквием	89
Доброта	89

Валерий КРАВЕЦ «Жизнь уже сама – тебе подарок...»	90
«Старение не терпит суеты...»	90
«Прилетая с заснеженных гор...»	90
«Голубоглазый пес заснеженный...»	90
«Не опала листва при таком жарком лете...»	91
«Страна, сошедшая с ума...»	91
Неожиданное размышление у картины А.Саврасова	
«Грачи прилетели»	91

Анатолий ЛЕВЕНКО «А мороз песком солярки сыплется...»	92
«Передо мною не откроешь дверь...»	92
Пароли	92
«В игольное ушко кометы...»	92

Сергей ЛУЗАН Свора	93
«Взгляд вспыхнул и остыл... ..»	93
Грустный вечер	94
Академику В.Н.Ловелиусу	94

Геннадий МЕДВЕДЕВ Памяти художника	95
«Я шут и плут, (пока не с Вами)...»	95
Полярная ночь	96

Сергей НАУМОВ На смерть В.П.Астафьева	97
«...Здесь голо все, земля – как лысый череп...»	97
Сергею Кулакову	98

Сергей НЕУДАЧИН (Попугаев) О Есенине	99
Я	99
Последний путь	99
«Стою на распутье. В душе тает лед...»	100
Жене	100
«Не сидится мне, не читается...»	101
Любимой	101
«Когда на сердце стужа...»	101

Елена САГАН «Мне бы краски в руки взять...»	102
«Тишина. Цветы и свечи...»	102
«На обломках Высокой поэзии...»	102
«Душа поэта – мир особый...»	102
Аура августа	102

Алевтина ЩЕРБАКОВА «Я отпущу твою стрелу...»	103
«Ныряю в день с разбега, как с обрыва...»	103
«Отняв у неба ширь и высоту...»	103

Елена ЯГУМОВА Мандолина	105
Ангел терпенья	105
«Так глубока твоя печаль... ..»	105
Все забывается – и лица, и года... ..»	106

ПОЭЗИЯ. ПАМЯТЬ

Петр ЛЕУТИН «Мороз рисует бисером узоры... ..»	107
Цветная песня	107
Алена	108

Марк ХАСДАН «Поэты никогда не перестанут...»	109
«Сочувствие, насмешка, сожаленье...»	109
«Услышать тебя...И в ответ...»	110
«Что есть любовь?...»	110

ПОЭЗИЯ. ДЕБЮТ

Роман АЛЕКСЕЕВ Гитара	111
Вьюга	111
«Я так хочу, с утра проснувшись...»	111
Вернуться	112
Сто дней до приказа... ..»	112

Анна ГАЛИЦКАЯ Небо	113
Мать солдата	113
Обрывки	113

Юрий ДУДКИН Полуби!	114
Безответная любовь	114
Ему!	114

Денис МЕДВЕДЕВ «Лететь, как бабочка на свечку...»	115
«А на небе столько звезд...»	115
«Мчатся волной...»	115
«И ложится снег...»	115
«Эй, облако!...»	115

Ольга ПРУТСКАЯ «Ты вдали, живешь – бежишь...»	116
«Погляди в окошко – тает первый снег...»	116
«На мутном стекле...»	116
«Нет конца суете...»	116

Сергей СИДЕЛЬНИКОВ Зеркала	117
«Солнце садилось за сопки устало...»	117

Анатолий ЧИЧАХОВ Поет хомус в Дудинке	118
«Живой» снег	118

ПРОЗА. ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ

Денис ПЕТРУШЕНКО Снежок и Торопыжка	119
---	-----

Алиса ОМЕЛЬЯНЕНКО Сказка об олененке и северном сиянии	119
--	-----

Варвара БАСКАКОВА, Елена ОЛЬБИК, Владислав ВИХОВСКИЙ Добрый доктор Налим и подводные жители	120
---	-----

Светлана ЛЕОНОВА
О том, как овцебык на родину вернулся 121

Олеся КОВАЛЕНКО
Материнское чувство 121

Вера БИНДАРЕВА
Сказка о том, как человек подружился с оленем 122

Дарья ФИЛОНЕНКО
Экологическая сказка 123

Дарья ВОРОНКИНА
Волшебное перышко белой куропатки 124

ПОЭЗИЯ. ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

Екатерина ВЯЗОВЦЕВА
Волшебные палочки 125
Хитрая волна 125
Живой моторчик 126

Владимир КАНТАРИЯ
«По тропинке через горку...» 127
«Купила лягушка ниток катушку...» 127
«Мимо Карских ворот...» 127

Геннадий КУЗНЕЦОВ
Детский каприз 128
На Садовой улице 128
Веселые пингвины 128
Заболела 128

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ТАЙМЫРА

Оксана ДОБЖАНСКАЯ
Звук в тишине 129

Надежда КОСТЕРКИНА
Шаман Хотарэ.
Нганасанская легенда 131

Валентин СЛАБКОВ
Как два шамана в лебедя
и гагару превращались. Энецкая сказка 132
Стеклянные глаза. Долганская сказка 133

Наталья УТУКОГИР
Птица Кингит. Нарисованная сказка 134
Ленивый Олень. сказка 135

Ирина АПЛЕСНЕВА

Родилась в 1961 году, выросла в городе Талды-Курган Казахской ССР. Там училась, работала, вышла замуж, родила двоих детей. В Дудинке живет с 1994 года. Работала корреспондентом и редактором Таймырского радио. С 2000 года – корреспондент окружной газеты «Таймыр». Постоянный автор альманаха «Полярное сияние».

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ...

Рассказ

Иногда бабе Шуре казалось, что счастье обошло ее стороной. Думала она об этом, как правило, в ненастные осенние вечера, когда одно за другим приходили воспоминания и воскресали образы из далекого прошлого.

Их было трое – Костя, Николай и Яков. Все они уже давно ушли в мир иной. Костя не был ей мужем, и вспоминала она его реже, но сердце саднило сожалением больше всего о нем, о первой горько-счастливой любви.

Познакомились они на танцах в сельском клубе и уже неделю спустя не мыслили себя друг без друга. Костина тетка подшучивала над племянником:

– Когда свадьбу играть будем?

– После армии, – решили Шура и Костя.

– Сашенька, ты только дождись меня, – просил Костя.

За себя он был спокоен.

Во время советско-финского конфликта в снегах Карелии Костя обморозился и заболел воспалением легких. В лазарете его перевели в палату для тяжелобольных. Там у каждого была своя добровольная сиделка, кормившая и выхаживавшая подопечного. Костю выходила тридцатилетняя вдова военного. В благодарность за это, по неписаным законам того времени, Костя обязан был жениться на ней. Шуре он ничего не написал: подумал, что как-нибудь все утрясется.

Через полгода на Шурин адрес пришло письмо от некоей Анны Николаевны, которая в очень сдержанных выражениях выговаривала, что, дескать, негоже ей, молодой девушке, переписываться с женатым мужчиной.

Небо перевернулось и опрокинулось где-то под ногами. Шура не помнила, как пришла в себя. Жить, казалось, больше было незачем. А через неделю после этого пришло письмо от Кости. «Если ты простишь, я, не задумываясь, уйду от нее», – писал он. Шура неделю носила письмо в кармане платья, а потом сожгла. Простить Костю она так и не смогла.

В Отечественную войну работала Шура медсестрой в одном из военных госпиталей, расположенном далеко в тылу. Шел ей тогда двадцать первый год. В семье была за старшую: отца, военного хирурга, с первых же дней забрали на фронт. Мать с того же самого дня слегла и больше не

подымалась. «От горя», – качали головами соседки. Четверо младших братьев и сестер остались на ее, Шурином, попечении. Ее паек, аттестат за отца, да еще то, что давало поле, – этим и жили.

В казахстанских степях, куда всю их семью как неблагонадежных выслали из Белоруссии еще до войны, сажали арбузы и дыни. Дыни сушили, вязали в косички и укладывали в ящики. Зимой из этих самых косичек варили отменное повидло. А еще была корова Нюшка. Если бы не она, было бы совсем голодно. Но молока в большой семье почти не оставалось. Только иногда Шуре удавалось приберечь на сметану крынку-другую. Она туго перевязывала марлей горловину крынки и ставила ее в чулан на верхнюю полку.

Но потом стало происходить непонятное: за ночь крынка пустела, аккуратно развязанная марля лежала рядом. Воришку никак не могли выследить. Мать убежденно говорила, что молоко выпивала кошка, она же, дескать, и развязывала марлю. Кошку побили и выгнали из дому. Однако молоко не переставало исчезать.

Вскоре все это потонуло в великой радости – пришла долгожданная Победа. Вернулся домой отец – целый и невредимый. Мать, пролежавшая в постели все военные годы, поднялась в этот же день.

...Замуж Шура вышла уже после войны. Николай был старше ее на десять лет. Как-то днем увидел он ее в парке отдыха, а вечером пришел свататься. Родители, опасаясь, что дочь пересидит в девках, дали согласие. К тому же Николай и жених был завидный: капитан в отставке, по профессии – ветеринарный врач.

Сыграли свадьбу, и молодые уехали в Туркменистан: Николая направили туда работать. С непривычки на новом месте трудно было акклиматизироваться: мучили жара и постоянная нехватка воды. Кроме бытовых неудобств, Шуру донимала свекровь. Николай женился без согласия матери, которой хотелось, чтобы сын привел в дом настоящую казачку. И хотя Шура старалась угодить приезжавшей раз в полгода свекрови и даже тесто научилась замешивать по-казачьи – на доске, а не в чашке – угодить все равно не могла.

Однажды свекровь привела к ним в дом молодую женщину. На немой вопрос сына сказала:

– Я привезла тебе хозяйку, настоящую донскую казачку.

Шура замерла на месте, а Николай, усмехнувшись, произнес:

– Если она тебе нравится, живи с ней, а у меня уже есть жена.

Когда мать с «невесткой» ушли, Шура разразилась слезами.

– Ребенка хочу, – призналась она Николаю.

Отсутствие детей было их тайным горем. Николай страдал бесплодием.

Младшая Шурина сестра Люсьена, убежавшая от мужа-алкоголика почти в одном пальто, надетом на голое тело (вся остальная одежда была пропитана), отдала им на удочерение свою двухмесячную дочь Валюшку. Сестра, рано и неудачно выскочившая замуж, мечтала устроить личную жизнь, а дочь была ей лишь обузой.

Умер Николай внезапно: в День Победы пошли купаться на речку, Николай нырнул в воду, а осколок, шевельнувшийся в застарелой ране глубоко в груди, навсегда заставил его замолчать. На берег Николая вытащили уже мертвым. В этот день Шуре исполнилось тридцать два года.

Спустя несколько лет Шура вышла замуж за Якова – вдовца с четырьмя детьми. Познакомила их Люсьена, преподававшая в начальных классах районной средней школы. Один из ее учеников был сыном Якова. Сама Люсьена наконец-то устроила личную жизнь, выйдя замуж за хозяйственного немца Юлиана, высланного в Казахстан из Поволжья. Однако никак не могла смириться с тем, что ее дочка, отданная когда-то сестре на воспитание, выросла, считая Шуру своей матерью. Зная о покладистом и безотказном характере сестры, Люсьена надеялась, что, обретя семью, Шура согласится вернуть ей Валюшку.

Яков, живший два года без жены, не верил собственному счастью. Обычно женщины, которых он приводил к себе домой, в убогую, ветхую времянку, увидев четверых сирот, назад уже не возвращались. А Шура осталась. Трудности ее не пугали, а к большой семье ей было не привыкать. Накормленные, обстиранные и повеселевшие дети ходили за Шурой по пятам, с радостью выполняя все ее поручения.

Начали строиться. И вдруг Яков запил. Запой длился несколько суток. Когда Яков протрезвел, Шура, упаковав свои и Валюшины вещи, объявила, что возвращается к родителям. Дети, сторожившие каждое ее движение, подняли рев: "Мамочка, не бросай нас, возьми с собой". Шура закрыла глаза, и в этом гвалте из далекого прошлого ей вдруг привиделась аккуратно развязанная крынка с молоком и тень в длинной ночной рубашке, мелькнувшая за дверью чулана. Это была мать.

... В ту ночь Шура отказалась верить собственным глазам, слишком чудовищно было то, что она увидела: мать, с первого дня войны взвалившая на нее все заботы о семье, выпивала по ночам молоко. О том, что она тогда увидела, никто в семье так и не узнал. Шура понимала, что никому и никогда не сможет рассказать об этом, потому что мать, са-

ма нуждавшаяся в уходе и внимании, все же была им опорой, островком мира и покоя. Именно к ней тянулись старшие и младшие со своими горестями и бедами. Шура предпочла убедить себя в том, что она просто увидела дурной сон, который следует позабыть. И сейчас, глядя на размазывающих слезы детей, Шура подумала о том же.

За год, прожитый вместе, они стали ее семьей, а она – их надеждой и опорой. И Шура вдруг осознала, что уже никогда не сможет оставить этих детей, как не сможет никому рассказать о той злополучной тени в чулане и крынке молока. «Видно уж судьба у меня такая: забыть обо всем и жить дальше», – вздохнула она и, крепче прижав к себе детей, сказала:

– Да разве я брошу вас, родные мои? Как же мне жить тогда?

...Прошли годы. Дети Якова, называвшие Шуру мамой, выросли и уехали к своим теткам – родным сестрам их рано умершей матери. Когда семье требовалась помощь, бывшие свояченицы Якова не объявлялись. Когда многие трудности остались позади, свояченицы зачастили в гости.

«Ничего не поделаешь, кровь позвала», – вынесли вердикт соседи. Так же они сказали и о Валюшке, удочеренной когда-то Шурой и Николаем. Люсьена не оставляла надежду вернуть дочь и в конце концов уговорила Валюшку погостить у нее. «Погостить» затянулось сначала на месяцы, а потом и на годы. Со временем расчетливый супруг Люсьены потребовал, чтобы пенсия по утере кормильца, которую Шура получала за Николая, шла в их семью.

Яков, пивший много и охотно, умер в один из праздничных запоев. Юлиан, у которого вдруг объявились родственники за границей, увез Люсьену и Валюшку в Германию. Шура осталась одна. Иногда ей кажется: все, что было в ее жизни, случилось не с ней.

Дудинка, 2004 год.

Татьяна БЕГЛЕЦОВА

Родилась в 1958 году в Красноярском крае. После

окончания Кировского сельскохозяйственного

института в 1982 году приехала на Таймыр.

По специальности биолог-охотовед, жила в поселке

Хантайское Озеро, в тундре. С 1999 года работала

в газете «Огни Талнаха» заместителем редактора.

В конце 2003 года выехала в Германию. Ее рассказы и

очерки публиковались на страницах норильских и

красноярских газет, в альманахах «Енисей», «День и

ночь», «Полярное сияние», вошли в сборники «Кубок

ветра», «Стая».

ГЛУХАЯ ПОРА КУТАРАМАКАНА

Из цикла «Путоранский дневник»

Конец января в Путоранах. Одиноким кордон на берегу озера Кутарамакан. Ночь. Стою, запрокинув голову к мерцающему иглами звезд небу. На лицо, слегка покалывая его, опускаются крупинками звездной пыли легкие кристаллы изморози. Небо завораживает меня, как, вероятно, завораживало тысячи лет назад древних пастухов или земледельцев, ночевавших в поле... Вечная магия небесных сфер... Если долго-долго смотреть в ночную вышину, то в какое-то мгновение вдруг начинаешь ощущать себя стремительно летящей туда, в бесконечно глубокую, бездонную, сверкающую звездами чашу.

От мощного всплеска вселенского холода захватывает дыхание, мурашки бегут вдоль спины, и жутковатый восторг веселящим вином ударяет в голову... Но лишь мгновение длится этот полет – и вот я опять на земле, в реальном мире, и только легкое головокружение напоминает о прекрасной иллюзии.

Ох уж этот «реальный мир»! Если бы не он – уши так не замерзли бы. Холодно. Да и неудивительно: январь в Путоранах – самый морозный месяц года. Минимальные температуры воздуха в это время нередко опускаются ниже -50 градусов. Постепенно начинаю коченеть, а уходить не хочется.

Интересно, почему так бывает: стоишь, смотришь на это ночное небо, замерзшее озеро, неподвижный лес, мрачноватые горы – и не можешь наглядеться, хочется запомнить все-все, как перед дальней дорогой, хотя прекрасно знаешь, что все это увидишь завтра снова и еще много дней подряд. Впрочем, нет – я знаю, почему: каждый день узнаешь что-то новое, необычное, удивительное и прекрасное.

А мороз крепкий! Выходящий изо рта пар мгновенно превращается в шуршащие иглы изморози, снег визгливо скрипит под ногами; слышно, как долго стонут в лесу разрываемые морозом деревья.

В такие лютые ночи выходят на лед и гулко лопаются,

застывая, голубоватые наледы; клубятся густые туманы над незамерзающими речными перекатами, оседая искрящимся инеем на ветках деревьев и кустов. Кажется, что все замерло, замерзло, заледенело... Ну, все – не все, а я-то уж точно скоро в сосульку превращусь. Пора и домой. Вот он, рядом – белый, рубленый дом под островерхой синей крышей. Густой дым ровным столбом поднимается к небу, манит в тепло желтый квадрат окна. В избе жарко натоплена печь, переливчато свистит на плите закопченный бывалый чайник, негромко похрипывая, сообщает последние новости старенький «Океан». День завершен. Осталось занести в журнал метеонаблюдения и можно провести остаток ночи в волшебном царстве Морфея – повелителя грез...

Утром, высовывая нос из-под одеяла, пытаюсь определить по температуре в доме температуру на улице. Изба за ночь выстыла не очень сильно: на термометреazole окна плюс 14, значит, и на дворе не холодно. Выскакиваю из нагретого гнезда постели – босиком – к печке. Минута – и сухие дрова с треском занимают. Пока прогревается изба и закипает чайник, забираюсь под одеяло – понежиться в утренней полудреме. Несколько минут утреннего блаженства: в еще густом сумраке размеренно тикает будильник; по бревенчатому, в блестящих каплях и потеках смолы, стенам мечутся блики огня; яростно трещат дрова в печи, набирает силу ворчливый голос чайника. Ровное, сухое тепло – тепло прогретого деревянного дома – плывет по комнате.

После немудрящего завтрака и обычных утренних хлопот выхожу на улицу. Погода – как на заказ: тихо, ясно, не холодно – градусов 30 мороза. Нет никакого резона тратить такой день на бесконечные хлопоты по хозяйству. После непродолжительных сборов я уже иду по местами переметной лыжне моего привычного маршрута: вдоль северо-восточного берега моего озера – мимо вертолетной площадки и, почти невидимых под сугробами снега, лодок.

Справа – поросшие кривыми лиственницами и кустарником береговые бугры, слева – ледяной панцирь озера.

Кажется, что размеренный шорох снега под лыжами только усиливает царящую вокруг тишину. Огромное пространство, накрытое сверху белесым куполом неба, замерло вокруг маленькой точки шагающего куда-то человека.

От подобных мыслей даже жутко становится, но размеренный ритм движения постепенно успокаивает разыгравшееся воображение. Вообще-то, вот так, в пути, легко думается, мечтается... Хрустит ломающаяся в такт шагам, и наливающаяся синевой на изломах снежная корка; сухой мелкий снег узкими змейками скользит по гладкой поверхности лыж. Снег, снег... Мы видим его вокруг себя большую часть года, привыкли к нему и замечаем его только тогда, когда вместе с ветром он сечет нам лицо или когда застреваем в сугробе. А что такое – снег? И почему он белый? И какой он бывает? Не задумываемся... Оказывается, снег – это как бы эмульсия или пена, образованная снежными кристаллами и воздухом.

Когда выпадает глубокий и мягкий снег, ходить по нему становится трудно: «бродно» говорят в Сибири, а в Саянах скажут: «плохой взьем». Сегодня «взьем» хороший – снег плотный, прибитый сильными ветрами – идти легко и, вероятно, поэтому удалось так быстро добраться до самого узкого места на озере Кутарамакан – мы называем его «перешеек».

Перешеек – кратчайший путь с северного берега озера в дельту реки Иркинды, густо заросшую ивами, ольхой и мелкими кривыми березками. Зимой эти непролазные заросли становятся убежищем для лесного зверья, да и корму здесь достаточно.

Иду вдоль небольшой протоки. Заслышав шум моих шагов, с глухим треском срывается стайка кормившихся в кустах куропадок. Сделав широкий полукруг, птицы опускаются где-то вдаль, на опушке леса. А следов вокруг! Тут тебе и куропачьи наброды, и заячьи тропы, а вот и глубокая двойная борозда лосиного следа. Здесь же в зарослях несколько лежек этого крупного и красивого зверя – истинного украшения сибирских лесов.

Всегда поражаюсь силе и изощрению этого животного, вес которого достигает полтонны. На первый взгляд лось кажется нескладным и неуклюжим: несоразмерно короткое туловище и длинные ноги, тяжелая голова... Но вы видели когда-нибудь, как бежит лось? Это нельзя назвать бегом – это легкий и мощный, стремительный и плавный, удивительно грациозный полет. Зимой лоси, как и многие животные, спускаются в дельты рек – поближе к богатым кормом угодьям. Место кормежки лося нетрудно определить по характерным «заломам» – сломанным крупным ветвям, а также по наискось, как острым ножом, срезанным зубами зверя ивовым прутьям.

Здесь же, в зарослях ивняка, обедали зайцы: ветки пригнутых снегом к земле кустов обглоданы дочиста. Следы заячьих резцов образовали на тоненьких белых стволиках неповторимый муаровый рисунок.

С трудом выбираюсь из переплетения протоков, заросших непроходимым кустарником, на основное русло реки. Ходить по дельте – мука. Не протоки – так кусты да завалы,

обрывистые берега да торчащие камни и коряги. Вдоль реки, с верховья, тянет несильный, но пронизывающий ветер. Он дует здесь практически всегда, поэтому в долине реки снега гораздо меньше, чем в лесу. Выше по течению река стиснута обрывистыми берегами – «щеками», над которыми стоит облако свинцового тумана – туда лучше не соваться – всю зиму, натекая одна на другую, выходят здесь наледы. Еще выше по течению, километрах в десяти отсюда, один из крупнейших водопадов плато Путорана – Иркиндинский. Высота его около тридцати метров, а шум огромной лавины падающей воды слышен за несколько километров. Но сейчас водопад под толстым слоем зеленоватого льда, который растает только к концу июня.

Сворачиваю в лес. Здесь тихо, и поэтому, кажется теплее. Округлые сугробы, снежные шапки на пнях и валежинах, кухта на ветках деревьев. По лесу нельзя ходить быстро – снег здесь рыхлый и глубокий: лыжи проваливаются в пустоты между камнями и корягами, цепляются за ветки кустов. Медленно начинаю пробираться к берегу озера, успокаивая себя мыслью о том, что летом здесь ходить еще хуже – спасают только пробитые вдоль берега оленьи тропы. Выхожу на озеро – дует довольно сильный северо-восточный ветер, над ледяной равниной клубятся снежные протуберанцы, верховья озера скрыты сероватой мглой.

Пройти остаток пути – два километра через открытое место по озеру – перспектива малопривлекательная, но другого пути нет. Голубоватым квадратиком маячит на том берегу крыша дома, зовет к себе, в тепло... Отворачиваясь от пронизывающего ветра, иду вперед. Быстро коченеет лицо, замерзают руки. Ветер забирается под одежду, холодит спину; кажется, что стужа пробирается до самого сердца. Как бы хотелось в этот момент зажмурить глаза и оказаться дома, у топящейся печки, с кружкой чая и горбушкой хлеба в руках!

Оказывается, как мало надо продрогшему до костей, на зловредном хиусе, человеку. А вот согреться он, чаю напьет и начнет мечтать о песчаных пляжах, золотистом загаре, янтарных виноградных гроздьях... Стоп! Стоп! Я ведь еще и чаю не попила! Гроздья – потом...

Ну вот, наконец-то подхожу к берегу. Возле лунки, из которой берем воду, снимаю надоевшие за день лыжи и по тропинке поднимаюсь на бугор, к дому. Провожу варежкой по лыжам – нужно смахнуть прилипший к скользящей поверхности снег, ставлю их торчком к стене тамбура, отряхиваю одежду от снежной пыли и только тогда захожу в блаженное тепло.

Все здесь так, как и должно быть: и печка, и чайник, и горбушка... Горит иссеченное ветром лицо, согреваются руки, тепло размаривает – тянет в сон. Но спать еще рано: нужно занести дров на утро, приготовить ужин, да и за водой сходить не мешало бы.

А на улице уже сумерки и ветер не на шутку разыгрался, за водой, пожалуй, не пойду – отложу это мероприятие на завтра. В обыденных заботах проходит остаток короткого зимнего дня, и вот уже опять – вечер.

Мороз ослабел. Снова стою, несмотря на пронизывающий ветер, во дворе и смотрю, как постепенно, будто бы на

проявляемой фотографии, появляются на небе звезды. Привычным взглядом нахожу на северо-востоке бриллиант Спики, и почему-то сразу на душе становится хорошо и спокойно.

Раз звезды на месте – значит, Земля еще кружит, и живут на ней птицы и звери, растут деревья и травы, а вместе с ними живем и мы – не всегда разумные – люди. И дай Бог, чтоб было так всегда.

АФОНИНА СМЕРТЬ

Из цикла «Женькина жизнь»

В тундре погибель на каждом шагу тебя поджидает. Ну не тебя, так соседа твоего. Сколько смертей охотников, рыбаков, их жен и детей за свою недолгую тундровую жизнь довелось Женьке переживать – не приведи Господь! Вот вроде вчера, звонким октябрьским днем Матвейч в гости приезжал, хохмил, чай пил, пошвыркивал – зубы у него давно ветром унесло, а сегодня кричит по связи его напарник: «Борт надо! Милицию из города вызывайте, Матвейч застрелился!» Просто все: поехал с утречка уток пострелять, бросил в лодку на банку – по привычке – стволами к себе старенькую курковку. До того старую, что ложка и цевье где гвоздями склочено, где проволокой скручено – на честном слове ружьецо держится. Вот это слово Матвейча и подвело. Увидел, знает, мужичок стайку уток, рванул ТОЗовку на себя, сорвались курки, и всадил Матвейч себе в упор в живот хороший заряд дробин. Спихнулся напарник не сразу – ну уехал на охоту и уехал – к вечеру только нашел Матвейча в прибитой к берегу лодке, пристывшего к днищу собственной кровью...

А замерзает народу! А тонет! А в пьяных драках сколько мужиков друг друга режут-стреляют! Начнешь вспоминать – жутко становится: целый поселок можно было бы людьми этими населить.

Но куда деваться – смерть есть смерть. Только смириться – один выход. Но как смиришься, если в гибели человека есть и твоя вина? Не год, не два будет мучить совесть – всю жизнь...

...Афоня пришел чуть прихватило озеро, по черному, прогибистому льду. Худой, голодный. Напарники его по открытой воде в поселок умотали, а он отказался, буду, говорит, на точке зимовать. А как зимовать, если продуктов никаких – все за лето подьедено? Да и какой из Афони добытчик – ростом с ребенка двенадцатилетнего, веса в нем – собака тяжелее, больной – открытая форма туберкулеза. Ни охотиться, ни рыбачить. Мужики держали его на точке как сторожа да кашевара. Голод не тетка – прибежал к соседям. А у соседей в тот год тоже житье не сладкое – продуктов только продержаться, куда горные речки встанут, чтобы на «Буране» в поселок выбраться. Сахар, мука, крупа – все на подсосе. Дети уж забыли, когда хлеб с маслом видели... Рацион – одна рыба. А тут Афоня – тощий, а ест за троих здоровых мужиков. Живет день, два, неделю... Муж не выдержал, говорит ему: «Иди на Пороги, тебе одному тридцать километров пройти проще пареной

репы – борт на днях должен быть, заберет тебя в поселок».

Ушел Афоня. Думали, улетел. Вдруг через неделю возвращается. Говорит: «Не хочу в поселок, своего-то жилья нет, а родственники меня гонят, не нужен я никому. С вами жить буду!». А как жить, если самим есть нечего? Тут Женька не утерпела, говорит Афоне: «Ты взрослый мужик, почему мы тебя кормить должны? И больной, а у меня дети маленькие, и живем все в одной комнатухе, совесть имей, уходи». Пошмыгал Афоня носом, повздыхал, а на следующее утро собрался и отправился восвояси...

Через месяц наконец-то угомонились подо льдом непокорные речушки, замерзли накрепко перекаты – муж поехал в поселок, продуктов купить. Заехал по дороге к Афоне. Еле разглядел избушку в тальниковых зарослях – ни дымочка, ни следочка – девственно чистый снег вокруг. Толкнул хлипенькую приоткрытую дверь и ахнул – лежит Афоня на нарах, под засаленным одеялом чуть угадывается иссохшее, промерзшее тело, а лица и вовсе нет – нос и уши песцы обгрызли, давно, знать, умер...

Ближе к весне по крепким настам собрались в поселок. Женька и дети, закутанные в парки, разместились на нартах. Погода хорошая – ясно, тихо и морозец легкий – только и ездить. Рванул снегоход, лишь снежная пыль за санями... Часа через полтора проезжали уже мимо ручья Харюзового, мимо занесенной снегом кособокой афониной избушки, в которой все еще лежал невесомый от лютых морозов, никому не нужный, забытый всеми, умерший от голода, безысходности и бессердечия маленький мужичок. Отвернулась Женька, прищурилась от летящей в лицо искристой пыли – кто бы мог подумать, что так все обернется...

Лишь в мае, когда начались оттепели, прилетел вертолет – забрал покойника.

...Легко летит «Бурани» по утрамбованному ветрами снегу. Над головой – синее небо, легкие облачка, солнышко бьет в глаза такое весеннее-весеннее – только живи и жизни радуйся...

Маргарита БОЯРСКАЯ

Родилась в Енисейске, выросла в Дудинке, живет в Норильске, работает логопедом. Ее проза публиковалась в газетах «Заполярный вестник», «Заполярная правда», в альманахе «Полярное сияние». Книга рассказов «Веры тонкая свеча» издавалась дважды, в 1998 и 2002 годах.

ЙАГУПОП ВТОРОЙ

Рассказ

Его подарила нам поэтесса. Мысленно я называла ее Зима-Елена. Не по холодности характера, но чем-то напоминала она Снежную Королеву. Глаза-льдинки излучали доброту, веерные волосы закручивались на концах в февральские заструги, изморозью выдыхались стихи из округлых губ и таяли где-то, уже позже живя самостоятельной жизнью. Хитринка жила в глубине души Королевы, но не давала ей сложить вечный, загадочный символ – вечность из постоянно тающего в веках слова. И, сидя на кухне на табурете, как на снежном троне, среди кастрюль, запахов, пара, оживляла слова, подогретые чувством одиночества в этом мире.

Но лай собаки, ее вороватость и притворная холодность на «один глаз», телефонные звонки и ненужная суетность забегавших, и может не всегда нуждавшихся в ней людей, уводили ее от намеченных планов, и тогда заструги волос превращались в космы торчащих недовольных льдинок.

Неустроенностью души хитро пользовался доbermanпинчер. Сыгтый, упитанный, не обращая внимания на окрики хозяйки, выпрашивал кусочки получше. На голове Королевы вместо короны возвышался попугай Гоша, выкрикивая что-то свое и одновременно хваля Великодержавницу кухни и поэзии. Пес давно привык к пустой (как он считал) болтовне попугая, изредка, наклоня голову набок, прислушивался к незнакомым словам, а чаще просто не обращал внимания на это говорящее чудо.

Все бы так и продолжалось, если бы Оленька, дочь Королевы, хрупкая, нежная и жалостливая к людям и животным девочка, не принесла бы в дом еще одного Гошу.

Гоша Первый не смог разделить корону первенства на голове своей Императрицы с Гошей Вторым. И, не имея шпор, при дворе Великодержавной, отношения стали выяснять клювами. Летели перья и пух, как хлопья снега, должны при дворе Снежной Королевы. И пришло решение: Гошу-Два надо отдавать.

Вот так, в жестокий мороз, под курткой, у сердца, добрый и отзывчивый муж Королевы – Сергей принес Гошу-Два в наш дом.

Дикий и заносчивый, Гоша-Два не признавал своих хозяев, но постепенно выделил мужчину, проявляя доверие,

садился к нему на плечо, как бы изучая. А хозяйку определил прислугой, прибирающей клетку и дающей корм. Постепенно жизнь вошла в колею. Волнистый попугайчик учился говорить, избегая крепкого лексикона, которому пытался научить его хозяин. Какие-то дворянские гены не позволяли этому маленькому существу унижаться до грехопадения слова, быть шутком царедворским.

И, сотворяя хозяину корону на голове, он кричал:
– Сер-р-режка добрый, хор-р-роший.

И это было недалеко от истины. Поэтическая душа хозяина, вечно неустроенная и беспокойная, маленькому мушкетеру была понятна: чувствуя родство душ, он умел наблюдать настроение властелина. В минуты неуютности души своего господина смирно сидел на жердочке в клетке и чуть слышно посвистывал. Но если его повелитель был в хорошем настроении, Гоша летал по комнате, озорничал, садился на люстру и недостижимый для всех кричал, вытягивая шею:

– Убью!
– Все! – кричал хозяин.
– Надоел!

И Гоша покорно летел в клетку, клевал зерно или притворялся сонным, но не побежденным. Мол, просто я устал и хочу спать, а ты живи, как хочешь. Достоинство свое хранил. Обоюдность нужна во всем. Гоша изучал повадки своих патронов, а они по нехватке времени, суетности просто жили с маленькой птичкой – вроде забавы в царстве вечной зимы.

Однажды хозяйка насыпала в корм цветочный нектар, ценный витамин, купленный у торговцев Алтая. С птицей стало твориться что-то неладное. Гоша стал вести себя воинственно: щипался, клевал ногти хозяев, позднее выклевал дырку в тапке, пытаясь там угнездиться. Отогнать невозможно и легко можно растоптать его на полу, так как почти все время он находился там.

Позднее прочитала в журнале, что весной птицы перед гнездованием собирают цветочную пыльцу, и поняла своего питомца: ему нужна самка. Но временное безденежье отложило эту затею. Гоша продолжал хулиганить.

По занятости хозяин мало бывал дома, и все любовные

выходки доставались хозяйке. Однажды, не выдержав, она махнула на него полотенцем. Мимо, но совсем рядом, по валику дивана. От громкого удара наступил шок, и бездыханным комочком Гоша, с закатившимися глазами, свалился на пол. Испуганная хозяйка схватила обмякшее тельце и с плачем, молитвой, взывая к Богу, влетела на кухню, подставляя беззащитный комочек под струю холодной воды.

Гоша заворочался на ладони, открыл глаза. Не помня себя, хозяйка целовала воскресшего, смеясь сквозь плач уже под струей теплой воды, приводя это крохотное существо к жизни. Потом посадила своего пирата (любимые слова Гоши) в клетку, обсушив теплым воздухом из фена. Была теперь понятна истина, почему мать больше пестует большое дитя.

Теперь что бы Гоша ни делал – все ему прощалось. Испытывать судьбу больше не стала. Заняла денег и в этот же день купила ему подружку – Ксюшу, будущую супругу. Почему будущую? Потому что из птенчика она превращается в настоящую Даму. Она серенькая и не дворянских кровей, но и в простых людях есть врожденное чувство такта и благородства. Гоша целует ее, кормит из клюва и живет своей жизнью.

Мы вторгаемся в природу и получаем ее уроки. И разве виноваты те, кого мы приручили? Если бы они могли осознать те слова из песни: «Только в клетке говорят попугаи, а в лесу они язык забывают...», то простили бы нас.

Лилия ГАРМАНОВА

Родилась в 1951 году на Украине. Много лет живет на Диксоне, работает телефонисткой. Пишет стихи, сказки, короткие рассказы. Увлекается живописью, любит природу. Публиковалась в газете «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние», ее стихи вошли в поэтический сборник «Маки Диксона».

СМОТРИТЕ, ХОДИТ МЕДВЕДЬ

Рассказ

Две удочки, четыре ноги, две головы и рой мыслей – это два заядлых рыбака идут на «Пос»: там клев с камней сегодня лучше. Возвращавшиеся, то есть идущие нам навстречу, предупреждают:

– Будьте осторожны, в районе Избы медведь.

Предупреждение стоящее. Если учесть размеры белого медведя и двоих рыбаков, то можно без ошибки предугадать результат возможной встречи. Надежда на клев – дело заманчивое. Да и где Изба, и где Пос – авось не придет мишка.

Выбираем удобное местечко. Здешние «камешки» навалены друг на друга так, как будто их с огромного самосвала сгрузили. Так что острых, как нож, оконечностей хватает. Стараемся сапогами на них не наступать. А другие отполированы ветрами, штормами не хуже паркета, на них тоже наступать опасно. Мгновенно соскользнешь и окажешься на глубине до девяти метров. Тем и удобна эта бухта, что около берега такая глубина, а чуть дальше – так уже и ледокол без проблем курсировать может. А уж с такой глубины вынырнуть – увы! Это мы так говорим: «Лето!» А между камнями вековой лед, значит и одеты мы соответственно, и вода холоднющая, так что... Красота красотою, рыбалка рыбалкой, шутки шутками, а о жесточайших правилах житейской техники безопасности знают все. С этим, можно сказать, и родились, даже если приехали с материка.

И вот что интересно: на трансформаторной будке с четырех сторон надписи шокирующие, а все равно залезть норовят. А здесь знаков нет, и никто ни о чем при входе на территорию, сопредельную с поселком, настойчиво не предупреждает. Но, пока (в хороший час сказать, в плохой промолчать) – быть осторожным ума хватает, да и Бог милует.

– Бабушка, а мы сегодня с ребятами в садике спорили.

– Это о чем же?

– Да вот, что эти камни – растущие.

– Это как же?

– Ну, вот видишь, где плес, там камней нет, как ловить?

Вот кто-то давно взял и навозил вокруг воды гравий самосвалами, а он вырос за многие годы, как мы. Потому что дальше его – тундра. А камни только вокруг воды, как бы

море держат, чтоб на тундру во время шторма не вылилось...

– Бабушка! У тебя клюет, чего не тянешь?

– Да вот тебя заслушалась.

Две рыбешки лежали в пакете с водой, когда подошел еще один рыбак. Ему родители разрешили со старожилками сходить, полюбоваться окрестностями. Он и удочку прихватил. А какова удочка! Только настоящий рыбак знает, что это такое. Одним словом – мечта.

Они приехали месяц назад из Пензы. Увидев наших рыбешек, мальчик пришел в восторг и объяснил, что там у себя на пруду они ратанчиков ловили – и то достижение, а здесь! Кому сказать – не поверят. Даже взглянув на фото, скажут: «Враки». Он вытащил «мыльницу» из многочисленных карманов городской спецодежды для рыбаков. Попросил запечатлеть момент: он с удочкой, на крючке – омуль.

– Это как бы для истории, ведь я все равно когда-нибудь поймаю, а фотоаппарата рядом не будет, – пояснил мальчик.

Мы, как полагается, с этими доводами согласились и щелкнули несколько раз, чтоб лучше видно было улыбку приезжего. Стали дальше молча ловить. Поклевывает у всех, а на крючок не идет. Тогда бабушка сделала так. Она отошла чуть за камни, присмотрела ракурс и говорит:

– Раз тебе красивое фото надо, то вытаски рыбу, а я щелкну. Чтоб и брызги было видно, и полет, и настоящий восторг, и изгиб удочки.

Стали мальчишки стараться, смотрят на волну изо всех сил. Одному пять лет, другому, приезжему – одиннадцать. Одному хочется свое умение показать, а другому – что на его супер-удочку лучше всех ловится. И... одномоментно вытащили ... по бычку-чертику. Это очень редкая рыбка, уникальная, водится только на этом берегу и нигде больше в мире. Бабушка фотиком щелкнула на память, потом подбежала и быстренько с крючков рыбки снимала и в воду бросила, чтоб жил бычок и дальше. А приезжий:

Это как же он так рычит, вот диковина, а какой разноцветный, нарядно-красивый.

На что внук заметил:

– У нас здесь еще и не такие красоты!

– Ветер сменился, – заметила серьезно бабушка. – Минут двадцать порыбачим, и будем уходить, что-то мне не по себе.

Это закон тундры: надо быть внимательным, если «что-то не по себе», значит, туман крадется, или мираж, или медведь. Мы стали сворачивать удочки. По камням таких размеров быстро не пойдешь. Аккуратно, шаг за шагом, подаем друг другу руки, перескакиваем. Теперь по подушке изо мха с водой – это кусочек тундры, а вот и твердый наст дороги.

Метрах в десяти по другую сторону от того места, где мы вышли на наст, заметили полярную сову с птенцами. Бабушка сказала шепотком:

– Не суетитесь, щелкайте.

Старались не шуметь, пофотографировали. Приезжий удивился, что сова так близко от дороги, а если?... Поясняем:

– «А если» у нас не бывает, мы все живем дружно. Это у вас в городе у мальчишек рогатки всякие, а у нас такого не увидишь, потому что нам есть чем заниматься.

Вот к примеру. Заболела как-то медведица и привела двух медвежат в поселок. Но человеческим языком говорить-то не умеет. Так подтолкнула медвежат к вездеходу, а сама встала на задние лапы: мол, стреляйте. Ну, мужики в воздух пальнули, чтоб отпугнуть. А она опять медвежат поймала (они от выстрела – врассыпную) и к вездеходу, а сама стоит на задних лапах. Потом наклонилась. Ну, как бы поклонилась, и – бегом в торосы. Мужики медвежат поймали и – в вездеход. Привезли в поселок, на Большую землю сообщили о случившемся.

Вскоре прислали вертолет с докторами. У малышкой взяли анализы и сразу догадались, что с их мамой. Недельку летали над торосами, пока ее не нашли. Ну, а как дать ей лекарства? Попробовали для начала так: кусок оленины напичкали лекарством и сбросили с вертолета около нее. Съела. На следующий день опять полетели с лекарством на то место, а она, видать, поняла, ждет. Даже встала на задние лапы, чтоб ее было лучше видно. И так две недели. За две недели и медвежата окрепли.

Тогда решили медвежат маме-медведице вернуть. Погрузили в вездеход, а вот примет она их или нет? От них же теперь человеческим духом пахнет. Медвежат обмазали нерпичьим жиром. А бедные медвежата никак не могли понять, чего от них хотят. То мама-медведица их от себя гнала к людям, к этим рычащим, плохо пахнущим машинам – вездеходам. То теперь люди отгоняют их от вездеходов. Но люди вкусно кормят, и медвежата никак не хотят расставаться с людьми. Тогда мужики положили в торосах оленину, рыбу, нерпу, сгущенки два ведра, рядом медвежат и попытались отъехать. Но медвежата бежали за вездеходом. Целый день упорного труда не дал результатов. На следующий день попытались к этому импровизированному складу с провиантом заманить маму-медведицу, что было сделано более успешно.

Только сделали еще одну хитрость. Малышкой-медвежат

утром специально не покормили. Подъехали метров на двести к маме-медведице, высыпали на лед теплое мясо, рыбу. Поставили два ведра сгущенки и выпустили медвежат. Как только медвежата принялись за еду, отъехали до ближайших торосов. Спрятались и стали смотреть в бинокль. Медведица-мама была за соседним торосом, около импровизированного склада. Наступило ожидание. Если медведица подойдет к малышам и будет с ними до конца дня, значит признала. А если уйдет от малышек... Значит, придется искать медвежатам другое место под солнцем: это или зоопарк, или цирк. На наше счастье, мама-медведица малышкой обнюхала и повела с собой за торосы. Пока подвижки льда не было, рыбаки два раза в неделю возили гостинцы семейке: по два ведра сгущенки, паре нерп, мешочек рыбки. А после подвижки льда искали семейку с вертолета специально, чтобы подкормить, но видно было, что они хорошо окрепли и в дальнейшей опеке не нуждаются. А ты спрашиваешь, почему так близко от дороги птенчики совы. Да все по той же причине: из-за доверия к людям. А вот давай на плес зайдем, еще диковину покажем.

На плесе мы забрались на бревнышки, пригретые солнцем, а кусочек хлеба положили ближе к воде. Приготовили фотоаппарат. Лемменгушка себя ждать не заставила. Без боязни подбежала к предложенному угощению. Сфотографировали и направились в поселок. Это чувство – «не по себе» – видать, и до детей дошло. Несколько раз внимательно огляделись по сторонам: все видно, как на ладошке, а чувство опасности не покидает... Но решили идти еще не домой, а на причал, и по дороге заглянули под настил около складов. Бревенчатый подъездной настил был теплым. Мы приготовили фотоаппарат, притихли, высыпали около настила пригоршню жареных семечек... Тут же трое горностайчиков выбежали из укрытия к угощению. Вот и еще одна красота запечатлена для истории.

– Да хорошо, что я с вами сейчас иду, сам бы я этого ничего не увидел, – размышлял приезжий. – А если б и увидел, то скорей всего попытался поймать. Так, для забавы, не понимая, что у них детки, и что они их тоже любят, и что им трудно выжить в таких сложных условиях...

Пришли на причал. И только наладили удочки – пришли белухи на обед. Белухи – это северные киты, их по фонтанчикам над головой сразу видно. Стали они ходить кругами и вошли в малую бухту, то есть между грузовым и пассажирским причалами. Круги становились все меньше и меньше. И вот получился как бы кипящий котел диаметром до пятнадцати метров. Вода внутри бурлила и была выше глади моря, на целый метр. В нем плескалась, словно варилась, сайка. Каждой белухе на обед надо килограммов двести! По одной рыбке ловить, так и к ужину сытым не будешь. Вот они и ходили кругами, загоня косяк сайки. На причале, кроме нас, никого не было. Не было и клева. Мы запели. Подплыла нерпа и стала слушать. Но как только раздался щелчок фотоаппарата, сразу нырнула. А через минуту опять подплыла и стала нас рассматривать своими обворожительно-наивными глазками. А мы пели «В лесу родилась елочка». Поэтому, наверное, у нерпочки и был

такой удивленный взгляд: на дворе лето, а они про елочку поют. Начался клев, и бабушка засняла-таки приезжего с трофеем. Теперь ему не надо будет друзьям врать. В глазах – естественный восторг, в жесте – достоинство успеха, чешуя на лице! Но тут подошел милиционер...

– Сматывайте удочки, – говорит, – давайте помогу. Сейчас машина за вами подойдет.

И дал нам посмотреть в бинокль... Совсем рядом с причалом плыл медведь. Без бинокля можно было голову медведя принять за морского зайца, а в бинокль!..

Когда подъехала милицейская машина, мы попросили чуть-чуть подождать, чтобы заснять медведя. Сколько хватило разумности – ждали, когда он подплывет поближе. Сфотографировали, и – по газам. Приезжий обещал выслать фотки, если что получилось. Но мы ему прямо сказали:

– Не обещай. Все кто не вышлет – обещают. А кто вышлет, тот никогда не обещает. Но ты не расстраивайся. Если не вышлешь – ничего страшного, мы и так все это видим каждый день. Вон у нерпочки нет фотоаппарата, чтобы нас заснять, так она нами и так любитесь. Ну, а мы ею – вот и дружба.

Тогда приезжий и говорит:

– Когда милиционер подошел, я думал, что сейчас штрафанет, наверное, мы что-то не так сделали. А вы нас от медведя приехали спасать, чудно...

А милиционер и говорит:

– Над вами пролетал вертолет. Так вот, ребята сразу и передали, что медведь на «Посе». Так что вы вовремя оттуда лыжи наострили.

– Да это все бабушка, это она говорила, что ее спине как-то не климатит.

– Ну вот увязался-таки за нами медведь, да решил путь сократить, мы – по берегу, а он через бухту, напрямик. Наверное, на снимок к нам просился или нами полюбоваться хотел.

– А если он в поселок зайдет? – спросил приезжий. На что водитель ответил:

– Не зайдет. Вон, глянь, вдоль берега собаки бегут, лают. Учуют. Так что теперь придется ему идти другой дорогой.

– Ну и собаки у вас, огромные и ласковые, это что за порода такая? И чьи они? – с удивлением попытывался мальчик.

– А как бы все всешние. Если собака на цепи – она злая, а наши, видишь, без привязи. Где чья, конечно, знаем, но накормит каждый. А если с философской точки зрения на это посмотреть, то наши собаки живут между собой дружно, как и люди. Вот, к примеру, ты видел у нас железные двери? Нет. Так, замочек для приличия, чтоб сквозняка не было.

А внук вставил:

– Или вот ты, незнакомый мальчик, зайдешь к нам, бабушка тебя накормит, да еще и родителям позвонит, чтоб не волновались. А если захочешь, мы можем пойти ко мне и все, что видели, нарисовать. У меня есть краски и ватман.

– Лады, – сказал приезжий. – Только порадую предков уловом, поставлю удочку и – к вам...

Юрий ГРАДИНАРОВ

Родился в Донбассе в 1941 году. Сорок лет, с 1961 года, жил и работал на Таймыре. Прошел трудовой путь от киномеханика до начальника Управления культуры округа. Автор книг «Аргиши в Париж», «Шаман Демнине», «Исповедь», «По собственному желанию». Лауреат литературной премии имени О.Аксеновой в 1999 году. Первый редактор альманаха «Полярное сияние». С 2001 года живет в Белгородской области.

В НИЗОВЬЯХ ЕНИСЕЙ МОГУЧ...

Фрагмент из романа (журнальный вариант)

Глава 11

– Итак, Федор Кузьмич, кажется, мы завершили на бумаге все наши задумки по залежам! Такой ясности в ведении подготовительных работ у меня за последние десять лет не было! Задумки рождались и умирали, отдельные зрели и обрастали свежими мыслями, страшили своей необъятностью, туманностью, грозили провалом и тратой денег впустую, а стало быть, и разорением. А теперь мы с вами вроде золотиносный песок промыли на вашгерде*. Земля, песчанник ушли – и остались крупницы золота. Крупницы – это главные дела, которые нам предстоит вершить, чтобы подойти к плавке, – потирая руки, сказал Киприян Михайлович.

– На бумаге, пожалуй, все учтено! Определена повинность каждого человека, кто будет задействован на разработке руды, очерчен круг дел, коими предстоит нам заняться... Даже час исполнения указан, – подтвердил Инютин. – Надо, не мешкая, завтра собрать ваших работников и начать подготовку к весенне-летней работе на копях.

Назавтра Киприян Михайлович позвал к себе в дом своих приказчиков – Степана Буторина и Мотюмяку Хвостова. В горнице, за столом, уже сидели Федор Кузьмич и Петр Сотников. Киприян Михайлович стоял с ворохом бумаг в руках и ожидал, пока рассядутся гости.

– Други мои! Скоро уже десяток лет мы с вами идем в одной купеческой упряжке... И чтобы там ни говорили, торговое дело на Таймыре отладили. Да, и не только на Таймыре! И обчане, и вилюйцы кормятся из наших лабазов... Песца в государеву казну даем, а осетринкой даже Китай потчуем... Но жизнь идет вперед... Скоро железка всю Сибирь до океана стянет... И море ледовое станет дорогой для пароходов... Пойдут иноземцы по морю да Енисею до самого Енисейска... А нам с вами надо шириться по тундре. Окромя рыбы и рухляди, пора уже и до меди, и до угля дойти. Урал, правда, поближе к столице, Демидов там

* Вашгерд – верстак для промывки золотого песка.

много заводов построил, вытягивал из гор и руду, и уголь, и золотишко!

– Да и на Алтае все рудные горы еще он начал раскапывать... И заводы, заложенные им, до сих пор стоят и дают медь, железо, серебро... Только они теперь государевы, – добавил Инютин.

– Сегодня мы подошли ближе всего к осуществлению нашей давней мечты о разработке норильских залежей и плавке медной руды. Предстоит сделать всего два шага. Но наша поступь должна быть твердой и уверенной, – продолжил Сотников-старший.

Замолчал. Пробежал глазами по лицам своих единомышленников. Равнодушных не было. Каждый из сидящих, кроме Инютина, горел желанием узнать об этих шагах!

– Первый – подготовить все необходимое для проходки штолен, пробить их и вынуть оттуда руду. И второй – соорудить одновременно плавильную печь и дать медь... Вот здесь, – поднял он руку с несколькими плотно исписанными листами, – изложены дела, которые предстоит сделать каждому из нас до мая месяца, чтобы в июне начать бить штольно и делать кладку медеплавильной печи. Здесь указано, к примеру, что Степан Варфоломеевич Буторин должен со своими артельщиками и плотниками, чинившими нашу церковь, на месте залежей найти, отобрать и напилить сто пятьдесят кубов лиственницы для постройки барака. Соорудить сам барак, лабаз да баню, небольшую кузницу для заправки топоров, пил, кайл, ломов... Ну и так далее... Каждый из вас получит вот такую бумагу, ознакомится с ней, обмозгует и начнет действовать... Будут неясности – ко мне или к Федору Кузьмичу. Но хочу добавить, – строго посмотрел он в глаза сидевшим, – вся наша меновая торговля должна идти своим чередом. В зиму нам предстоит отправить три обоза: один – в Хатангу, второй – в Толстый Нос и третий, рыбный – в Енисейск. Продумайте все мелочи, чтобы не было сбоев. Федор Кузьмич человек строгий, лежбочить не позволит никому.

Инютин пуще прежнего напустил на свое почти детское лицо, но с бородкой, строгость, грозно сверкнул глазами. У

сидящих за столом не дрогнул ни один мускул. Слишком тщедушным казался им этот алтайский рудокоп. А дудинские мужики ценили недюжинную силу и богатырскую статью. Инютин это знал. Он встал, чтобы стоя хоть немного быть выше сидящих, и сказал, глядя поверх голов дудинской купеческой знати:

– Каждый из вас начинает осваивать новое дело. А по сути своей – это постройку маленького медеплавильного заводика. Никто из вас, кроме Петра Михайловича, который лет десять назад был у нас на Алтае, ни бельмеса не смыслит ни в металлургии, ни в горном деле.... Но прежде, чем увидеть ручейки бегущей расплавленной меди, нам предстоит сделать тяжелую, вами ни разу не испытанную в жизни работу... Я, как горный мастер, скажу.... Самая трудная вещь в горном деле – это проходка.... Долбить в полутемной пещере рудную стену... Это – кайлом или ломом врезаться в камень. Только руда крепче камня.... Иногда за день проходишь тридцать-сорок сантиметров.... К тому же топчешься в воде, в слякоти тающей вечной мерзлоты, с непривычно согнутой спиной.... Затекают руки, ноги, шея... выскальзывают из рук ломы, кирки, кайлы...

Он кашлянул, почесал бородку и понял, что проходкой припугнул мужиков. Видно было, что они уже представляли узкую штольню, ручейки падающей на рудокопа воды и выступы непреодолимых скал. И продолжал давить дальше:

– Это вам не рыбалка, не зимние аргиши, не колка дров... В проходке такие мужики ломались, что я до сих пор диву даюсь.... С Буторина были.... Здоровенные.... А рударей из них не вышло.... Потому я и хочу, чтобы каждый ощутил, за какое нелегкое дело мы беремся. Тут все взаимосвязано. Какая-то связка не сработает, может пострадать вся задумка.... Затея у Киприяна Михайловича смелая! Первый добытчик меди в губернии! И еще, Киприян Михайлович! Надо, чтобы отец Даниил освятил залежи. Я прошу всех очень ответственно отнестись к подбору людей. Условия будут жесткими.... Вопросы ко мне есть? – завершил свою речь Федор Кузьмич.

Мужчины переглянулись между собой, взяли со стола бумаги, и каждый здесь же стал пробегать глазами написанное, стараясь найти свою фамилию с заданием, которое он должен выполнить. Вопросы пока не возникали. Каждый помнил совет Киприяна Михайловича о том, что необходимо обмозговать все до мелочей и только потом посоветоваться с ним или с Инютиным. Но каждый из читающих вздрогнул от обилия предстоящей новой работы, засомневался, сможет ли он справиться, как указано в этих бумагах.

Киприян Михайлович заметил в их глазах некоторую растерянность и смятение.

– Я вижу, по вашим лицам пробежал даже страх, не говоря уже о смятении. Так и должно быть, когда берешься за новое дело... Шапкозакидательства нам не требуется. Слишком серьезные дела мы затеяли, чтобы к ним легко относиться. ... Но и страха не должно быть.... Не боги горшки обжигают, а простые гончары.... С углем пока по времени.... Медь надо получить прежде всего – она дороже угля, – сказал Сотников-старший и перекрестился. –

Тогда, с Богом, за дело!

...В начале апреля, когда светлая пора воцарилась над тундрой, артель Степана Буторина, усиленная четырьмя плотниками-церковниками, прибыла на пятнадцати оленьих упряжках к подножью горы Рудной. Добрались с Дудинского до залежей за двое суток.

Степан Буторин завез вместе с артельщиками четыре теплых балока, весь плотницкий инструмент, провизию, маленький горн и наковальню для кузнечных дел.

Мотюмяку Хвостов разгрузил нарты и поаргишил в Дудинское, оставив артельщикам две оленьи упряжки с двенадцатью оленями и двух каюров из станка Потаповского Михаила Пальчина и Дмитрия Болина. Жены каюров быстро поставили чумы, оживили эту, до сих пор безлюдную, долину. Вьются дымки чумов. На кострах кипит чай. Уже поставили железные печурки, расставили столики, посуду, разложили по земле оленьи шкуры. Артельщики диву даются, как они быстро смогли обустроить свое жилище. Степан Буторин собрал в кружок артельщиков.

– Из девяти человек тундру знают лишь двое: я и Иван Маругин, а остальные – ни бум-бум! Вон, юрочки – не чета нам! Тундра для них – мать, а для нас – мачеха! Я вам расскажу, где удобней расставить балоки, где сложить поленицу дров, инструмент, где соорудить нужник и кузницу. Ну, а о баньке – особый разговор. Надо все сделать так, чтобы мы жили не хуже, чем в Дудинском! А снег сойдет – стежки деревянные сделаем, чтобы болото возле балоков не месить... Этими делами вы займетесь завтра, а мы с Иваном пойдем выбирать кондовую лиственницу. Здесь будем жить не один месяц, а возможно и не один год. Делать все надо на совесть, как в церкви...

На второй день Степан Варфоломеевич вместе с Иваном Маругиным встали на короткие охотничьи лыжи и поднялись на склон горы делать затеси на лиственницах. Острые, легкие топоры Степана и Ивана при ударах отскакивали от стволов, как от железа. Но с каждым часом затесей становилось все больше и больше. Десяти-пятнадцатиметровые лиственницы вздрагивали от ударов топоров. Будто кусочки льда врезались в снег шепки мерзлой коры. Устали, сели на поваленную бураном лесину. Закурили, сняли взмокшие шапки.

– Ну, погодка сегодня, Варфоломеич! Аж испарина на голове выступила! – сказал, затягиваясь трубкой, Иван Маругин. – Был бы весь апрель такой – лучшего не надо!

– Да испарина, Ваня, не от погоды! Это затеси в пот вогнали! Работка не из легких! Ох, и хлебом мы здесь лиха с этими лесинами! Ну, рубить – еще куда ни шло! А пилить! Какие зубья надо иметь, чтобы грызть этот гранит? Ох, и достанется и нашим пилам, и нашим топорам! А уж мозолей набьем – не перечесть! Смолой затынет все зубья! К этому надо быть готовыми...

– Ладно, старшой, не бойсь... Люди рубят ее – и мы осилим. Вот ответь, как будем вниз ее катать?

Степан задумчиво почесал затылок, погладил огромной ладонью свою покрытую инеем бороду.

– Рубить, Ваня, для костра легко! А вот размеры со-

блюсти на такой лесине сложно. Ни топор, ни пила не ложатся с одного прилада куда нужно! Скользят, разъезжаются, как лыжи на льду... Думаю все-таки приспособимся, набьем руки и на лиственнице... Мы что, не мастеровые, что ли? А катать – я знаю как. Да и Инютин рассказал, как лесины катают в горах Алтая... Сначала сделаем десятисантиметровую просеку... Затем, по снежному насту, уложим вниз, по склону горы, ровные бревна до самой долины и по ним, как по полозьям, будем катать, а где и двигать, лесины... Работа не легкая, но гораздо легче, чем на горбу тащить со стометровой высоты.

– Разумно! – поддержал Иван. – Но надо найти хороший покот, чтобы лесины сами вниз просились.

– Найдём, Ваня! Мы ведь не лыком шиты! И лес заготовим, и доски напилим, и барак с лабазом срубим. Вот пурги бы нам не помешали. А остальное осилим!

Целый день крутились по склону горы плотники. Сделали семьдесят пять затесей. Даже на обед не спускались вниз. Пожевали сухарей да вяленого оленьего мяса.

– Не густо здесь кондовых стволов, – озабоченно произнес Иван. – День промаялся, а выбрали с гулькинос.

Степан взглянул на своего товарища. Окинул взглядом засечки на деревьях. Зарябило от них в глазах. Они густо белели на помеченных лиственницах.

– Если мы каждую из них завалим да доведем до ума, то хватит нам и на сруб для печи, и на барак, и на лабаз, – возразил Степан.

А Иван все-таки стоял на своем, пытаясь убедить старшину, что мало сделали затесей.

– Ты не забывай и про крепь ... Почти две с половиной сажени будет уходить на одну связку... Надо еще столько же затесей... Тогда, может, и хватит на первое время, – убеждал Иван.

– Пока наши мужики будут хозяйничать на станке, мы с тобой завтра еще обнюхаем этот склон, только чуть повыше, может, еще кое-что найдём, – согласился Степан.

Вышли на небольшую полянку. Солнце слепило глаза. Легкие лыжи казались пудовыми на уставших от долгой ходьбы ногах.

– Давай еще присядем перед спуском, – предложил Степан и показал на огромный, торчащий из снега валун.

Кинули под себя вареги, чтобы мягче было сидеть на камне. Дышалось легко. Вокруг елани* глядели на двух плотников тонкие, голые лиственницы, ели-доходяги, горемычные березки. Валуны не давали им жить. Над вершинами деревьев, разглядывая рассеявшихся на валуне и дымящих трубками двоих существ, кружила полярная сова. Степан поднял ружье, прицелился, потом опустил ствол вниз и искоса посмотрел на Ивана, как бы спрашивая согласия: «Можно снять эту глазастую?»

– Не надо! Пусть летает... Это мы влезли в ее владения со своими затесями... Стучали топориками, живность разогнали... А, может, она не нас высматривает, а мышей да тушканчиков... Ведь Бог создал все очень умно... Каждая

* Елани – поляна.

тварь может жить сама по себе... Но зачем он создал одних на съедение другим? Причем, у многих из них жизнь взаимозависима. Не будет в тундре мышей – песцам каюк... Подохнут с голоду! Куда идут по тундре мыши, туда – и песец... Он живет за счет гибели мышей... Он враг для них, а они его спасительницы... Вот и глазастая за счет мышей живет...

Степан выбил о сучок трубку, поднял голову и снова посмотрел на летающую птицу.

– Но не только сильные душат слабых... Ведь зверье, как и человек, размножается. Хочет, чтобы его кровь жила... Все в природе идет в круговую: сначала – жизнь, затем – тлен. А из земли снова возвращаются на свет Божий... Кто – травинкой, кто – ягодкой, кто – букашкой, а кто – лиственницей. И каждый со своей судьбой... Мне много рассказывал о подобных вещах один заезжий китаец... Да так понятно, что я верить стал...

Иван с любопытством слушал Степана, а потом вставил свое:

– Говоришь ты, старшина, вроде, занятно... Но это ты слышал от китаецца. А тот откуда знает? Книжки читает... Все к месту: и травинка, и ягодка, и цветочек, и лиственница... А где же душа человекья? В травке или в лиственнице? Нет ее там! Понял? Так что это все – рассказни! Человек не может стать цветком или травкой после смерти... Потому что никто и ничто, кроме человека, не имеют души. А человек без души, что куль порошний! Его можно заполнить хоть рыбой, хоть дерьмом, хоть стружкой... Ему все равно, что в нем лежит... Такие люди не понимают друг друга. Вот это и зовется бездушием.

Степан недовольно буркнул:

– Эх, ты, Фома неверующий! Ты ведь тоже не знаешь, есть ли душа в травке или цветочке! Может, Господь Бог вложил им особую душу. Да и жизнь у них особая, не человеческая. Хотя они, как и люди, радуются солнышку, прячутся от холода, водичку пьют, как и мы, из землицы... А, может, и говорят меж собой, а мы не умеем слушать. Поэтому, сомневаются кое в чем можем. Но сказать твердо, что в природе все абсолютно именно так, а не по-другому, никто не может... Даже ученый Шмидт был, и тот во многих вещах сомневается. Считаю, что нельзя брать грех на душу, осуждая то, что создано Творцом... Он, наверное, умнее нас, – вздохнул с удовлетворением Степан Буторин.

Ему казалось, что он нашёл нужные слова, чтобы остановить этот спор двух грешных душ.

– Я думаю, – возразил Иван, – нельзя считать грехом поиск истины. Ведь, ища истину, мы ищем Бога, Степан Варфоломеевич.

– Но сегодня для нас истина – найти ходовую лиственницу. И мы ее нашли. Еще штук двадцать пять засечек сделаем, и хватит нам леса до осени. А осенью еще найдем.

У подножья горы вились вверх дымки из балоков и чумов. Плотники встали на лыжи и пошли зигзагами вниз, прочерчивая по склону причудливую тропинку. Они выбрали редколесье для просеки, чтобы лесины по прямой могли катиться вниз.

– Вот с этого места, – показал Степан на пологий, без

единого выступа склон горы, – лесины пойдут как по маслу. Здесь погоним вниз просеку... А до просеки будем на горбу таскать каждую лесину... Хотя снегу на склоне по пояс... Весь ивняк спрятал... Так что поваландаться придется вдоволь! – высказывал свои мысли вслух Степан Варфоломеевич, оставляя на снегу лыжный след.

Следующего дня Буторин собрал плотников, каюров с женами. Сидели на нартах у ближнего к балокам чума. По случаю схода костер зажгли. Потрескивали дрова под языками пламени. Шипели горячие угли от тающего вокруг огнища снега. Каюры в задумье курили трубки, попыхивая дымком, а жены жевали табак.

Степан не сел на нарты, а подошел к костру, сдернул с головы шапку, пригладил взъерошенные волосы.

– Нас здесь чертова дюжина... Одиннадцать мужиков и две бабы... Кашеваром я назначаю артельщика из енисейской епархии Михаила Парфентьевича Селиванова... Как сказали плотники-церковники, он мастак по поварским делам. Лучше всякой бабы делает варево... Даже с топора может кулеш сварить...

Все сидящие засмеялись, а кашевар встал, поклонился людям в пояс и сказал:

– Люди честные, мил человек, Степан Варфоломеевич! Я мастак по плотницкому делу... Мне по сердцу лиственницу валить, а не уху солить... Муторное это дело всем на вкус угодить.

Но старшина епархиальных плотников остановил Селиванова:

– Я с тобой, Михаил Парфентьевич, десять лет бродил по губернии. Сколько вместе кулешу съели. И все десять лет ты кашеварил... А когда надо было, то прятал ложку за голенище, а в руки брал топориче... И всегда успевал артельщиков накормить... Стало быть, рука у тебя набита... И не отнекивайся... Лучшего кашевара среди нас нет...

– Кашевара определили, а зольщиками, ему в подмогу, будут каюры Михаил Пальчин и Дмитрий Болин, – назначил Буторин.

Юраки согласно кивнули головами. А Степан Варфоломеевич продолжил:

– Вы топите печи, рубите дрова, колете лед для кухни, охраняете оленей и наш станок. Ваши жены латают прохудившиеся сокуи*, бокари, вяжут вареги взамен изношенных, стирают наше тельнище** и рубище***, топят баньку.

– Баньку, которой нет? – засмеялся Иван Маругин.

– Баньку начнем рубить уже завтра. На днях Хвостов привезет кирпич на каменку... Чтобы плотники жили в тундре без бани! Я такого еще не видел. Завширеем сразу без мытья, – настаивал на своем Буторин. – Одни мужики – на баньку, остальные – рубить просеку. Прямо отсюда, от станка... Дорогу прорубим, потом начнем лиственницу ва-

лить... Затягивайте, мужики, потуже кушаки, чтобы пупы не развязались. Лесины будут тяжелые, много смолы держат... А вы, енисейцы-церковники, будьте всегда начеку. Видели следы волчьи? Каждый должен быть и с ружьем, и с топором... Мало ли какая зверина заявится... Для отгона зверья будем кострища жечь...

... Каждый новый день не был похож на прошедший. Яркое солнце слепило рубщиков леса. На косогорах стал проседать снег. Наливались почки ивняка. В иные дни солнце сушило кору от зимней сырости, обдавая стволы деревьев испариной. Лучи покрывали лица плотников загаром. Стучали топоры. Падали с оханьем скошенные топорами лиственницы. Веером рассыпался срубленный с сучьев лапник. Через неделю просека была готова. Для пробы одну пятнадцатиметровую лесину скатили по косогору. Докатилась она до самого станка, правда, с двумя зацепами. Тонкий конец лесины обогнал толстый комель и развернул его поперек просеки. Выровняли ломами, надавили еще раз, и вскоре она покорно улеглась на место недалеко от балоков.

– Слава Богу, удачно выбрали покат для просеки, – ликовали Степан с Иваном. – Сколько силенки сохраним на другие дела. Надо успеть скатить весь лес, пока снег в морозе.

Склон горы теперь белел безлесой дорогой, а вверху, вправо-влево, он расходился широкими вырубленными полосами, правда, не сплошняком, а с одиноко торчащими чахлыми елями или тонкоствольными лиственницами. И все это снизу смотрелось снеговой буквой «Т». Горы лапника трещали на огне, пропитанные синим дымом кострища, тепло которого разливалось над грязным, утоптаным и усыпанным зелеными иголками снегом. Дым поднимался до вершины горы, изгибался дуновением сверху и растворялся в малооблачном небе. Тупились топоры, вонзаясь в стволы деревьев, вязли в смоляной паутине, липнувшей к горячему железу. Мелкие твердые щепки падали в снег, светло-коричневыми заколами впивались в него, прощаясь со своей матерью-лиственницей.

По вечерам, после ужина, плотники счищали с лезвий цепкую смолу, точили топоры, клинили топорича.

– Сейчас бы керосину, вмиг бы смола отстала от железа, – подсказал Степану старшей церковных плотников. – Топоры вязнут, а пилу и подавно не протянешь. Это такая bestия! Душу выматывает у пильщиков, поэтому мы всегда обходим стороной лиственницу. Сосна мягкая, дуб твердый, но с ним с охоткой работается... А лиственница страшит плотников...

– Я понял! – ответил Степан Варфоломеевич и позвал к себе каюра Дмитрия Болина.

– Вот что, браток, сгоняй в Дудинское и возьми у Сотникова бочонок керосину... Литров тридцать... Скажи, что дела у нас идут споро, но пилы надо чистить керосином... И скажи, пусть Хвостов везет кирпич для бани...

Только уехал Болин, как подул шелонник****. Темносерые облака шли, цеплялись за вершины гор, стряхивая с себя иголки снега, зависали в ложбинах, закрыв для солнечных лучей все небесные щели. В лесосеке срывалась

* Сокуй – верхняя мужская одежда из оленьих шкур.

** Тельнище – нижнее белье.

*** Рубище – грубая толстая одежда.

**** Шелонник – юго-западный ветер.

поземка, металась по елани, налетала на стволы деревьев, билась о них, на время угасала и снова вертелась. Ползло по земле снежное марево. Ветер навалился невесть откуда на верхушки деревьев, раскачивал, заставлял их скрипеть, биться ветками друг о друга, издавая какофонию лесной тревоги. Смешались воедино и вой ветра, и скрип деревьев, и шум россыпей снега, подхваченных порывами ветровых волн. Степан заваливал очередную лесину, поднимал голову вверх и с тревогой смотрел на приближающуюся пургу.

– Мужики! – закричал он сквозь шум ветра. – Все ко мне! Надо уходить восвояси, пока она не разгулялась совсем. Жаль! Всю делянку присыплет снова снегом.

Собрали топоры, рогатины. Пометили вешками лежащие срубленные лиственницы на случай заноса, погасили костер и гуськом, друг за другом, стали спускаться к подножью Рудной. Шли, накинув капюшоны парок на головы, отворачивая лица от летящей снежной пыли. В чумах и балоках дымились печи. Порывы ветра слизывали дым у самых печных труб и дымовых отверстий чумов и мигом размывали его в сыром туманном воздухе.

– Сейчас привяжем веревками наши балоки к бревнам, чтобы в пургу не перевернуло... Заносим в балоки дрова, лопаты, пригодятся в пургу... Запасайтесь терпением, енисейцы! По нужде ходить только по веревке... А черная пурга дня три будет, – предупредил плотников Степан Варфоломеевич.

Енисейцы заулыбались, мол, пошутил Буторин. Тот остановился и строго посмотрел на каждого из проходящих перед ним плотников.

– Я, други мои, не шучу! В черную пургу потеряться, – что сучок топором срубить! Поэтому веревка будет к месту! А то выйдешь, упрешься лбом в колышающуюся снежную стену – и завертит тебя ветер-шайтан во все стороны! Рядом с избой находили мертвыми заплутавших в снежной круговерти людей... Но уже после пурги... Кругами человек ходит вокруг балока или избы, а вовнутрь не попадает... Ни зги не видать, и ветер с ног валит.

Енисейцы сразу присмирели. Как-то невольно сжались их теплые тела в жестких парках, будто они пытались сохранить это тепло на все дни холодной черной пурги. А Степан все строжил.

– От того-то ее и зовут черной, что снег темнеет, когда его несет ветер до сорока метров в секунду... А еще она творит черные дела... Гибнут в пургу и люди, и олени, и звери... Никому нет спасения, если она застает врасплох...

Набожные плотники-церковники перекрестились. Быстро закрепили балоки, занесли внутрь дрова. Решили по очереди чистить снег у дверей каждого балока, чтобы можно было выбираться наружу. И только кашевар Михаил Парфентьевич с Пальчиным разносили ужин артельщикам. Чайники кипели в каждой «избушке на полозьях». Огоньки свечей вздрагивали при каждом порыве ветра. Балоки скрипели, подставляя свои стены начинающейся пурге. По крышам и стенам дробно стучала снежная пыль, будто кто-то стрелял мелкой картечью. Раскаленные докрасна печи от-

давали тепло, потом тускнели и снова горели ярко-красным закатом от залетающего в трубы свежего ветра.

Когда кашевар Михаил Парфентьевич варил еду – никто не видел, но артельщики, ставшие в пургу лежебоками, без варева не оставались.

Пришвартованные веревками «избушки на полозьях» выдержали беснующуюся стихию. Лишь несколько оленьих шкур, которыми были обтянуты балоки, лохмотьями висели на стенах. Ветер жестоко исхлестал их о доски, выбив напрочь шерсть и превратив их в ровдугу. Пурга закончилась к концу третьих суток. Из занесенных балоков артельщики выбирались через снежные штольни, пробитые в снегу. Прикрывали ладонями глаза от яркого солнечного света. Воздух был прозрачен, будто вымыт пургой. Над долиной стояла веселящая тишина. Все в округе казалось чистым, свежим, только что родившимся на свет Божий. Небольшие светотени лежали у застрогов, вычерчивая сугробы. В небе кружили совы, выискивая глазами оголованных во время пурги мышшей. Куропатки жадно набрасывались на торчащие из снега прутья ивняка, не боясь появившихся из трехдневного заточения людей. Дмитрий Пальчин и две юрочки отбрасывали лопатами снег от утопавших в сугробах балоков.

– Ну что, мужики, меняем топоры на лопаты и – на очистку лесосеки! – сказал Степан Варфоломеевич. – Накрутил шайтан снегу по самое некуда!

На склоне горы соорудили волокушу, прикрепили веревки и начали укатывать просеку. По вешкам откопали лесины, засыпанные снегом. Всю ночь работали плотники и лопатами, и ломами, и топорами. К утру катнули вниз первые бревна. Скрипели на ломах лесины, гудели катящиеся по деревянным полозьям ошкуренные лиственницы. А у подножья горы их сортировали, складывали в штабеля. Один штабель на постройку барака и лабаза, второй – на штольни.

Через три дня прибыли из Дудинского десять нарт с кирпичом, керосином и свежим хлебом. Кирпич сложили под крышу будущей бани, свежий хлеб разнесли по балокам, а керосин отдали кашевару. Он будет выдавать его на очистку пил, на заправку ламп и на розжиг огня кузницы.

Хвостов пояснил Буторину:

– Степан Варфоломеевич, я не стал сюда везти глину. Вон там, у Угольного ручья, на склоне горы есть глина, – показал Мотюмяку Евфимыч рукой в сторону Рудной, – отбросите снег и увидите. Надолбите ломами и кладите каменку... Кто из вас печник?

– Печников у нас трое – все из тех, кто нашу церковь чинил... Они и в бараке будут печь ставить... А за медеплавильню братья бояться... Никогда, говорят, не клали адову печь. Хотят чертежи взглянуть... Если в них разберутся, то, может, и согласятся. А нет – надо искать кладчика... Они бы подсобляли по его указке, – ответил ему Степан Варфоломеевич.

– Через неделю начну завозить кирпич – три тысячи штук, чтобы хватило на все нужды. Сейчас отбирают, что покрепче, чтобы выдержал сильную жару, хотя много кир-

пича превратилось в пыль.... А ну-ка, только подумать.... Лет тридцать под церковью стоял, и вот уже лет десять лежит в лабазе. Время и морозы не щадят даже кирпич. Стены стали давать трещины.... Вот почему братья Сотниковы нынешнюю церковь срубили деревянной. Не сами, конечно, а церковные плотники.... Уже двенадцатый год стоит, лишь дважды чинили.... Крепкая церквушка получилась.... Так что, Варфоломеич, пятьюдесятью нартами за четыре ходки управлюсь.... Надо успеть, пока зимник держится, – сказал Хвостов.

Он стоял, покачиваясь, как будто ожидал услышать кое-что от Буторина. Потом вдруг спохватился, подскочил вплотную к Степану Варфоломеевичу и начал легонько стучать его в грудь:

–И еще, Степан Варфоломеевич, чуть не забыл! Мерзлотничек надо небольшой соорудить. Где летом рыбу свежую, туши олени будем хранить? Людей кормить надо. А их летом много будет. Иван Казанцев обещал в начале мая муксуна подвезти.... Пока кули с рыбой потерпят в снегу.... А снег сойдет, куда спрячешь? От тепла – порча пойдет! Я из Дудинского двадцать туш оленя подкину.... Будешь выдавать по векселям кашевару.... А летом всю провизию возьмет на себя Сидельников.... Он приказник, ему и людей кормить впору. А у тебя забот полон рот, – почувствовал Хвостов Буторину.

–Сочувствовать вы все горазды.... А вот как быстрее с лесом управиться – никто не подсобит и не подскажет. Ты мне еще и мерзлотник вешаешь. Я-то его сделаю, да людей у меня маловато.... Тут с пилами была возня.... Вязли зубья в смоле, как мухи в меде.... Хорошо, старшина енисейцев подсказал промывать пилы керосином. После него листовничная смола как вода стекает.... Продольные пилы славные попались – под стать пыльщикам: и низовой, и верховой – выносливые, как волю.... Пошла добротная доска.... Вон, видишь, в штабеле.... Они же и пилорезы.... Пилы точат умело, со своими секретами, но с нами пока не делятся.... Но да Бог с ними! Главного, не просят выпить. Мои артельщики нет-нет да и кивают на зелье. А эти, богомольные, молчат. Перед снeданием, обедом и ужином крестятся, как и положено верующим. По характеру – добряки, мухи не обидят. Лишь старшина у них нахрапистый, на старовера смахивает.... Но болеет за громаду, за артель.... Хотя старшина и должен быть таким....

–А мои, потаповские, как? – поинтересовался Хвостов.
–И Болин, и Пальчин – разворотливые.... Дважды говорить не надо – понимают с полуслова. И дрова, и печи, и олени в полном порядке.... А уж кашевар – на всю округу! Такого я бы в свою артель взял.... Что топором по дереву, что ножом по хлебу владеет.... Сегодня поужинаешь – сам оценишь, Мотюмяку Евфимыч! – ответил Буторин.

Хвостов нетерпеливо дослушал Буторина. Не привык он к длительным разговорам, да и своих пастухов-каюров от этого отучил.

–Много говоришь – мало делаешь! – не раз он одергивал болтливых пастухов. – Скажи двумя словами суть того, о чем ты думаешь, и я пойму.

Пока старшина артельщиков рассказывал о своих делах, Хвостов уже думал о мерзлотнике. Думал, где определить ему самое удобное место. И как только у Буторина наступила пауза, он тут же взял его за руку:

–Пойдем, Степан Варфоломеевич, подыщем место для мерзлотника. Надо строить недалеко от места будущего барака. Столовая будет там.... Для нее необходимы разделочные столы под мясо, под рыбу. Обязательно обеих жостью, чтобы легче мылось.... На кухне не забудь вытяжку, чтобы копоти меньше было.... Сделай пять разделочных досок и пять деревянных шаек.... Лед для мерзлотника будете рубить в Угольном ручье, а сверху накроете дерном. По-моему, все передал тебе, о чем просил Киприян Михайлович....

–Передай Сотникову, пусть не беспокоится! Я такие мерзлотники чинил на Бреховских.... Знаю, что почем. Сделаем ледник, как у нас на Минусе говорят.... Только уж работы вы на мою артель навалили больше, чем на той бумаге.... Нужны подсобники: лес катать, доску штабелевать.... Мы плотники, белая кость, должны только строить. Надо, чтобы каждый удар топора плотника шел в дело, а не сучки рубить.... Для сучков надо держать сучкорубов. Будет навещать нас Сотников, пусть везет с собой человек четверых тунгусов, да покрепче.... Работа тяжелая – не хореем махать.... Может, у тебя есть на примете крепкие мужики?

–Из Дудинского везти некого.... Там все при деле.... Я ему скажу, чтобы он взял нганасан из Норильских озер.... Там у него полно должников.... Пусть приезжают к тебе с семьями, ставят чумы рядом с юрацкими и помогают. Рыбу себе на зиму они смогут заготовить и здесь.... А уж олени – родня привезет от залива.... К вам мы подъедем втроем: Киприян Михайлович, Инютин и я.... Но прежде заглянем на Норильские озера.... Может, там найдем подсобников.... Киприян Михайлович еще раз хочет пометить наиболее удобные места для постройки барака, лабазы, печи.... Начертить схемы будущих дорог для подвозки руды, угля, дров.... Думает отсыпать их породой, особенно через болотистые места, через ручьи и мелкие озера, – ответил Хвостов.

В ночь ушел на Дудинское аргиш Хвостова. Окрепи наметы снега, связанные морозом после черной пурги. Снова нахохлились куропатки, сидя стаями у кустарников ивняка в ожидании исчезнувшего тепла. Спрятались на исхудавших за зиму листовничках, почти слившись с почерневшими ветками, крючконосые совы. Одинокие песцы нохали воздух в поисках корма.

И лишь олени бежали налегке знакомой дорогой, хватали снег губами, водили головами, будто пытались выскокить из упряжи. К утру показался изгиб Енисея, а вскоре – и рубленые избы Дудинского. Теперь олени пошли правым берегом Дудинки. Через два часа аргиш уже был у Верхнего озера. Мотюмяку с каюрами распряг оленей, попил чаю в чуме пастухов и уехал на легкой нарте к Сотникову....

...Через недельку, после Пасхи, Киприян Михайлович вместе с Инютиним и Хвостовым ушли на четырех легких иряках к артельщикам Буторина. Сначала решили загля-

нуть на Норильские озера, а уж затем навестить залежи. Благо, что от Норильских озер до горы Рудной – рукой подать. Ехали не торопясь. В весенней тундре, уже местами дышащей испариной, ехать легко и неумоительно. Остановившись, стреляли по куропаткам. Разминали затекшие ноги. Пили чай. Пугали зайцев, объедавших ветки ивняка. Мяли в руках тающий снег, подбрасывали в воздух снежные ледьшки. Вели себя, как дети! Инютин смотрел с любопытством на двух резвящихся мужчин. Они падали на снег и долго лежали молча, глядя в высокое синее небо.

–Вы что, как язычники, лежите на снегу? Думаете, с неба упадет манна небесная? Не дождетесь! Не упадет, хоть на колени станьте! Ко всему надо руки приложить и мозгами шевелить.... Здесь, в тундре, будем свою манну плавить – медь. А она больших денег стоит....

–Вы знаете, Федор Кузьмич, в такие минуты как воображение работает! Глядишь в высокое небо не из-под лба, а прямо.... Глаза открыты настезь, и кажется, что в них вмещается половина бесконечного неба.... Получается, что ты один на один с ним, будто на исповеди перед Богом. И чудится тебе, что оттуда, через эту кисейную синеву, внимательно смотрят на тебя Его глаза. Смотрят вопросительно, как бы спрашивая: «В чем нуждаешься, сын мой?» А ты, молча, лежишь на белом непорочном снегу, раскинув руки, открытый душой и телом.... У тебя нет просьб к Богу, у тебя есть желание очиститься от грехов земных. Чувствуешь, как уходит из тебя вся плачевная юдоль*, и ты становишься чище и праведнее....

–Вы, Киприян Михайлович, говорите складно, что на ум взбрело. А что творится в голове у Хвостова? – спросил Инютин.

–Подобное, Федор Кузьмич! Здесь воображение другому не впечатляет, – ответил Мотюмяку Евфимыч. – Глаза наши там ничего другого не видят, а душа по-другому себя не чувствует. Православие – единое для всех, и верующие одинаково воспринимают небо. Да вы сами, Федор Кузьмич, лягте на снег, отключитесь от земных забот на несколько мгновений, и вы почувствуете себя наедине с небом....

Федор Кузьмич встал с нарты, отошел метров на пять от лежащего на снегу Хвостова и упал спиной на девственно белое покрывало. Его небольшая фигура черным крестом впечаталась в снег, и он застыл, откинув назад голову. Бородка торчала под углом, а на худой шее из-под шарфа виднелся кадык. Сотников и Хвостов, уже сидя на снегу, с улыбками на лицах наблюдали за цуплым ершистым штейгером. А он тихо лежал на снегу, то открывал, то закрывал глаза, будто сверял истинную картинку неба с воображаемой. Мужик по натуре дотошный, он пытался отыскать хоть какие-либо зацепки, чтобы опровергнуть рассказанное Сотниковым и Хвостовым. Но все воспринимал он, как Сотников, как Хвостов, а потом и думать забыл о зацепках. Инютин забыл обо всем на свете. Даже о том, что он лежит сейчас в тундре. В его душу входило умиротворение....

* Юдоль – мир гор, забот и сует.

Сотников окликнул Инютину:

–Федор Кузьмич! Делу время – потехе час! Спускайтесь со своих небес на грешную землю!

Штейгер лежал молча, не шевелился и не слышал голоса купца. Глаза его были неподвижны. Он еще жил в своей фантазии.

–Федор Кузьмич! – наклонился над ним Киприян Михайлович.

Тот лишь сейчас услышал голос Сотникова. Повел глазами и увидел его лицо. Небесная пелена медленно уходила из глаз. Он приподнялся на правом локте и оглянулся вокруг. Как будто в дымке, стояли олени упряжки, а рядом с ними улыбался Хвостов.

–Где я нахожусь? – непонимающе спросил Инютин у Сотникова.

–Был на небе, теперь на земле, в тундре! – засмеялся купец – Теперь вы верите?

Федор Кузьмич медленно поднялся со снега. Встал на ноги. Стоял, пошатываясь, будто опьяненный недавним потрясением. Снова взглянул на небо.

–Нет! Отсюда – не то! Когда смотришь на небо стоя, оно кажется будничным, обыкновенным, сто раз виденным. Да и ты в земных заботах.... А лег – вроде, из этого мира ушел в тот, поднебесный.... Не наяву, а в мыслях ты там, в заоблачных высях.... В этом есть что-то таинственное и загадочное для простого смертного....

–Мы с Хвостовым рады, что наши ощущения совпали с вашими, и вы восприняли это, как таинство.... Здесь, вероятно, человек ощущает себя ближе всего к Богу, даже без молитвы.... Он как бы избавлен от мирской суеты и остается один на один с воображаемым вместилищем Бога....

–Там, где-то в бесконечности, и живет Господь Бог, взлетевший с земли, чтобы с высоты небес было видно ему всю грешную землю, – рассуждал вслух Мотюмяку Хвостов.

–Верю, верю, люди православные.... А я ведь ни разу так не видел небо.... Все работа да работа... Все в землю смотрел, руду добывал... А поднять голову к тому, кто посылал мне фарт, даже и не думал... Правда, в церковь по большим праздникам ходил. Свечи ставил за здравие да за упокой. Крещусь перед тем, как сесть за стол – вроде, так заведено... Да еще стараюсь не делать людям пакостей... Вот и вся моя вера в Бога... И никто мне не сказал – много это или мало, чтобы угодить Богу....

–Ладно, о вере можно говорить бесконечно, – остановил их Сотников. – Отдохнули, чайку попили, на снегу лежали, о Боге вспомнили. Пора в дорогу!

Через несколько часов пути они увидели дымки.
–Вот и озера уже на виду, – показал хореом вперед Мотюмяку Хвостов. – Вон чумы стоят. Это нганасанское стойбище.

На берегу занесенного снегом озера чернело свыше десятка чумов. Ехали опушкой редкого леса. Снег был испещрен санными полозьями, истоптан оленьими копытами и усыпан кусочками коры. Торчали пеньки вырубленных деревьев, валялись сломанные ветки сушняка. Чуть справа

виднелось оленье стадо и сотни выбитых оленями ям – копанец, в которых животные доставали ягель. Позванивали колокольчики, висающие на шеях наиболее ретивых оленей, чтобы их легче было найти в лесу, когда отобьются от стада. Пастух, охраняющий стадо, увидел упряжки, поднял хорей и воткнул его в снег, дав понять ехавшим, что он просит остановиться. Хвостов остановил оленей. Вскоре подъехал молодой парень, лет двадцати, поздоровался со всеми за руки и попросил закурить. Курящий был один Инютин. Но Сотников всегда брал в дорогу табак. Не для себя, а угостить людей, которые встретятся в тундре. Он знал, что курящий тунгус более разговорчив и сговорчив. А если он набьет трубку хорошим дармовым табаком, то становится сразу доверчивей и добрей к гостю. Киприян Михайлович достал полный кисет сухого табаку, протянул пастуху.

–Бери,правляй трубку! А что, в стойбище табак кончился? – спросил купец.

Пастух хитровато повел глазами в сторону. Чувствовалось, что он лукавит.

–А кто в чумах? – спросил Хвостов.

–Никого нет! Все в большом чуме.... Шаман камлает – охоту, рыбалку вещает, – ответил пастух. – Скоро лето. Гусь прилетит, рыбалка пойдет.... А осенью песка, соболька ловить будем....

Сотников и Хвостов понимающе кивнули головами.

–Вы хотели увидеть язычников, Федор Кузьмич? – взглянули на Инютина спутники.

У того промелькнула тень сомнения на лице.

–А почему вы сразу засомневались? – спросил у него Сотников. – Как раз к часу успели – камлание шамана начинается. Только прошу не задавать никаких вопросов. Молча наблюдайте и воспринимайте все, что шаман будет делать....

Остановились у самого большого чума. Он был раза в два больше обычного семейного и предназначался для камланий. Из большого дымового отверстия клубился дым. Снаружи казалось, что внутри чума горит огромное кострище. В стойбище не было видно ни одной живой души. Лишь небольшие лохматые собаки крутились вокруг чума, ожидая своих хозяев, да стояло несколько оленьих упряжек.

–Этот чум для аргиша неудобен – слишком длинные жерди и тяжелый нюк. Зато для камланий – в самый раз: все жители стойбища входят.... В нем еще князец собирает людей для советов, – пояснил Хвостов Инютину.

Чум был покрыт нюком из темно-серых оленьих шкур, а сверху заканчивался закопченным конусом из жердей, тонущим в сизоватых клубах дыма. У входа в большой чум стоял высокий шест, с поперечинами, на которых были насажены грубо вырезанные из дерева фигурки зверей и птиц, а на его вершине – самая крупная фигура гагары, покровительницы рода нганасан. Хвостов остановил упряжки, развернул оленей поперек нарт и, подойдя к чуму, под-

нял полог. Все трое украдкой вошли в чум. Посреди жилища горело большое кострище, вокруг которого сидели люди стойбища в ожидании шаманского камлания. Все молчали, погруженные в таинственную тишину. Гости тоже сели на оленьи шкуры, скрестив ноги по-восточному, почти напротив шамана.

Шаман Нгамтусо сидел перед костром лицом к пологу. Когда входили в чум Сотников, Хвостов и Инютин, он сквозь частокол подвески, прикрывающей глаза, успел разглядеть вошедших. «Двоих знаю, третьего – нет!» – определил он и снова вперился взглядом в пляшущие перед его лицом языки пламени. При бликах костра Инютин рассмотрел маску шамана. Она была сделана из дерева и расписана какими-то знаками в виде летящих птиц, бегущих оленей, воющих волков. Одет Нгамтусо был в шаманский костюм, сшитый из ровдуги. На голове – подобие шапки с металлической подвеской, прикрывающей глаза. И костюм, и шапка увешаны разноцветными лентами, колокольчиками и бубенчиками, издававшими звон при малейшем движении шамана. На груди висела большая медная бляха, маленькие деревянные идолки-нгуо и силуэты гагар. На спине – веером рассыпались цветные ленты с медными пятаками-бляхами.

«Неужели они сами медь из руды плавят на эти шаманские безделушки? – задал себе вопрос Федор Кузьмич. – Надо спросить у Сотникова». Нгамтусо сидел и задумчиво курил трубку из мамонтовой кости, будто что-то выискивал глазами в горящем кострище. Слева и справа от шамана сидели два его помощника-туоптуси*. Один из них взял в руки бубен и начал сушить, вращая его по солнцу над огнем. Отогревая бубен, он ходил вокруг костра, щелчками пальцев проверяя эластичность и вибрацию кожи. Подготовив инструмент, помощник сел на свое место рядом с шаманом. Оба туоптуси были в парках, капюшоны свисали за их спинами. Люди по-прежнему молчали, боясь нарушить таинственную тишину. Даже дети перестали шмыгать сопильными носами. И вот помощник по знаку шамана подал ему бубен, на крестовине которого Инютин увидел привязанные лентами маленькие бубенцы. Нгамтусо ударил колотушкой посередине кожаной мембраны, потом – у самой обечайки**. Раздался сначала рокочущий гул, затем почти шепот шаманского бубна. Шаман понял, что бубен готов к камланию. И теперь он грациозно нанес колотушкой сильнейший удар в центр бубна. Тот загудел глухо и торжественно. Каждый звук сначала летел по кругу конуса чума, оставаясь в ушах сидящих, потом уходил вместе с дымом в высокое весеннее небо. Он никого не оставлял равнодушным. А шаман сидел и стучал колотушкой, виртуозно поднимая бубен вверх или опуская вниз, отводя руку с бубном то влево, то вправо. Он начал, в такт ударам, раскачивать свое тело и выкрикивать какие-то слова. Потом послышался крик гагары, лай песца, вой волка, клекот лебедей, хорканье оленя. Нганасаны понимали его и подхватывали шаманский напев. Все вызывали на помощь шаману добрых духов-варагов: чум наполнился многоголосьем и резкими тревожными ударами бубна. Шаман делал паузы ме-

* Туоптуси (нган.) – помощник шамана.

** Обечайка – дракочная боковина бубна.

жду ударами, будто прислушивался: доходят ли его просьбы до добрых духов. Глаза его по-прежнему были прикрыты частоколом бахромы. Блики костра гуляли по его маске, по его костюму, создавая у собравшихся впечатление, что тело шамана слилось с горящим костром. Помощники легко, словно перед ними не человек, а бубен, подняли под руки шамана и поставили его на ноги. Он, в такт ударам, начал приплясывать и ходить вокруг костра, имитируя движение оленя, летящих птиц, медведя, нарт. Напряжение нарастает. От частых ударов кожа бубна не успевает вернуться в натяжку и издает непрерывный гул. Туоптуси движутся за шаманом, готовые в любой миг поддержать его. Теперь его крики переходят в вопль. Его тело кидает со стороны в сторону. Кажется, вот-вот шаман оступится и попадет ногами в костер. Наблюдающие за камланием, сидя на шкурах, повторяют движения шамана руками, уклоняются вместе с ним от языков пламени, имитируя удары колотушкой, стуча ладонью о ладонь. Помощники поддерживают Нгамтусо за ляжку у пояса, чтобы почти невменяемый шаман не упал в костер. Тресчат в кострище ветки лиственницы, взлетают в воздух сотни мелких угольков, а в глазах людей, поглощенных зрелищем, лишь мелькание пляшущего вокруг костра шамана. Черной пургой крутится вокруг высокого пламени шаман, выжимая из бубна неслыханные ранее звуки. Теперь уже все слилось воедино: и рокот бубна, и блики почти танцующего костра, и вопли, и плывущее по кругу тело шамана. И Сотников, и Хвостов, и Инютин уже теряют из виду камлающего человека. Вокруг кострища вращается какое-то серое пятно, а они пытаются отыскать глазами исчезнувшего прорицателя. Помощники в изнеможении стоят возле костра уже не в силах успевать за этим летающим по кругу серым облачком. Так продолжается несколько минут. Потом вдруг пропадают звуки бубна, напроць размывается и уходит вместе с дымом костра серое облако, а люди, очарованные камланием, находятся в оцепенении от таинства этого зрелища.

... Медленно улечивается оцепенение. Люди будто пробуждаются от короткого сна и видят изнеможенного шамана, бессильно повисшего на руках своих туоптуси. Теперь шаман выглядит спящим. Сородичи в ожидании наблюдают за ним. В чуме стоит тишина. Слышится лишь посапывание спящего шамана, да треск сучьев в угасающем костре. Все сидят, охваченные уже слабеющей волей шамана. Помощники бережно опускают его на оленью шкуру. Кажется, что на шкуре лежит лишь шаманский костюм, а его хозяин ушел в Нижний мир. Прошло несколько минут напряженной тишины. Сородичи знали, что сейчас шаман держит говорку с их умершими предками. Он вместе с добрыми духами-варагами выясняет, будет ли летом рыба в Норильских озерах и куда аргишить нганасанам осенью для охоты на песка. Зашевелился шаманский костюм. Это его хозяин очнулся от забытья. И начал бормотать что-то непонятное, будто в бреду. К нему подсел один

* Пуцальня – рыболовная сеть.

** Ветка – маленькая лодка-одноместка.

из его туоптуси и стал громко передавать слова шамана сидящим в чуме.

–Я уже в Нижней земле. Большая, очень быстрая река передо мною. Река побольше Дудьпты. На том берегу вижу чум. Перехожу реку вброд напротив чума. Вода меня валит с ног. Меня поддерживают под руки мои духи-вараги. Вхожу в чум и вижу старика с черным лицом. Он лежит на шкуре и шепчет мне слабым голосом:

–Эй, ня, помоги мне рыбой, иначе я с голоду помру!

–Давай пуцальню* – помогу!

Встал старик, дал мне сеть и сказал, где стоит его ветка**. Ставлю сеть в реку на ветке и сразу поднимаю. Рыбой все ячи забиты, выпутываю ее и кладу в ветку. Несу рыбу голодному старику. Он мне говорит спасибо за еду и обещает, что нганасаны весь год будут с рыбой.

Сотников с Инютиным заметили, как потептели глаза сидящих нганасан, услышавших предсказания шамана о хорошей рыбалке. А шаман шел все дальше и дальше, странствуя среди духов и своих сородичей, давно ушедших в Нижний мир. Пообещал удачную охоту на песка, на оленя, внушая своим сородичам надежду на лучшую жизнь....

В чуме стало душно. Захныкал ребенок, кто-то взорвался долго сдерживаемым кашлем, кто-то стал жевать заложенный за щеку табак. Но уходить из чума никто не стал, кроме Сотникова, Хвостова и Инютина. Вышли на солнышко. Инютин дрожащими руками набил табаком трубку и долго не мог его запалить. Балагур, скептик и Фома-неверующий в подобные языческие вывороты, он был потрясен, как ему показалось, превращением шамана в летающее вокруг костра облачко и тем, что тот сумел своими выкрутасами так заморочить голову Инютину, что тот стал верить во все происходящее в этом чуме. Он поглядывал то на Сотникова, то на Хвостова, но те, казалось ему, не приняли эти шаманские чары. Штейгер медленно выходил из оцепенения. Печальный мир с грустью возвращался в его глаза. Хвостов взглянул на его угасшее от пережитого лицо.

–Хватит, Федор Кузьмич, где-то блуждать, возвращайтесь в старую жизнь! – потряс его за рукав парки Мотюмяку Евфимович. – Вы меня видите?

–Вижу, но как в тумане, – ответил Инютин.

–Значит, вы еще не вышли из чар шамана, – подтвердил Хвостов. – Лягте на снег, как прежде, и окунитесь мысленно в другой мир.... В поднебесье.... Все из вас улечится....

–Дайте хоть покурить спокойно, – взмолился Инютин. – Может, и без неба обойдется.

А сам, по-прежнему, смотрел сквозь Хвостова. Но трубку курил более уверенно и изящно, чем сразу после выхода из чума.

–Вот вам и язычники, Федор Кузьмич! Такого в нашем православии нет! – сказал Сотников.

–Есть, Киприян Михайлович! Только у нас это называется чудесами. То икона чудотворная вдруг заплачет кровавыми слезами, то целебные источники появляются у скитов святых, – возразил Хвостов. – И здесь та же чертовщина.... Только не икона, а шаман-чародей. Всех

взял своими чарами, кроме нас с вами... Мы знаем эти камлания... Перекрестились перед тем, как в чум войти, а Инютину не сказали... Хотели, чтобы он сам убедился в шаманской силе.

Инютину было не до разговоров. Он плохо воспринимал то, о чем говорили его спутники. Федор Кузьмич отошел в сторону от большого чума, увидел ненаследженный пятачок снега и лег на спину. Он закрыл глаза, усилием воли вытеснил из головы мысли о шамане и закрыл картину шаманской пляски видом синего неба.

–О! – воскликнул подошедший Мотюмяку Евфимыч. – Дело улучшается... Уже появился быллой блеск в глазах.

А Федор Кузьмич теперь реально видел стоящих перед ним мужчин, отчетливо слышал и понимал их разговор. Трижды перекрестился, лежа на снегу, и с надеждой смотрел в высокое небо.

Из чума слышались голоса. Там, вероятно, уже закончилось камлание. Люди выходили через полог наружу, закуривали, собирались кружками и говорили о прошедшем шаманском обряде. А князец Нинонде, по-лиси, тихо, подошел к гостям.

–Киприян Михайлович! Помогите сетями... Шаман обещал много рыбы.

Сотников свысока посмотрел на князьяца.

–А если бы мало было рыбы, то ты бы не покупал у меня сети?

–Не знаю! – закрутился вьюном князец.

–Наоборот, когда плохая рыбалка, надо выставлять больше сетей, а не на шамана надеяться. Ты о своих людях больше думай! Чем кормить их будешь в плохой год? Надо запас держать сухим: и муку, и порох, и чай, и табак... Да рухлядь хорошую иметь на мен... А то весь род твой в должниках ходит. Стоишь на рыбных озерах, а рыбачишь плохо, стада дикого рядом ходят – оленя мало бьешь... Песец на Авам уходит – ты сидишь у Норильских гор... Плохой ты, князец, похож на долганина Матвея... Пить любит, гулять любит, работать – нет... Ты бы взглянул, как юраки живут, особенно рода Сурьманчи, Выся. Богатые... И все у них есть... Потому, что ловки и в охоте, и в рыбалке, и в аргише... Знают, где лучшие места для промысла. Одним словом, езжай в Дудинское к Сидельникову... Песцом сможешь рассчитаться?

–Есть у меня песец маленько... Приеду, привезу нарту рухляди, – ответил Нинонде.

Из чума важно вышел шаман Нгамтусо. Остановился, покрутил головой. Сначала налево, потом направо, поводил носом, будто к чему-то приноживался. Помощник набил шаманскую трубку свежим табаком, прикурил и протянул хозяину. Тот крепко затянулся раза три подряд, выпустил изо рта клубы дыма и подошел к дудинцам.

–Здравствуйте, гости! – протянул он руку сначала Сотникову, затем Хвостову, а за ним – Инютину.

Инюгин с опаской отдернул руку назад.

–Не бойся! – миролюбиво сказал Нгамтусо. – Я вижу,

что ты в наших краях человек новый. На камланиях надо быть до конца... После завершения моего общения с духами я снимаю со своих сородичей шайтанский туман... Сейчас через руку я снял и с тебя...

Киприян Михайлович вновь перевел взгляд на Нинонде.

–Князец Нинонде! Мы-то заглянули к вам по делу... Твои люди, видно, говорили, что в Норильских горах лес рубят... Чумы, балоки стоят... Людей чужих много.

–Говорили, Киприян Михайлович. Сказывали, что в горах горячий камень будешь крошить и медь плавить... Тундру жаль – загубишь. Все зверье убежит. Кто – в тайгу, кто – к ледовому морю.

–Ты же знаешь, Нинонде, зверья там почти нет... Окромья зайца, лисиц... Олень, песец туда редко заходят... Горы их пугают, корма нет. Ваши угодыя мы не тронем, – ответил Сотников. – А если говорить толком, то тундры на всех хватит... И нам, и нашим детям, и внукам... И рек, и озер, и пастбищ, и зверья... Людей бы на все хватило... Тундра огромная, а людей мало.

Выкурив трубку, шаман Нгамтусо вступил в разговор:

–Киприян Михайлович, вы людей пришлых всех в станки сбрали, а тундру нам, нганасанам, долганам, юракам сдали... Кочуйте, пока подохнете... Платите ясак царю, а мы вас потихоньку подкармливать будем мукой, чаем, водкой, табаком. Мы тьму лет без них жили и еще бы хотели жить... Но теперь водка и табак переживут нас... Аргиши тундру оживляют, а станки умерщвляют. У станков рыбы нет, песца нет, оленя нет... Путики* ваши от станков за двадцать верст. Тундра боится чужих людей... Прячет от них и рыбу, и песца, и оленя, и ягоды, и грибы, – негодуя еще сверкнул глазами шаман.

–Успокойся, великий чародей! Не все люди могут быть кочевниками. Вы никогда не были привязаны ни к чуму, ни к своей упряжке оленей, ни к месту, где родились, ни к одному озеру или к одной реке... Вы в тундру ничего не вкладываете... Вы из тундры только берете... Вы, пока живете, как паразиты, как блохи на теле у собаки... А пришлые – люди оседлые... Они привыкли жить под своей крышей, а не в чуме, спастись от холода в теплой избе... Иметь все свое... Свой станок, свою избу, своих собак, свои сети, свои угодыя для охоты и рыбалки, своих батраков... Жить, работать и охотиться на одном месте... У нас в крови привычка, наряду с общинным, иметь и свое, личное... Вот так заведено среди русских... Помни, что ни ты, ни Нинонде никогда бы не согласились жить нашим порядком. Кочеванье – ваша жизнь... Привяжи вас к одному месту, и вы погибнете, как голодный песец в кулеме... Поэтому каждый народ испокон века выбрал свои обычаи жизни... Я не осуждаю кочеванье. Кочуют и киргизы, и казахи, и якуты, и эскимосы... Вероятно, им так легче выжить.

Киприян Михайлович говорил и смотрел в глаза то шаману, то князю. Их лица медленно, но невольно светлели. Он понял, что сможет переубедить родовую знать и вывести ее из заблуждения в предвзятой оценке бытового уклада пришлых людей.

–И никто из пришлых не посягает на ваше добро...

Правда, есть ухари – приказчики, офени да некоторые из старшин станков, которые норвят надуть ваших сородичей при меновой торговле... Так пусть мен ведут трезвыми, а не пьяными. Муку, порох вначале просят, а не вино... Не успеют сторговаться, а перво-наперво бражничают... Потом пускают в ход ножи друг на друга... Не было бы нас... Наверное, вы бы и не узнали, что такое хлеб, чай, сахар, ружье, табак, водка... И, вероятно, уже вымерли бы, как мамонты.

Шаман Нгамтусо отрицательно закрутил головой:

–Ну это еще, как говорят русские, на воде вилами писано, Киприян Михайлович! По преданию мой род появился здесь за много лет до Рождества Христова. Верно я говорю, Мотюмяку? – обратился он к Хвостову.

–Верно говоришь, Нгамтусо! – поддержал его Хвостов.

–И ведь не вымерли мы, Киприян Михайлович! Вы, русские, появились здесь лет двести пятьдесят – триста назад... Пришли с крестом и пищалями, а мы уже здесь кочевали... Так кто из нас хозяин этой земли?

Сотников с усмешкой ответил шаману:

–Вишь, как сейчас заговорил! Наверное, давно эти мысли в голове носишь? Мудрость свою чешуею забиваешь! Когда муки нет, чаю нет, сетей нет – хозяин здесь Сотников! Ко мне едете просить... Даже твои шаманские камлания не помогают. Считаете меня самым главным шаманом... Потому, что я все могу... Ведь хозяином считается не тот, кто первым осел на ней, а тот, кто эту землю свежо жизнью наполнил... Сначала это были стрельцы да казаки, а потом пришлые люди... С тех пор пошел ясак в царскую казну. А царь стал вам помогать жить: и хлебом, и чаем, и ружьями, и порохом, и свинцом, и мануфактурой. Но, главное, Божьей верой... Хотя ваш род так и остался в черной вере... Долгане и юраки крещеные, а вы пока нет... Ты пойми, великий шаман! Я без тебя проживу, а ты без меня – нет! Я имею в виду не нас с тобой, а наших людей: нганасан и русских... Ты уже не сможешь прожить без хлеба, без пороха и ружей, хороших неводоу, табака и водки... Вы уже забыли, как люди жили в старину до прихода русских... Много, что мы вам привезли, уже вошло в вашу плоть и кровь... И доброе, и худое... А хозяева здесь те, кто фартово управляется и на охоте, и на рыбалке, и в торговле, и в семье. И юраков, и долган, и нганасан в тундре более трех тысяч душ, а хозяев – единицы. Вот: обрусевший нганасанин Хвостов, юраки Сурьманча и Высь. А из долган – и назвать некого. Не можете и не станете вы хозяевами этой земли, потому что привыкли жить одним днем и грамоты не знаете. И шаманам, и князьям надо заставлять своих сородичей перенимать лучшее у затундринских крестьян... Сколько их, крепких хозяев, только по Енисею... И Кокшаровы, и Теткины, и Лаптуковы, и Казанцевы, и Байкаловы. Я могу назвать еще несколько домовитых хозяев, на которых держится все низовье... А батраками у них – ваши люди. Правда, нганасан мало, а долгане и юраки в каждом станке. А тебе, великий шаман, надо камлать людям о другом... О том, что не охотиться и не рыбачить – это самый большой грех. Это еще хуже, чем бражничать и

бить своих жен. Таких лежебок и варнаков надо гнать из родов, из стойбищ к шайтану. Без дела им в тундре – смерть. А в стойбище лежебоки знают, что родня не даст умереть с голоду. Поэтому у вас мало песца, рыбы, оленя... Вы остаетесь бедными: чумы дырявые, парки холодные, олень слабый, люди мрут от болезней...

–Да ты не сердчай, Киприян Михайлович! – остановил его Нинонде. – Мы всегда твои добрые советы помним, но не всегда понимаем – ты старше нас и мудрее... Может, нашу кочевку и нельзя вести по-другому... Люди наши не хотят ни вашей веры, ни ваших изб, ни ваших пароходов... Все это от шайтана... А наши сородичи боятся шайтана и верят только одному ему, великому Нгамтусо.

–Веру у вас никто не отнимает! Шаман, так шаман! А у нас священник Даниил и вера православная. Вера – верую, а заставить своих людей «добывать хлеб насущный в поте лица своего» надо и князьям, и шаманам... Как? Надо вам обмозговать самим. Бабы ваши труженицы, а мужики совсем захирели... Вот их и запрягите в упряжку, как оленей: охотиться, рыбачить, пасти строить и настораживать. Одним словом, у вашего рода очень мало похоти, а отсюда мало и стремлений... Вызовите у людей больше желаний – жить станете лучше. Вы же должники и у меня, и у хлебозапасного магазина. Я прошу тебя, Нинонде, отбери четырех крепких мужиков и направь на копи в Норильские горы... Там их ждет Буторин... Работать будут за долги, а едой я их обеспечу. Это надолго... Можно ехать с семьями...

Нгамтусо недоверчиво посмотрел на купца.

–А говорил, ты без меня обойдешься?

–Обходился! И сейчас могу обойтись... Но когда-то надо вам отдавать долги, – ответил Сотников и добавил, – Буторин заставит их работать... Каждый день, а иногда и ночь. Потаповские юраки помогают плотникам – Степан Варфоломеевич доволен.

–Будут тебе люди, Киприян Михайлович! Через два дня придет аргишом к Буторину, – заверил купца Нинонде.

* Путики – охотничьи угодыя, тропки.

Мария ГРАЧЕВА

Родилась в Иркутской области, детство прошло в маленьком поселке на берегу Ангары. Живет в Дудинке, работает в газете «Таймыр», учится на факультете журналистики в Иркутском госуниверситете. Пишет стихи, рассказы. Публикуется на страницах окружной газеты, в альманахе «Полярное сияние».

МОЙ БРАТ АВЕЛЬ

Рассказ

"О мой маленький брат
С волшебной фигой в кармане
В разноцветных очках
С цветком в бороде
Пусть без руки, без лица, без ступней
Я узнала тебя
Ты, наверно, стал ветром
Тебя уже нет нигде"
Аня Герасимова.

В последнее время мне часто вспоминается одно очень странное событие. Тревожит оно меня потому, что я никак не могу себе его объяснить, не могу понять, что оно значит. И хотя произошло оно несколько лет назад, я не смог придумать ему ни одного, даже самого жалкого объяснения.

А началось все с того, что однажды я решил съездить в гости к своему брату, с которым не виделся несколько лет. И вот я уже сидел в вечернем экспрессе, ощупывая в кармане газовый пистолет, который я взял с собой на всякий случай. За окном, в густом морозном сумраке, словно обглоданные куриные кости, выставляли себя напоказ черные кусты и деревья.

В городе, где живет мой брат, я был в последний раз очень давно, поэтому долго плутал по ночным закоулкам, прежде чем наткнулся на знакомое здание.

Дом изнутри представлял собой вереницу коридоров, в каждом из которых было по 30-40 дверей. Все это, даже потолок, было покрашено в светло-зеленый цвет, казалось, что слой краски – не меньше чем с кулак. Грязь и пыль так впитались в двери и стены, что находиться в подъезде было омерзительно. Все номера квартир на дверях были намалеваны каким-то малиновым цветом, что создавало тошнотворный эффект.

Я поднялся на четвертый этаж и постучал в знакомую дверь. За ней послышался шорох, но дверь никто не открыл.

Я постучал еще раз. На этот раз из-за двери не послышалось ни звука.

Из какого-то коридора вышел маленький скукоженный старичок, подошел ко мне вплотную и нахально заглянул в

лицо. Он был намного ниже меня, и к тому же в кармане у меня было оружие, но мне вдруг стало не по себе.

– Он здесь не живет, – прошамкал дед.

– Кто? – спросил я.

– Он, – коротко пояснил старикашка.

«Сумасшедший», – подумал я. И все-таки решил ничему не удивляться, и с некоторой долей ехидства спросил, где же ОН живет.

– Там, – шамкнул дед и ткнул пальцем в дверь напротив.

Я подошел к указанной двери. Дед безучастно стоял в стороне и наблюдал, как я стучусь в чужую дверь. Видимо, почувствовав, как меня злит все происходящее, дед философски заметил:

– Тебе не откроют.

– Это почему же? – удивился я.

Вместо ответа дед постучал в дверь сам. Она тут же распахнулась. Из-за двери выглянул второй щупленький, мышеобразный дедок. Чем-то они были похожи друг на друга. Оба дедка живо, по-стариковски засовещались, и несмотря на то, что говорили они довольно громко, я не смог разобрать ни одного слова. Их разговор был больше похож на какое-то мычание, повизгивание, бред двух сумасшедших.

– А где он живет? – раздраженно спросил я, словно в пустоту.

Дедки указали еще на какую-то дверь и спрятались за своей.

Этот цирк начинал мне надоедать, но я постучал туда. Из-за двери показался третий дедок, тоже похожий на двух первых. Те при появлении третьего самозабвенно захихикали.

Третий, постояв секунду на пороге, вдруг двинулся мне

навстречу. Он протянул руки, пытаюсь дотронуться до меня своими уродливыми курталками. При этом он издавал какие-то грудные, похожие на голубиное квохтанье, звуки. Я отступил к лестничной площадке. Тут все двери стали открываться, из них выглядывали похожие друг на друга старички и кричали непонятные фразы, словно подбадривая друг друга, хихикали и переминались с ноги на ногу, как бы боясь переступить порог из собственной квартиры в коридор. Трудно описать всю степень злости, которая охватила меня в тот момент.

Наконец, не вытерпев, я вытащил из кармана припасенный на крайний случай пистолет и пригрозил деду:

– Подойдешь – убью.

Старики словно ждали этой фразы. С гигиканьем, потрясая руками, они вдруг все разом набросились на меня. В два прыжка я оказался в лифте и нажал на кнопку самого нижнего этажа. В этот момент мне было не до брата. Хотелось поскорее выбраться из этого проклятого дома.

Когда двери лифта открылись, я увидел, что нахожусь не на нижнем этаже, а на втором или третьем. В коридоре было так тихо, что капающая где-то с потолка вода казалась самым шумным в этом доме явлением. Одна из дверей открылась. На секунду из нее высунулся старик и ткнул пальцем в находящуюся рядом дверь. Старик подмигнул мне и скрылся в своей квартире.

– Придунок, – подумал я. – Но постучу. На всякий случай, и это – в последний раз.

Но дверь открыл еще один клон-старик.

– Авеля? – спросил он.

– Нет, мне нужен мой брат К., – ответил я.

– Авель! – закричал старик так, что стекла в конце всех четырех коридоров задребезжали.

Ожидая очередной стариковской пакости, я уже было приготовился бежать – отбиваться от очередной толпы сумасшедших стариков мне не хотелось. Но в этот момент одна из дверей в конце коридора открылась, и я увидел своего брата.

Из окна, к которому он стоял спиной, пробивался первый утренний свет, поэтому сразу его лица я не разглядел. Он стоял, чуть сгорбившись около открытой двери своей квартиры, словно не решаясь сделать шаг. Я узнал его, перед глазами пробежали чередой все трогательные моменты нашего с ним детства. Я, не помня себя от радости, кинулся навстречу этому маленькому родному существу.

И уже подбегая к К., я услышал топот ног: за моей спиной по коридору неслись старики. Они бежали быстрее меня и, обогнав, прижали к стене, прочищая себе дорогу. Они облепили К., жужжа, гудя, как стая пчел. Иногда они оборачивались, тыкая в меня пальцами, казалось, что они жалуются на меня или за что-то оправдываются. Их слов я разобрать не мог и остановился в нерешительности, не понимая, что все это значит.

И вдруг в этом гомоне я услышал тихий голос своего брата. Он сказал всего одно какое-то слово, после которого старички вдруг поникли и начали быстро расходиться.

К. взял меня за руку и затащил в квартиру.

Квартирка, а точнее, всего одна комната, куда завел меня К., была такой крохотной, что в ней не поместилась бы даже кровать. Наверное, поэтому ее там и не было. Зато весь пол, столик и умывальник были усеяны какими-то листками.

Я растерянно взглянул К. в лицо. Он постарел. Это так удивило меня, что я не смог выдать из себя ни слова, хоть во мне и переплетались, боролись и рвались наружу теплые торжественные чувства. Морщины. Борода. Очень печальные стареющие глаза. Удивительно. Я же намного старше его, а выгляжу значительно моложе.

– Где твои сумки? – спросил он.

– Я их оставил, кажется... на четвертом этаже, – ответил я.

– Зря, – обращаясь куда-то в пустоту, сказал брат. – Сейчас они всю дверь снаружи завалят.

– Почему? – нелогичность его слов слегка меня настрожила.

– Они же совестливые, – с надрывом сказал К. – Сейчас все, что найдут, притащат сюда. Пойдем, заберем, пока не поздно.

И действительно, с внешней стороны двери уже напирала куча разнообразного хлама, состоящего из чьих-то чужих вещей. Кое-как открыв дверь, мы вышли в коридор. Наконец, я выудил из этого месива свою сумку, после чего К. сказал, обращаясь в пустоту коридора:

– Убрать!

– Вот теперь точно все, – слегка повеселел брат.

Такое начало отбило у меня всякую охоту предаваться воспоминаниям нашего детства и другим проявлениям ностальгии. Передо мной был мой брат и не мой брат. Это был совсем другой человек, но сердце щемило от ласковых чувств.

– Что это за психи? – спросил я.

– Зря ты так, им не сладко приходится, – ответил он, словно оправдываясь за всю свору этих злобных старых уродцев. – Я за них отвечаю. Ты знаешь, они как дети. У них душа очень ранимая.

– Я думал, ты порадуешься, что я приехал, – сказал я. – А ты мне этих психов рекламируешь, которые меня только что чуть не затоптали.

– Я рад, – ответил он. – Это хорошо, что ты приехал. Извини, если что не так – просто я очень устал. В глобальном смысле. Понимаешь, на мне слишком большая ответственность.

– Ты постарел, – сказал я.

– Я знаю, – ответил он. – Я ВСЕ ЗНАЮ.

И вдруг мне стало грустно. Я не только ничего не понимал в происходящем, мне казалось, что все это – не реальность, а довольно странный сон. Мне захотелось ощутить все происходящее объемно, разложить по полочкам, понять, осознать. И, словно читая мои мысли, К. изрек:

– Я ничего не могу тебе объяснить, брат. Мне кажется, ты не поймешь все так сразу. Может, когда-нибудь... Я не могу их бросить. Они словно дети. Я отвечаю за них. И я буду за ними следить, пока не стану таким же... Знаешь, ко-

гда-нибудь настанет день, и я увижу в зеркале старика. Это будет быстрее, чем ты думаешь. Но я не смогу уже понять, что этот старик – я. Потому что так же, как и эти старики, стану безумцем. Быстрая старость...

Мой брат всегда отличался какими-то завихрениями, бурной фантазией что ли. Я никогда не мог его понять. Честно говоря, я думал, что со временем у него это пройдет. Как видно, не прошло. Но все-таки старики-то были. Они трогали меня руками, я слышал их голоса, видел их своими глазами. Не могут же они быть плодом воображения моего милого братца!

– Почему ты живешь в этой тесной квартирке? – спросил я, отвлекая себя от этих неприятных размышлений. – У тебя когда-то была попросторнее. Здесь же даже спать негде.

– Я сплю сидя. Тебе тесно? Пока ты гостишь, мы можем перебраться в другую квартиру, – ответил он.

И мы на время перебрались в другую квартиру в этом же доме.

Шли дни. Мы много курили, разговаривали, пили чай, гуляли по городу. За нами всюду таскались его старики. И я почти привык к ним. Они звали его Авель. И К. никогда не объяснял мне, почему.

Он обладал над ними какой-то властью. Он ни разу не прикрикнул на них и уж тем более никого не ударил. Но любая просьба К. выполнялась стариками беспрекословно.

Брат не отвечал мне на множество вопросов, которые я задавал ему. Меня очень интересовало, что это за старики, почему они так друг на друга похожи, почему они живут здесь и почему все они увиваются вокруг К.?

– Ты не поймешь это. Я не хочу тебе забивать этим голову, – отвечал мой брат. – Пойдем лучше погуляем.

И мы опять шли гулять, разговаривать, пить чай... Если честно, мне надоедало во всем этом разбираться. Ведь я привык быть один, решать свои проблемы самостоятельно, а в чужие дела не лезть. И все-таки было бы интересно хоть что-то понять в этой каше, которую заварил мой братец.

К. почему-то становился все грустнее и грустнее с каждым днем. И я чувствовал, что виной всему – эти ужасные наглые старики. Они словно питались его энергией, не желали делить его ни с кем. Словно пауки, они оплели его тело и душу.

– Тебе пора уезжать, – сказал он однажды.

– Да, – ответил я.

Мне вдруг захотелось вырвать К. из лап этих стариков.

– Поехали со мной, – стал я уговаривать. – Поехали, К.! Будет здорово, у нас начнется другая жизнь, мы сходим к врачу...

– Нет, – оборвал меня брат. – Я говорил тебе, что должен следить за ними, пока не стану таким же, как они. Я должен полностью отдать им свою жизнь. Забыл, я же тебе говорил? И причем здесь врач? Нет, тебе этого никогда не понять...

И я тогда подумал, что его бесполезно уговаривать. Все-таки как нелепо он проживает свою жизнь! Наверное, поэтому и постарел раньше срока. Мой глупый непутевый

братец!

Мы собирались вместе. Он перетаскивал в свою прежнюю квартирку немногочисленный скарб, а я укладывал свои вещи в сумку. За дверями толпились, шушукались и радовались моему отъезду похожие друг на друга злобные старички.

Ирина ДУБОВИЦКАЯ

Родилась и выросла в Дудинке. По специальности – бухгалтер. Работает в администрации города. Ее первые рассказы печатались в коллективных сборниках крымского издательства. В альманахе «Полярное сияние» публикуется с 2001 года.

ИГРА

Рассказ

Прохладное сентябрьское утро. Саша поменяла табличку с курсом валют на рекламном щите крошечного пункта обмена и постояла пару минут на ступеньках. Терпкий горьковатый запах хризантем с цветочных рядов городского рынка. На прилавках раскладывался товар, первые покупатели потянулись к молочному павильону, рядом с обменным пунктом разгружали арбузы и дыни корейцы. Все как всегда. Разве что немного зябнут пальцы. Впрочем, после невыносимо жаркого лета осень была желанна во всех своих проявлениях.

Санька была мечтательницей. Невзирая на свое сиротство, ранний брак и трагическую гибель мужа. Пятилетний сын Денис – основное ее богатство, то, ради чего она жила. И солнечные фантазии. Да и могло ли быть иначе, если даже сухой язык цифр расцветивался у нее с детства. Восемь, восемнадцать переливались нежной золотистой зеленью первых листьев, семнадцать – сине-зеленой морской волной. Девять было насыщенного сине-фиолетового цвета предгрозового неба, пятерка – цвета малины, пятьдесят – малины со сливками, а пятьсот вообще розового цвета. Имена она тоже воспринимала в цвете. И свое, Александра, казалось ей светлым, с перламутровыми отблесками. Когда подруга называла ее Саня, отблески наливались светлой лазурью, а у имени Саша были оттенки шампанского.

Об этих фантазиях знал только пятилетний Денис и подруга. Сын просто обожал их, обиденное возвращение из детского сада превращалось в вереницу сказочных превращений. Изначально его мироощущение казалось Саньке каким-то мрачным, сердце сжималось, когда малыш замечал только черное. «Смотри, разбили забор, а вот, на обочине, – кошку сбили машиной, и вообще дурацкая дорога – грязь.» Саша внимательно всматривалась, действительно – и кошка, и грязь, и забор, провалившийся, полинявший. А ведь она шла по той же дороге, что и Дениска, но видела совсем другое. Водопад шишек на кудрявом хмеле, резные листья винограда, украсившие старый плетень, островок нежно-лилового кипрея в блестящих стрелах осоки вдоль обочины, яркое голубое небо в непросохших после дождя лужицах.

Когда подруга пару лет назад месяцами ходила в горисполком, «выбивая» квартиру, положенную ей, как молодому специалисту, Саня с двумя прогулочными колясками

гуляла тут же, в скверике. Денис и Аленка привычно ждали ее сказок «Про Пальчики». Все было достаточно просто. Она брала ладошку сына или Аленки, спрашивала, про какой пальчик сегодня будет история, и малыш выбирал, проникаясь важностью момента. Потому что в Санькиных сказках каждый пальчик имел свой характер, капризы и приключения. Ноготки – лица, черты ребенок дофантазировал сам. Повязанный носовой платочек, травинка или ленточка, мазок помады – такими незатейливыми средствами преображались эти перепачканные шоколадом ладошки. Так они и дождались Катюшиного ордера. Подруга позднее искренне удивлялась, чем можно было занимать малышкой. Но это так и осталось тайной «группы поддержки».

Вот и сегодня, в прохладный ветреный сентябрьский день она работала в своем крошечном обменнике, а голова была занята всякими глупостями. Солнечные зайчики пробивались сквозь частые горизонтальные полоски жалюзи, мелькали на кассовом аппарате. У окна совсем молоденькая красивая кореянка нахваливала дыни покупателю:

– Спелая, ароматная, на губах, как поцелуй любимой, тает! Только для тебя, совсем даром такую нежную, такую сладкую!

Саня приподняла полоску жалюзи и убедилась – покупатель смущен. Девчонка откровенно смеялась, все звучало двусмысленно, точно не дыню, а себя она предлагала. И покупатель, крепкий мужик средних лет, краснел, качая головой. Игра нравилась обоим. Станным образом этот эпизод зацепил Саню. Умеют же некоторые сказать все одними глазами. Обычный флирт, ни к чему не обязывающий. Точнее, намек на флирт.

А у нее сплошные сложности в личной жизни. Все всегда она воспринимала всерьез. Но обязательно ли быть жизненно героиней трагедии? А другие сценарии не для нее? А если она придумает для себя самой историю? Получится ли? Саша впервые задумалась об этом. Как минимум, можно попробовать. Правда, нужен кандидат. И если уж быть последовательной, сначала надо придумать и себе совершенно новые правила. Вот хотя бы цветы. Ей нравились практически любые, лишь гвоздики оставляли ее совершенно равнодушной. Что ж, с этого момента ее любимые... Пусть будут розы. Цвета... цвета... Да, белые, с узким вы-

соким «бокалом» бутона. Всего один раз Саня видела именно такие, голландские. Но все же, а что с героем?

Негромкий стук в стекло окошечка вывел ее из задумчивости. Подошел представитель фирмы, обслуживающей их кассовые аппараты. Программирование, снятие показателей, профилактический осмотр. Проверив документы, Саня впустила его в обменник. Кассовый аппарат, столик размером с тетрадку, старый венский стул – вот, собственно, и все, что помещалось в будке. Протиснувшись к аппарату, молодой человек занялся работой, поглядывая на Санию. А та, покусывая колпачок ручки, уже проверяла дневной отчет, продираясь сквозь три прыжка курса.

–Нет, что ж это такое, – вдруг услышала она. – Пытаюсь общаться, а на меня ноль внимания!

Саня очнулась, оглянулась на программиста и наконец-то, что называется, «навела резкость». Располагающее лицо, смеющиеся карие глаза. Ну, вот же он, конкретный живой человек, а не фантом. И, похоже, заинтересовался рассеянной Сашей. Она буквально заставила себя включиться в разговор, и была приятно удивлена тем, что Андрей не только умница и, похоже, тактичен. С чувством юмора вызову, Саня уже решила, что кандидат на вторую главную роль найден.

Вечер был полностью посвящен сыну. Утром заедет подруга с дочкой и заберет его в деревню. На целый долгий месяц. После ужина, выбора игрушек, которые, как выяснилось, просто необходимо взять с собой, упаковки небольшого ранца с вещами, Дениска, сонный, розовый, устроился на подушках и потребовал сказку «на прощанье».

–Какое прощанье, сердце мое? Всего месяц, и ты приедешь!

–Целый месяц... Рассказывай, не отговаривайся!

–Ну ладно, попробую. Про... - взгляд Саше в поисках возможного сюжета случайно остановился на старой, любимой соломенной шляпе. – Про шляпку... Помнишь, сын, мы ездили на лиман летом? Ели вишни в саду, строили замок из песка. Катались на прогулочном катере... Было тепло. И ты учился плавать... И так.

...Хорошенькая соломенная шляпка лежала на палубе прогулочного катера под шезлонгом и расстраивалась. Как ее, такую новенькую, такую славную, забыли? Но, похоже, это было именно так. После морской прогулки хозяйка сошла на берег и растворилась в пестрой толпе.

Она оказалась ненужной? И что теперь? Небольшой кокетливый бантик на шляпке поник в растерянности.

Воздух посвежел, вечерний туман смягчил очертания шезлонгов, нежная водяная дымка окутала шляпку, затем пара соленых капелек скатилась по блестящей соломке тульки...

–А ведь, похоже, я плачу, – подумала шляпка.

Туман, вечер и прохлада, конечно, не были следствием ее горя, но действительно, очень подходили к случаю. Она

вся была поглощена жалостью к себе, когда раздались старческие шаркающие шаги. Шишковатые пальцы подняли шляпку и стряхнули капельки вечерней влаги.

–Кто же забыл такую красавицу? (Бантик на шляпке дрогнул и затрепетал от обиды...) Ничего, завтра хватятся. Оставлю пока тут, – и ее пристроили на крючок рядом со спасательным жилетом.

Да-да, ее непременно хватятся. Какое хорошее, обнадеживающее слово! Хватятся... А без нее хозяйке будет чего-то не хватать! Шляпка была приятно удивлена – если бы не ужасное происшествие, она и не подозревала бы о своем интеллекте... Гордая своей исключительностью (красивая и умная – какое сочетание), она, наконец, огляделась.

Спасательный жилет наплавался за день и спал крепко, без сновидений. Это был здоровый сон работяги. Завтра опять – морские прогулки, остановки в уютных бухтах, не умеющие плавать малыши и он, надежно поддерживающий на воде. Спасатель мог собой по праву гордиться, поэтому держался с невозмутимостью и достоинством бывалого моряка. Он и был им. И хватит об этом, не мешайте спать...

Шляпка притихла было, но любопытство одержало верх и, подождав, когда очередная волна качнет катер, ловко повернулась синим бантиком к стоящей рядом жерди. И что это? Гигантская акварельная кисть? Метла морской ведьмы? Но интересно, почему вместо прутьев у метлы – плотный пучок веревок?

–Да брось, я... (Денис подпрыгнул на кровати: «Корабельная швабра!» Саша кивнула и продолжила).

–Ф-ф... – Шляпка подобрала соломку.

Швабра не обиделась, она даже жалела бедняжку. Сколько таких новеньких и нарядных было забыто за этот сезон, и прошлый, и прежние. Жизнь этих летних мотыльков быстротечна. В конце отпуска их просто оставляли на юге. В другой, зимней реальности не было места выгоревшим на солнце курортным безделицам.

Вечер наливался синевой. Старик вышел на корму, зачерпнул воды за бортом, подтянул ведро, привычно перехватывая узлы веревки, выплеснул на палубу раз, другой, взял швабру, и вскоре палуба задышала чистым просоленным деревом. Стемнело. Оторвав взгляд от россыпи огней бухты, старик надсадно прокашлялся, с любовью провел по блеснувшему медному колоколу и ушел в рубку.

Было тихо. Катер стоял у высокого причала, уютно поскрипывая мачтами. Море покачивало его, как колыбель, на своей теплой, даже в ночи, ладони.

–А-ах... опять волна качнула катер, и на палубу с пирса прыгнули гибкий, как кошка, молодой матрос и девушка в коротком легком платьице. Задремавшая было Шляпка встрепенулась – вдруг это за ней? Но нет... Девушка была не та. Облокотившись на поручни, подружка матроса смотрела на звездное небо. Рокочущий перекал волны, запах водорослей, выброшенных на берег.

–Жаль, море еще холодное, не фосфорится...

–Уверена? – оставив ее на мгновение одну, юноша вернулся со шваброй, которую неожиданно опустил за борт и несколько раз резко крутанул в воде.

Да, на это стоило посмотреть... Косы веревок прозрачно осветились, вспыхивали и гасли волшебные огни зеленоватого-голубого шлейфа...

–Как у феи?

–Нет, сына, как хвост кометы.

... Подняв швабру на палубу, матрос оглянулся с довольным видом, а девушка все не могла отвести взгляд от длинных прядей с мерцающими в ночи капельками.

Опять донеслось покашливание старика, и она кивнула в сторону рубки:

–Ему бы уже не в море, а на теплую завалинку, внуков нянчить.

–Не говори так. Егорыч – замечательный. В Отечественную – командир знаменитой подводной лодки. Рассказывают, был отчаянным и дерзким. Вся грудь в орденах. А ты отправляешь на завалинку. У него, кроме моря, ничего и никого не осталось. Это его жизнь, его семья.

Девушка смутилась. Вскоре они покинули катер.

А Шляпка тем временем с изумлением смотрела на швабру, на веревочном каскаде которой все еще мерцали живые светлячки капелек. На синем гладком атласе бантика появились морщинки – она задумалась... Все было как-то не так этой ночью. Не говоря уже о том, что ее (ее!) забыли, все вокруг обрело другой смысл и значение.

Шляпка помнила, как брезгливо она подобрала соломку при знакомстве со старой шваброй, а сейчас мерцающая красота на длинных веревочных косах просто завораживала. И старик... Когда рука в старческих веснушках подняла ее с палубы, поля шляпки вздрогнули, но сейчас он представлялся ей мужественным, красивым и молодым. А старость, так что ж, она-то знала теперь, какой он настоящий.

Швабра растрогалась. Эта залетная красотка поняла, поняла! Гордость за свой родной катер переполняла старую корабельную швабру. И она решила рассказать гостье самое сокровенное. О том, как в маленьких теплых бухтах, на мелководье, в солнечной сетке бликов вспыхивали серебристые фейерверки рыбной мелочи, как склоны прибрежных скал вскипали февральской розовой пеной цветущего миндаля и у берега появлялись дельфины. До самой утренней зари говорила она о шустрых хитрых крабах, об узорах на куполах гигантских медуз. О святом морском братстве, без которого все теряет смысл в жестокий «черный» зимний шторм.

Розовая капля солнца поднималась с края моря. Нежась в первых лучах, под крики чаек, Шляпка уснула. Ей снилось, как свежий ветер наполняет тугие паруса белоснежной яхты, она скользит, рисуя килем пенные кружевные ленты. А там, впереди, как мечта, греза, мираж – Остров. С разноцветными перламутровыми раковинами на белом кристаллическом песке. С прозрачной бирюзой лагуны.

Остров, где ее ждет хозяйка...

Денис облегченно вздохнул. Он свято верил, что все сказки – со счастливым концом. Саша думала иначе. Укрыв его одеялом, она устроилась рядом и обняла уютный сопящий кокон. Ей вспомнилось, как летом Дениска, ко-

торый просто бредил морем, умолял договориться с дедом Аленки, капитаном небольшого сейнера. Долго Саня сопротивлялась, но потом все же сказала капитану «Сарыча» о сыне.

–Приводи завтра своего пацана. Пусть малец глянет, как мужики в море пашут. На денек возьму, пригляжу за ним.

Еще не рассвело, когда Саня стояла на причале с бледным от волнения сыном. Потом уже он признался, что перепугался до дрожи в коленках. Грубоватые, дочерна загоревшие моряки казались ему пиратами. Вот заберут безвозвратно в море и бросят где-нибудь в пучину. Однако, вернувшись поздно вечером, мальчик был в полном восторге. Захлебываясь от обилия впечатлений, он рассказывал Сане о том, как вышли в море, как поднимали трал, как серебряным сверкающим водопадом хлынула на палубу рыба.

–И крабы, мама, и глосики, и настоящая маленькая акула!!!

–Катран, – кивала Саня.

–Да! Акула! Настоящая!

Дениске завидовал весь двор.

А ее заботило другое. У сына должен быть пример настоящего мужского благородства, надежности. Что она могла ему дать? Только свою любовь. Но сиротское детство подсказывало ей, что и это немало.

Вернувшись из деревни, Катя с удивлением выслушала очередную завиральную идею подруги. Что-то себе решила, впервые сама назначила свидание и вот уже почти месяц, оказывается, встречается с Андреем. Тем самым программистом, что приходил в обменник. Катерина была просто потрясена. После гибели мужа четыре года назад Санька вообще ни на кого внимания не обращала. Уж как они с Витьком ни старались, даже познакомиться отказывалась. А тут – сама назначает свидание.

–Понимаешь, это как бы не по-настоящему, не собираюсь я выходить за него замуж, заводить серьезные отношения, знакомить с Дениской. Все это ненадолго, а ребенок привяжется, будет потом переживать.

–А программист-то знает, что у вас «не по-настоящему»?

–Почему-то он не воспринимает всерьез мою версию.

–Хоть это радует.

Обстоятельная Катя долго выспрашивала подругу об Андрее. Образование, давно ли работает в фирме, есть ли братья, сестры, какой адрес? Выяснила, что образование высшее, в фирму только устроился, родственников, кроме матери, нет, а где живет, Саша понятия не имела. Зачем ей? Катя возмущенно глянула на безалаберную подругу и сосредоточенно стала искать по телефонному справочнику фамилию Андрея. Ну что ж, дом не указан, но одно ее порадовало – на Садовой были только частные дома. А вдруг у Саше все сладится, будет у Дениски двор, где можно носиться, не боясь автотранспорта, и вообще, свой дом, это солидно. А что себя Саша обманывает, так это просто та-

кой хитрый ход у подсознания, в лоб нельзя, так с тыла подойдем. Встреча подруг закончилась тем, что Саня дала честное слово навещать Андрея. Хотя зачем ей какая-то развалюха? Лучше пойти в кино или погулять в парке. Конечно, она отдавала себе отчет в том, что отношения с Андреем развиваются как-то нетипично для нее. Она совсем не была увлечена, ей просто было с ним весело, она позволяла себе даже не всерьез покапризничать. Андрей наминал своим добродушием и надежностью сенбернара, и единственной его реакцией на все Сашины странности была улыбка. В какой-то момент Саша даже почувствовала прелесть отношений, когда к тебе относятся как к ребенку. Ну, пошалит, покапризничает, но ребенок хороший, ребенок любим.

Оказалось, что совсем не в развалюхе жили Андрей с матерью. Нет, ничего особенного, половина двухэтажного дома на уютной улице, пара времянок и чудесный садик. Не вилла в итальянском стиле, как на фешенебельной Морской. Но и полуобвалившуюся землянку, как ожидала Саня, мало напоминало. Честно говоря, ее это даже расстроило. Теперь к легким веселым отношениям примешивался какой-то нехороший привкус. Разве поверит Андрей, или Катя, что не нужен ей ни дом этот, ни садик. Действительно не нужен. От всех этих мыслей, от волнения при знакомстве с мамой Андрея, Санька совсем что-то растерялась, отвечала невпопад и, оставшись наедине в комнате Андрея, насупилась, признавшись, что хочет домой. Он поднял ее на руки, баюкая, прижал к себе и как всегда согласился. Домой так домой, он был готов идти с нею куда угодно, лишь бы теплая маленькая ладошка Саньки беспокойным воробьишком билась в его руке, лишь бы глядела она на него доверчиво, а не так, точно между ними стена. Видел, панически боялась она серьезных отношений, ну да это ее право.

Катерина пыталась вложить в непутевую голову подруги крупицу здравого смысла. Ну, хорошо, началась эта история с Андреем как эксперимент по собственной храбрости, но уже сейчас было ясно, что лучшего кандидата в мужья подруге не найти. Катя через третьих лиц, не ставя в известность Саню, познакомилась с ним, составила свое собственное (положительное) суждение, попыталась найти компромат, но не нашла. Однако, чем серьезнее относилась к ситуации Катерина, тем легкомысленней вела себя подруга.

Прошла еще пара недель, и как-то Саня, забрав Дениску из детского сада, шла по аллейке через парк. Сын бежал впереди, подкидывая кленовые листья, устилавшие газон и грунтовые дорожки старого парка.

– А мы сегодня слушали рассказы про разных животных. Смотрели картинки. Про ежиков, медведей, еще лисица с лисятами была. И я придумал стишок. Про наш ковер.

– Не поняла, причем здесь наш ковер?

– Догадайся, мама, а то будет неинтересно!

Старый, кирпичного цвета ковер
По-детски верит стене.

Теплое тело на ней распростер,

Спиной повернулся ко мне.

–М-м-м... Денис, у него ворсинки, как у ежика иголки?

А изнанка – это животик?

–Мам, вот с тобой всегда так, отгадала... А Вера Ивановна сказала, что это чепуха, и слово «распростер» ребенок пяти с половиной лет не знает.

Саня вздохнула. Вера Ивановна даже не могла бы предположить, какие слова знает ее сын. И совсем не всегда ее это радовало. Вот, например, на тестировании будущих первоклассников было такое задание: составить из предложенной россыпи букв несколько простых слов. Ее сын поверг комиссию в легкий шок, с маху составив «эротика». Объяснить значение, правда, не смог, но слово показалось ему очень красивым.

Опустив глаза, она медленно брела по пятнистой от золотистых солнечных бликов дорожке за Дениской и носком туфельки подкидывала ярко-желтые листья. И так была поглощена этим, что не заметила, как буквально уткнулась в широкую грудь Андрея. Вернее в букет растрепанных белых роз, который он держал в руках. Розы были, как говорила Саня, огородные. Похожие на низкие чайные чашки, она их терпеть не могла. Денис остановился неподалеку и тревожно поглядывал на них.

– Я помню, белые розы твои любимые.

– Андрей, другие, с высоким узким бутонем. Зачем ты нас встретил? Дениска, не волнуйся, познакомься, это Андрей Владимирович, он работает на фирме, которая обслуживает кассовые аппараты.

Андрей удивленно приподнял бровь:

– И это все?

– Не при ребенке. Поговорим потом как-нибудь. Я тебе все объясню.

Виктор резко оборвал жену на полуслове:

– Отстань от Саньки, пусть сама устраивает свою жизнь.

– Вот увидишь, упустит этого программиста, и привяжется какой-нибудь алкоголик, свесит с Санькиной шеи ножки и... Большой привет их спокойной жизни.

Виктор с сожалением посмотрел на роскошную ароматную пиццу, которой ему так и не дали насладиться. Кулинар Катя от бога, но психолог никакой. Мужа сначала надо накормить, а уж потом можно и грузить на сытый желудок. Ну, никакого понятия у Катерины. Раздосадованный Витек отодвинул тарелку и поставил точку в споре:

–Хочешь помочь, заведи Дениску к нам на выходные.

Дом друзей стоял на окраине городка, до ближайшей автобусной остановки минут десять через луг. Ворота были украшены «фамильной» монограммой, сваренной из металла рукастым Виктором – КВВК (Коршунов Виктор Викторович, а вторую «К» он добавил для симметрии). Саня без смеха пройти не могла мимо. «Коньяк выдержанный высшего качества», – расшифровывала она гордую фамильную аббревиатуру на воротах. Катерина оперлась на створку ворот и смотрела вслед подруге.

Саша легко бежала через луг к Андрею. Тот «соблюдал конспирацию» – ждал у остановки, потому что встречать у

дома Коршуновых она запретила. Сейчас Санька выглядела совсем как школьница, русоволосая, худенькая, в бежевой плиссированной юбке по щиколотки, длинном белом свитере крупной вязки. Высокие, по пояс, сухие травы с шелестом расступались, серебристые ковыльные пряди шелком касались ладоней. Саша и чувствовала себя школьницей, сбегавшей с последних уроков. Дениска сейчас уплетает Катюшины чебуреки. А она, свободная от всех забот, легко «летела» через луг и хотела, чтобы эти травы и серебристые волны ковыльного моря не кончались. Уже видела впереди Андрея, но все не могла решить для себя – рада ли свиданию? Но вот он не выдержал, рванулся навстречу, подхватил ее на руки и сомнения пропали. Конечно, рада.

Автобус решили не ждать, слишком хорош был вечер. В сиреневых сумерках шли они, не говоря ничего. Саша в светлых туфельках осторожно обходила разбитые плитки тротуара. Озябшие пальцы легли на гиб теплой надежной руки Андрея. Ничего не стал он выяснять у притихшей Сани. Почему она так представила его сыну? Почему не хочет ввести в круг своих знакомых? Не сегодня... И на город, как по заказу, опустился туман, смягчая острые углы, размывая очертания. Так и гуляли они, появляясь перед редкими прохожими в свете фонарей, вернее проявляясь из вечернего тумана, как в кадре старого черно-белого кино, хрупкая девушка в белом и высокий темноглазый парень, объединенные осенней грустью и тишиной уснувших улиц.

Весь городской рынок стал свидетелем странной картины. К небольшой будке обменника шел Андрей, неловко держа перед собой огромный букет чудесных белых голландских роз. Чувствовалось, что не в его привычках, не в его правилах ходить вот так с цветами по городу. Руки были напряжены, как будто букет хрустальный и мог рассыпаться, разлететься по асфальту цветными осколками.

Серьезно глядя на Саньку, он торжественно вручил роскошные благоухающие цветы и сказал тихо, так, чтобы слышала только она:

–Я люблю тебя, Саша.

Она чуть не поперхнулась. Зачем? Зачем он все испортил? К чему этот официальный букет? К чему объяснение? В ее сценарии этого не было... Доигралась, доигралась, Александра свет Сергеевна... Боже, как же повернулось жестоко...

Наверное, все это отразилось на ее лице, потому что Андрей вдруг как будто потух, побледнел и быстрым шагом направился к выходу с рынка. Уже за поворотом он растерянно взглянул на ладони и сжал их, вонзая ногти, до боли, до меркнувшего света в глазах. А букет был все же из стекла, похоже на то... Его осколки так ранили, так терзали сердце... Больше он не будет послушной марионеткой, ни для кого... «Хорошая-девочка-Саша» – сейчас и это было под сомнением. Но все же, что он делал не так, прежде чем все развеялось в дым? Или ему только казалось, что вообще что-то было?...

Новый год подруги встречали как всегда вместе. Виктор привез с лесничества ель «под потолок», дети помогли ее нарядить и теперь восторженно ждали подарков. Живая ель стояла, блестя яркой зеленью игл. Сквозь густые ветви проглядывала чешуя коры в капельках янтарной смолы. Горьковатый запах хвои увлек Саню в далекое прошлое, хотя в ее одиноком детдомовском детстве были только искусственные елки. Но ощущение реальности несуществующих воспоминаний сжало сердце. Возможно, это воспоминание о мечте? Осторожно тронув плотные, глянцевые, покрытые кое-где сизой восковой патиной иглы, она поправила слетевшую с ветки нить «дождя», глубоко вдохнула хвойную горечь и мысленно поздравила себя, но не нынешнюю, а ту, маленькую, никому ненужную девочку, со всеми новогодними праздниками сразу.

Катерина прервала сантименты, позвав за празднично накрытый стол. Пора, пора было провожать старый год и встречать наступающий. Единственный праздник, «привязанный» не только к определенной дате, но и часу, минуте. И не хотелось отстать в этом синхронном по всему часовому поясу поднятии бокалов. Опоздаешь, и надежды не сбьются, желания не исполнятся... Бой часов, гимн, звон хрусталя, улыбки на лицах, колкий холодок шампанского. И главное, ощущение в эти пару минут какого-то полета над чистой, а значит, Пока Светлой страницей предстоящего года. Что там, на этой странице будет написано судьбой? И трогательно-детское чувство робкой надежды...

Утомившись, счастливые дети спали, отец Виктора смотрел «Иронию судьбы...», а молодежь решила сходить на городскую елку.

Погода менялась, дождь охладил праздничное возбуждение бурлящей в мишуре и серпантине толпы. Уже сворачивая с аллеи парка, они столкнулись с пьяненьким юным Дедом Морозом под огромным черным зонтом. Борода отцепилась, ватные букли намокли, красный мешок с подарками был почти пуст. Компания, сочувствуя, остановилась. Витек предложил выбросить бороду и букли к чертовой матери, но розовощекий Дед Мороз, из последних сил удерживая равновесие, только покачал головой: «Ри..рек...визит...». Его все же усадили в такси и отправили домой. Какие уж тут визиты и реквизиты, бедный студент не вынес новогоднего гостеприимства и, к своему ужасу, совсем опьянел... Под честное слово Витек взял у него оставшийся подарок, и они занесли по адресу, указанному в конце длинного списка. Лучше поздно, как говорится, чем никогда. Поставив у фамилии заказчика последнюю галочку, все почувствовали себя просто благородными Робин Гудами.

Дождь, как часто бывает зимой на юге, сменился снегопадом. Ну, вот оно, настоящее новогодье! Медленно падали пушистые крупные хлопья на дорожки и лапы сосен, оставляя на губах экзотический вкус снежной чистой свежести.

Единственное, что мучило сейчас Сашу, это воспоминание об Андрее, его потухших глазах...Хотя... Всегда все оставляли ее. Мать, отец, муж. И вдруг оставляет она. И, возложив жертву на алтарь эгоизма, осознает, как это бы-

ло легко – оставить. Что-то случилось с ней, и она простила, как говорят, отпустила тень матери, отказавшейся от нее. И тень мужа, который не вернулся из очередного рейса. Взрыв разбил ее так счастливо начавшуюся семейную жизнь. Саша помнила, как бился в окно черный мотылек в тот день – день, когда она потеряла мужа. Знак. Как часто потом ей снились эти маленькие черные крылья...

Так просто – набрать шесть цифр и услышать голос Андрея. Но Саша знала, что не позвонит. Ей говорили, что Андрей все еще один. Но... не сложилось. Впрочем, складывать она как раз и не собиралась. Она закрыла дверь и оставила за ней всю свою прежнюю жизнь. С детскими обидами, горячими вдовьими слезами. И этой совсем неромантической историей. Что ж, в Новый год она вступила совсем другой. Не хуже, не лучше – другой. И этой Саше не нужны больше жестокие игры. С чего вообще она возомнила себя кукловодом?

Самое странное – ей теперь действительно нравились только белые розы.

Галина ЗАБЕЛКИНА

Родилась в семье военнослужащего в Забайкалье. После окончания пединститута работала учителем в поселках Усть-Авамского района. С 1972 года работает в редакции газеты «Таймыр». Ее рассказы и очерки вошли в сборники «Аргши в полвека», «Белый олень Серэко», «Северянки», в альманахе «Полярное сияние».

О ЛЮБВИ

Легенды старины

Давно то было. Еще когда счет времени измерялся по лунам. В одном из далеких стойбищ в семье охотника-нганасанина родился сын, названный Минтити. Все стойбище собралось в чуме. Ели дымящиеся ломти оленьего мяса, вареные языки, строганину. Почетному гостю, старому шаману Баруси, преподнесли самое лакомое блюдо – сырую печень оленя. Вытирая руки о лоснящуюся на груди парку, Баруси улыбался.

–Хорошо. Однако, вкусно. Давай сюда Минтити. Буду душу в него вселять.

Замолкли гости, прижались по углам чума, и только шаман и младенец остались в расступившемся кругу. Ударив в бубен, шаман затрясся в диком танце над ребенком.

–Пусть твое тело станет крепким, как бивни мамонта, глаза острее орлиных, мысль твоя пусть опережает молнию. Да пусть вселится в тебя душа горностая, и будет он тебе покровителем во всех делах, пусть даст тебе силу охотника...

С того дня прошло восемнадцать лет. Силой налились мускулы юноши, парня красивее не было во всем стойбище, не было удачливее охотника. Многие девушки вздыхали по Минтити, но никому не открыл он своего сердца. Как-то раз довелось ему охотиться на песца в далеких от дома местах, и неожиданно наткнулся он на чужое стойбище. «Как же так, – удивился Минтити, – мне говорили, что наше племя единственное на земле, и вокруг нет других людей?!»

Смелый был Минтити, не остановился, вошел в чужое стойбище. Окружили его такие же смуглолицые, с раскосыми глазами люди, удивленно разглядывали его одежду и богатую добычу, а понять незнакомую речь не могли. Не понимал их языка и Минтити. Однако закон гостеприимства – закон тундры. Накормили гостя. Знаками указали, где ночевать будет. Целый месяц он прожил в стойбище вождя Этыка Бетту, язык стал понимать. Была у Этыка дочь Кыча, красавица, какой свет не видел. Стройна, черные тугие косы, украшенные монистами, падают на грудь. Полюбил Минтити красавицу Кычу, и она глаз от него не отводит. Однако пришел день разлуки, засобиравшись охотник к себе в стойбище.

–Тебя с собой увезу. Женой мне будешь.

Опустила пушистые ресницы Кыча, из-под них бусинка слезы катится.

–Отец не позволит. Законы у нас другие. Остайся у нас совсем. Хорошо жить будем.

–Нельзя мне у вас жить. Родина моя там, где мой дом. Отец твой тебя не пустит – увезу без спросу!

Испугалась Кыча, на грудь к любимому кинулась:

–Убьет он тебя и меня не пощадит.

–Не бойся. Защитит нас мой покровитель – горностай, ему принесу дары богатые.

Когда на землю опустилась ночь, запряг Минтити четверку своих быстроногих оленей, усадил на нарты Кычу и умчался с ней в снежную даль. Залаяли в стойбище собаки, проснулся старый Этык, глядь, а дочери нет. Поднял тревогу, и кинулись охотники в погоню за беглецами.

Как ветер, несется по тундре упряжка Минтити. День, два проходят, уже близки родные места, да олени устали, отдыха требуют. Огляделся Минтити – ничего не видно. К земле ухом приник – спит земля, ни звука.

–Здесь и отдохнем.

Развели костер, ужин нехитрый приготовили. Бокари сняли просушить. Сами шкурами оленьими укрылись, на нарты прилегли отдохнуть. Много ли, мало ли времени прошло, только как от удара молнии проснулся Минтити. Вскочил. Слышит – земля гудит. Погоня близка. Разбудил Кычу. Бокари натягивать стали. С трудом натянул свои Минтити и Кыча стал помогать. Торопятся. А шкурки на бокарях Кычи от жара костра стянулись, никак не может девушка на свои маленькие ноги натянуть их. А погоня – вот она, рядом. Со всех сторон окружили. Лица злые, усталые.

...Не пощадил старый Бетту ни дочь свою, ни охотника Минтити, жестокою казнь учинил над ними. Об этом только ветер в тундре знает. И вам поведаст историю эту. Вы только прислушайтесь...

Легенду эту рассказал мне в тундре старик Ламтака и, показав на свои бокари, добавил:

–С тех пор нганасаны и стали носить вот такие бокари, без взъема, чтобы в минуты опасности легко надеть их на ногу.

Если будете в авамской тундре, припомните эту легенду, и у большого камня, что сиротливо возвышается недалеко от промысла Боганида, положите букет ярких полевых цветов. Так поступают девушки и юноши тундры в память о юном Минтити и красавице Кыче.

ЕГО ЗВАЛИ ТАЛЮТ

Зима пришла внезапно. Ударил морозы. Задул северный ветер, посыпая землю белым ковром снега. Только море оставалось бурным, дымясь по утрам туманом.

Почти месяц не был в родном стойбище Кисимбу: объезжал свои охотугодя. Встречался с охотниками, их гостеприимством. Богатые трофеи вез он домой. Значит, не зря мотался по тундре, будет что невесте подарить.

– Усь, усь, – подгоняет он собак, и семь псов несутся по заснеженной тундре. Скоро, уже скоро покажется родная яранга, что приютилась у безымянной скалы.

Но что это впереди? Ну, да! Едет кто-то навстречу. Кто же этот смельчак, что пустился в путь в такой туман? Кисимбу опустил осто, его острый наконечник звонко запел, ударяясь о зазеленелые заструги снега, собаки замедлили бег и остановились. Каково же было его удивление, когда на встречной санке он увидел розовощекую, черноглазую Инкали, свою невесту!

– Какомей! – воскликнул Кисимбу.

– Какомей! – смеясь, отозвалась Инкали и добавила: – Я подумала: туман. Надо тебя встретить.

– Но ты могла заблудиться, и моя жизнь потеряла бы смысл.

– А что стала бы делать я со своей, если бы туман поглотил тебя, мой Кисимбу!

Оба рассмеялись. Молодые, сильные, счастливые, стояли они друг против друга, не замечая, как молочная пелена тумана все сильнее окутывала их...

Потом было много долгих дней и ночей в ожидании первенца. И когда над бухтой Провидения взошло огромное багровое солнце, в молодой семье эскимосов-охотников Кисимбу и Инкали Таян родился сын Талют. Это было в 1904 году.

Талют рос крепышом, и в семь лет Кисимбу нередко брал сына на охоту, учил грамоте тундры: читать на снегу следы зверей и птиц, ставить силки, капканы. В десять лет Талют уже умел выслеживать нерпу. Этого дикого, чуткого зверя. Однажды он отстал от отца и неожиданно за высоким торосом натолкнулся на двух медвежат. Они играли друг с другом, не обращая никакого внимания на мальчика, и Талют забыл об опасности.

А она была рядом. Огромная медведица вынырнула из ближайшей полыньи и стремительно помчалась к Талюту. У него гулко забились сердце. Бежать? Поздно... Он упал на снег и затаил дыхание. Медведица пошевелила его лапой, обнюхала воздух. Что-то в нем ей не понравилось. Она оставила Талюта и затрусилась к торосам, увлекая за собой медвежат.

Талют долго лежал, боясь пошевелиться, а когда открыл глаза, над ним стоял отец.

– Ты однако, храбрый у меня сын. Но запомни: медведя взрослого бояться не надо, опасаться надо. Бойся медвежат – за ними всегда следит медведица. Сегодня тебя спас дух великого Туксимбу, который дан тебе в защитники от бед, но он же и предостерегает тебя – будь осмотрительней.

Шли годы, мужал Талют и уже самостоятельно ходил на охоту, помогая семье, в которой росли три его сестренки – Аксюнга, Пузьяк и Тамара. Он научился бить нерпу прямо в пяточок носа, что было признаком большого мастерства охотника.

Однажды весной в бухту Провидения приехали веселые бородатые русские парни. Распаковали обитые жестью ящики, достали блестящие металлические предметы: провода, проволоку, какие-то замысловатые приборы.

– Станцию полярную здесь будем ставить. Погоду узнавать, лед, воду, ветер слушать и всей земле рассказывать, – сказал Талюту бородач.

– Какомей! С духами, однако, говорить будете, – удивился тот.

С трудом, но понял его бородач.

– Э-э-э, да ты, я вижу, совсем темнота. Ну, да ничего, приходи, когда все установим вон в том домике на берегу. Сам все увидишь.

Талют приходил часто, как позволяло время. Слушал. Запоминал.

– Тебе учиться надо, – советовал бородач.

– Хорошо бы, да семье помогать надо, белуху, нерпу, рыбу на зиму запастись.

– Ничего, к нам приходи, как время будет – подучим.

В свободное от вахты время они учили Талюта русскому языку, грамоте. Парень старался изо всех сил. Ребята его хвалили за настойчивость и терпение. Мало-помалу Талют научился разбираться в приборах, установленных на станции, ему уже доверяли несложные операции по работе.

– Шибко интересно у вас. Полезная работа, хотя и не очень точная. Вчера приборы сказали – будет ветер, а мой отец сказал – будет штиль. Однако, по его вышло, а?

– Да бывает, что и приборы ошибаются, но чаще ведь верно предсказывают погоду. Погоди, парень, придет время, космические корабли будут нам помогать.

– Какомей! Сказка это красивая, но шаман ее тоже говорит. Говорит, что верхние духи людям помогают, если люди умеют землю беречь, воду, зверя, тундру и все живое.

– Правильно говорит твой шаман, да ведь мы-то безбожники и духов не признаем.

– Беда, грех какой, как же жить без духов, без души, однако, нельзя.

Словом, были споры, разговоры, было ему интересно с бородачками, да вскоре пришлось расстаться. Семья Талюта переехала на остров Врангеля. Шел 1926 год, а Талюту исполнилось 22 года.

На острове Врангеля тоже была полярная станция, на которую часто захаживал Талют. Начальник станции Ареф Иванович Минеев сразу обратил внимание на любо-

знательного, толкового парня, который сносно говорил по-русски, неплохо разбирался в оборудовании станции. Вскоро Ареф Иванович стал поручать Таяну несложную работу, которую тот выполнял старательно.

– Хочешь быть моим учеником?

– Какомей!

И потянулись дни учебы. Талют, отработав на промысле, все вечера проводил на полярной станции. Познавая секреты работы синоптика, радиста и других нужных на станции профессий, он находил время и для овладения грамотой, чтением. Здесь он сдавал экзамены на мастерство и за начальный школьный курс.

– Надо тебе документы оформить, – как-то сказал Ареф Иванович, – чтобы все было узаконено.

А когда стали оформлять документы, вышел такой казус.

– Так. Говори свое отчество, надо записать, чтобы все было чин-чинарем!

– Отчество? – удивился Талют. – А что это такое?

– Как тебе объяснить, ну, имя твоего отца должно стать рядом с твоим.

– Какомей! Зачем мне второе имя, мне и одного хватает!

– В документах так положено, понимаешь, и потом отчество – это признак уважения к тебе. И записать надо русские имена.

– Русские, говоришь. Тогда пиши два имени: Иван и Семен. Иван когда-то в бухте Провидения учил меня грамоте, а Семен – это русское имя моего отца. Их имена для меня святы. Так и записали: Иван Семенович Таян.

Здесь я хочу прервать рассказ об эскимосском парне Талюте, чтобы взглянуть на процедуру оформления документов северным народностям с позиции сегодняшнего дня, потому что считаю эту процедуру унижающей достоинство человека: ведь его лишали собственного имени.

Лишали не только имени, но и порой фамилии. Например, у нас в округе многих ненцев носящих фамилию Ненянг (что в переводе на русский значит «комар»), записывали под фамилией Комаровы. При этом никто не спрашивал, желает ли человек расставаться со своим именем и фамилией.

Сегодня мы открыто можем сказать – это был один из первых перегибов советской власти. Да было такое время, когда меняли не только названия городов и улиц, но и имена собственные людям нерусской национальности. А сегодня, как мы видим, идет обратный процесс. Недаром же говорят, что новое – это хорошо забытое старое.

Но вернемся к нашему герою, который теперь будет жить под именем Ивана Семеновича Таяна и которого мы оставили на полярной станции острова Врангеля в тридцатые годы.

Работая на полярной станции, Иван Семенович не оставлял и охоту на нерпу, белуху, белого медведя, дикого оленя, помогая и семье, и полярникам пополнять запасы мяса на зиму. Нелегкая это была работа. Особенно трудным был путь по морскому льду. Огромные торосы то и де-

ло преграждали путь, приходилось часто перетаскивать через них собак и груженую санку. Обмороживал руки.

Сегодня путь был именно такой, и с какой радостью увидел Таян вдали охотничью избушку. Сейчас будет тепло и горячий чай. Но что это? Изба промысловика засыпана снегом, не видно дыма из трубы. «Неужели беда приключилась?»

С трудом откопав входную дверь, он шагнул в комнату. Нашел лучину. Затопил печь, вскипятил чайник. В избе прибрано, видать, хозяин ушел не так давно. Андрей Сергиенко – хозяин избы – пришел на вторые сутки.

– Заплутал в торосах, черт бы их побрал! Зато подфартило. Гляди, каких зверей я приволок, – Андрей бросил к ногам Таяна с десятков великолепных песцов.

– На сайку попались голубчики.

Они еще побалакали немного и улеглись спать. Было слышно, как за стенами избушки поет свою бесконечную песню пурга.

Наутро стихло.

– Поедешь, что ли? – спросил Андрей.

– Ага. Надо спешить, и так задержался. Скоро мое дежурство на станции.

– Бери на север и выскочишь аккуратно на мыс, а там до дома рукой подать.

Таян накормил собак, простился с гостеприимным хозяином.

– Ну, Пура, пора нам в путь.

Собака понимающе вильнула хвостом. Полярная ночь полыхала северным сиянием, поскрипывал снег, собаки бежали с охоткой. Но когда въехали в залив, вожак вдруг резко остановился.

– Что такое, Пура?

Таян сошел с санок и ахнул: прямо по курсу разрасталась большая полынья. Целый час был затрачен на ее объезд. Таян остановил собак и взглянул на компас – подарок Арефа Ивановича. «Не заблудиться бы», – мелькнула мысль.

Как-то в прошлом году ехал он с напарником.

– Вот по этому торосу доберемся до мыса, а там и до дома рукой подать, – сказал напарник.

– Не заблудимся?

– Не-е, я тут часто езжу.

Прошел час, два, три, а мыс все не показывался, сверили по компасу – ах, ты, едрена корень! Едут прямо в открытое море. Повернули назад и только через несколько часов были на месте. Вот и сейчас Таян обеспокоен. Но все обошлось.

Да, трудна жизнь охотника. Но Таян был молод, крепок телом и большой жизнелюб.

Есть у эскимосов хороший обычай. В память о добрых делах человека называть его именем безымянные скалы, речушки, приметные для глаз места. Одна из красивейших скал острова Врангеля носит имя Инкали – матери Таяна. Давно нет в живых нежной и доброй Инкали, но будет вечно жить ее имя в громаде прекрасной скалы, и многие матери назовут этим именем дочерей.

В 1937 году Иван Семенович Таян прощался со своим другом и наставником – начальником полярной станции Арефом Ивановичем Минеевым, который уезжал на Диксон.

– Оставляю станцию на тебя, работай. Придет время, вызову тебя на Диксон.

Три года Иван Семенович Таян, первый из эскимосов грамотный человек, руководил полярной станцией на острове Врангеля. Затем его путь пролегал на мыс Шмидта, где он работал проводником в экспедиции, изучающей побережье.

Экспедиционные дороги привели Таяна на Диксон в канун 1941 года, где он вновь встретился с А.И. Минеевым, который в это время занимал пост заместителя начальника штаба морских операций. И Минеев предложил Таяну работу по проводке судов. Прекрасно ориентируясь и зная все коварные места Карского моря, Иван Семенович был незаменимым лоцманом.

Началась Великая Отечественная война. Немецкие подлодки через Северный морской путь уже заходили в Карское море, минировали воды северных морей. Таян проводил суда среди мин, уводил их в шхеры от торпед с немецких подводных лодок. Он был не только лоцманом, он умел «слушать» море.

Когда карманный линкор «Адмирал Шеер» появился у поселка Диксон, Таян был среди защитников поселка. Он имел несколько благодарностей Верховного командующего.

После войны Иван Семенович занимался отловом белых медведей для зоопарков страны. О храбрости охотника-эскимоса молва шла далеко, о нем был снят короткометражный фильм, рассказывающий об отлове медведей.

Последние годы жизни Таян провел на Диксоне. Жил в маленькой, с подслеповатыми окнами бревенчатой избушке на берегу пролива. Он умер от болезни в 1949 году, со рока пяти лет от роду, пережив свою жену Теслей и оставив после себя дочерей Антонину, Зину и сыновей Владимира и Семена.

Первая дочь живет далеко от сурового края своего отца – в Фергане; Зина, Владимир и Семен – на мысе Шмидта, где и родились. А Талют Таян навечно остался в земле Диксона... Живет его имя и в названии одной из улиц этого поселка. Это улица Таяна.

*Материал подготовлен
по воспоминаниям
сестры Таяна Тамары.*

Алла ЛУБНИНА

Родилась в 1936 году. По образованию – архитектор. Более тридцати лет живет на Диксоне. Работает в Диксонском морском порту и в заповеднике «Большой Арктический» методистом эколого-просветительского отдела. Работала в составе Полярной экологической школы на Диксоне в 2002, 2003 годах. В 2002 году окончила Институт культурного наследия в Санкт-Петербурге. В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

ОТЪЕЗЖЕЕ ЗИМОВЬЕ

Берега Таймыра бережно хранят остатки зимовий первопроходцев, встречи с которыми всегда волнующи и незабываемы. Их пустые окна-глазницы притягивают к себе путника неведомой силой. Это притяжение настолько велико, что если впереди замаячит такая изба, не остановиться почти невозможно.

Я медленно подхожу к одному из таких зимовий, осторожно ступая по давно истлевшему настилу из леса-плавника. И вот оно уже передо мной! Ну, здравствуй!

Строение, вросшее в тундру, еще сохранило свои первоначальные формы, оно еще помнит тех, кто здесь жил, еще хоть и с трудом, но читается надпись, вырезанная ножом на оконном наличнике «...ЕЖОВЫ!» (как хочется быть забытым, не выброшенным из этой земной жизни!).

В самом зимовье и вокруг него пусто, не сохранилось никаких предметов быта. И только мох – предвестник окончательной гибели – по-хозяйски расселился на полу, на дверях и стенах. Гордая осанка строений потрясает воображение. Здесь застыло прошлое, к которому хочется прикоснуться, понять, о чем оно беззвучно молит, хочет быть услышанным потомками, хочет рассказать о тех далеких Временах... Суровых временах, когда Человек, гонимый страстью познания, впервые шел в эти неизведанные земли.

Неторопливо обхожу зимовье. Оно небольшое и состоит из одного жилого помещения, котуха с полатами для собачей упряжки и небольших сеней перед котухом. Все строение выполнено из леса-плавника, потолочное перекрытие – сплошной накат из бревен меньшего размера, чем стены, а кровля – из слоя тундры, покрытой морской галькой. Из гальки и завалинка вокруг избы. Каждое помещение имеет два выхода: через дверь и потолок. Это на случай снежных заносов.

По всему видно, что это отъезжее зимовье, которое, в отличие от коренного зимовья (для постоянного проживания), было предназначено для промысла или остановки в пути на отдых. Одинаково добротно сделано жилье для человека и собак: они тогда были на равных, в одной упряжке и одинаково нужны друг другу. Для прорыва в Арктику сама Судьба спрессовала в одно целое их жизни – Человека и Собаки. И они сделали свое Дело в свое Время.

По сегодняшним меркам это строение совершенно не пригодно для жилья. Но в те далекие времена такие зимовья были спасением для путников. Здесь они находили укрытие от непогоды, пропитание и отдых от изнурительной дороги.

Как манила Человека к себе неизведанная Арктика! Он шел, переносил невероятные испытания, и обживал эти застывшие просторы, которые покоряли его и полярной ночью, и полярным днем, и обилием птицы, рыбы, пушнина. Но главное – здесь была Воля!

Присаживаюсь на корточки у порога, внимательно всматриваюсь в стены, вслушиваюсь в пустоту. Кто вы и откуда первыми пришли на эту землю? Какие носили имена, и сколько вас было? Чьи глаза смотрели в это крошечное оконце? О чем мечталось-думалось? Но в ответ – Тишина...

А мысли уходят в глубь веков. Скорее, это были или поморы из Архангельской губернии, или промышленные люди из Мангазеи. Но то, что это были мужественные и крепкие телом и духом люди – однозначно. Это их невероятным трудом строились здесь первые избы из леса-плавника, велся промысел, – обживалась Человеком таймырская земля. Плановое изучение Таймыра – это потом, а вначале были они – первопроходцы, в избах которых позднее останавливались на летовку и зимовку известные экспедиции Петра Чичагова, Семена Челюскина, Харитона Лаптева... Арктика поглотила имена и первопроходцев, и каюров, и именитых вожakov больших и малых собачьих упряжек – все сравняло Время. И только уцелевшие избы свидетельствуют о мучительном освоении Человеком берегов Таймыра.

Я долго сидела у зимовья, и мне казалось, что я слышу поскуливание измученных тяжелой дорогой собак, и радостный говор людей, добравшихся до ночлега... Сколько их прошло через эту отъезжую избу?

А вокруг все тот же завораживающий Северный Ледовитый океан, также бьется о берег его накатная волна, те же скалы и то же отъезжее зимовье в ожидании путников.

Еще остался столб-ориентир, прикрепленный коваными штырями к углу этого отъезжего зимовья. Его хорошо видно издали в любую погоду. Пройдет совсем немного времени, и Человек вновь придет к этому ориентиру, чтобы сберечь то великое Наследие, которое хранят северные берега Таймыра.

Анатолий МУХАЧЕВ

Родился в 1935 году. На Крайнем Севере – с 1960 года. Хорошо знает природу Таймыра и жизнь тундровиков. Опубликовал девять учебных пособий по оленеводству, звероводству, охотоведению. Его очерки и рассказы печатались в журналах и альманахах «Енисей», «Охотничьи просторы», «Следопыт», «Ямальский меридиан», «Факел Таймыра» и других. Автор книг «Край мой многоликий», «Путешествие в мир оленеводов», «Розовая чайка». Живет в Норильске. В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

РОКОВОЙ СЕНТЯБРЬ

Рассказ

Северные народы сентябрю дали название, которое точно отражает состояние природы в это время года. Судите сами. Ненцы его именуют «вэва ири», что означает месяц листопада; долгане называют его «кюн кар ыйа» – месяц темных ночей; селькупы про него говорят «морка ирэт» – месяц отлета птиц.

На Таймыре сентябрь – время глубокой осени. В этом месяце погода устраивает различные круговерти. Про эту пору в народе говорят: сеет, веет, крутит, мутит, рвет, сверху льет и снизу метет. В сентябрьские дни часты туманы. К середине сентября лужицы затягиваются льдом. Солнце надолго прячется за горизонтом. Над гладью рек и озер пламенеют продолжительные осенние закаты – предвестники похолодания и морозов.

В августе тундра разукрашена многоцветьем, словно покрыта ярким цветным платком. Всюду можно видеть светло-синие ягоды голубики, оранжево-желтые плоды морошки, рубиновые кисточки брусники, а по склонам и возвышенностям мелькают разноцветные шляпки грибов: подберезовиков, подосиновиков, маслят, сыроежек.

В сентябре тундра блекнет: отмирают наземные части всех летне-зеленых видов, осыпается листва с деревьев и оранжево-желтая хвоя лиственниц. Оголяются кустарники. Прозрачными становятся заросли ив – мохнатой, серой, копьевидной, образующих в летнее время высокие труднопроходимые чащи. Птицы собираются в стаи и начинают отлет в южном направлении. Обычно в первой половине сентября улетают чечетки, дрозды, свиристели. Трогаются в путь соколы-сапсаны. Затем доходит очередь до куликов, лапландских подорожников. Большими стаями улетают шилохвости, морянки, чирки, крохали, свиязи, турпаны и многие другие виды уток. С тоской и тревогой покидают птицы свою родину. Тишину непроглядных сентябрьских ночей нарушает стон гагар.

В третьей декаде сентября заморозки возрастают и начинают замерзать озера. Это сигнал для остальных птиц, что настало время покидать Север.

В последнюю волну отлета входят гуси – гуменники, пикульки, гаги-гребенушки, серебристые чайки, хохлатые чернети. В конце сентября Таймыр покидают самые крупные птицы – лебеди-кликуны. Они собираются в небольшие стаи. С озер раздаются голоса, тревожащие душу тундровика: «ганг-го, ганг-го, ганг-го». В этих звуках столько тоски и тревоги, что старый оленевод ненец Амо, слушая их, нет-нет да и смахнет слезу.

Амо не любил это время года. Эта пора печалью наполнила его душу. Ему было жаль, что блекнет тундра и что кустарники и деревья стоят оголенные, ему было обидно, что птицы покидают родную землю. Еще Амо не любил сентябрь за то, что в этот месяц в тундре, кроме человека, объявляется второй хозяин – волк. Хищники в это время бродят всей семьей, в которой, кроме двух матерых и их приплода (а в нем бывает по четыре-шесть щенков), могут быть и перьярки – выживший прошлогодний молодняк. Так что семейка получается внушительной.

Амо знает, что волчья стая – это четко организованная компания. У них, как в армии, дисциплина: каждый знает свое место и свою силу. Многие Амо про волка рассказывали дед и отец, немало поведали ему о волках старожилы тундры. Да и сам кое-что узнал о них за время своей жизни среди тундры, среди оленей. Когда отец рассказывал про волков, Амо слушал внимательно, но с некоторым недоверием. По словам отца, уж больно умным получался этот серый разбойник.

Так, например, отец рассказывал, что волки за сутки уходят на сорок-пятьдесят километров, а если потребуется, могут пройти даже и сто километров. Амо слушал, а про себя думал: «У отца получается как в сказке, будто волк летает, тоже скажет – сто километров». Однако потом, когда долго заснуть не мог, вспомнил этот пример и про себя подумал: «Может, так и бывает на самом деле». Теперь-то он знает, что и так бывает.

Или, к примеру, отец говорил:

–Волки идут не каждый сам по себе, а друг за другом.

Впереди всегда матерый зверь, обычно волчица. За ней, поочередно, каждый на своем месте, идет молодняк, а замыкает шествие матерый волк – отец семейства. Ступают они тоже не кто куда хочет, а след в след. Причем, если волчица устанет торить дорогу, то ее заменяет самец, а она занимает его место. Передвигаясь таким образом, волки экономят силу, и поэтому могут проходить большие расстояния.

Амо опять сомневался: «Уж больно умные у него волки получаются, ну прямо как человек». Потом ему об этом рассказывал охотовед, который приезжал за пушниной:

–Сам наблюдал однажды, как волки шли цепочкой. И в бинокль было видно, как впереди цепочки волков шел крупный хищник.

Так что поверил Амо и в это.

Рассказывая про волка, как он обходит капканы, как не трогает отравленные приманки, отец непременно обращал внимание на его силу, выносливость и главное – ум, подчеркивал при этом:

–Умный, как человек.

И вновь Амо одолевали сомнения: «Неужели серый разбойник умный, как человек?» Однако на протяжении десятков лет эти сомнения из головы ушли. Он сам, на своей, как говорится, «шкуре» познал ум, смелость и наглость этого хищника. Амо знает, что волки едят любой корм. Яйца, выводки птенцов, линную птицу, мышевидных грызунов, более мелких хищников – лисицу, песца и других. Не прочь прихватить зайца, куропатку, поедают любую падаль, лакомятся ягодами, лечатся травами. Однако, как говорил отец, и в этом Амо убедился сам за свою жизнь многократно, волки больше всего любят копытных зверей, а в тундре – дикого и домашнего оленя. В их добыче хищники являются великолепными мастерами. В нападении на олене стадо в зависимости от состояния снега и погоды, они используют различные методы: так, обычно, одни хищники прячутся в засаде, а другие волки нагоняют на них оленей, в нужный момент набрасываются на бедных животных с двух сторон. Когда наст не держит оленей, а тяжесть волков выдерживает, они смело преследуют оленей и расправляются с ними. Или нападают все одновременно на мирно отдыхающих оленей и начинают резать их до тех пор, пока видят бегущих или пробегающих мимо животных. Их появление и нападение на оленей, диких или домашних, всегда неожиданно. Оленеводы пытаются принять меры по предупреждению нападения волчьей стаи на стадо.

Так, в августе-сентябре ночи бывают темными, а когда луна еще только нарождается, совсем царит темень. Вот в это время волки и любят продемонстрировать в полной мере свою наглость и жестокость. Не случайно в народе их кличут «серыми разбойниками». Они, внезапно нападая, устраивают кровавое побоище и также внезапно исчезают, чтобы затем, спустя несколько дней, объявиться в новом районе и там произвести очередной разбой. Вот и за это Амо не любил сентябрь.

* Сяба – грузовая нарта для перевозки чума.

Каждое дежурство в сентябре он начинал с ожидания нападения серых хищников. И ночью на дежурстве в стаде он думал о них ежеминутно.

Активный рост численности диких северных оленей на Таймыре также вызывал у Амо постоянное беспокойство. Чем больше становилось дикарей, тем меньше оставалось домашних оленей. Когда по радио передали, что в округе дикарей стало уже почти шестьсот тысяч голов, то есть в двенадцать раз больше, чем домашних, у Амо не то что беспокойство возросло, им овладел страх.

Он ведь помнил: не так давно домашних оленей было больше, чем дикарей. С ростом численности дикарей возрастали потери домашних – они вливались в многочисленные стада диких. Недавно зоотехник говорил, что по всему Дудинскому району дикие увели больше тридцати тысяч домашних оленей. При этой цифре старик вспомнил случай, когда дикарь за одну ночь увел у потаповских оленеводов два стада – более трех тысяч голов. Поэтому осенняя миграция вызывала у Амо в последние годы все больший страх.

Но он об этом никому не говорил, даже жене. «Начали меры принимать, – думал оленевод, – стреляют дикаря охотники госпромпхоза и совхоза, а толк какой? Продукции много портится, а дикаря не уменьшается. Осенние пастбища из-за дикарей совсем безъязыльные. Оленей все время приходится держать скученно. Мало оленей – очень плохо тундровику, а без оленя нет жизни ему».

Вечером, укладываясь спать, Амо подумал: «Хоть бы быстрее прошел сентябрь. Половина уже позади. Завтра с утра снова надо отправляться на суточное дежурство в стадо с племянником Алю. Он еще молодой, опыта маловато. Проще было бы дежурить в паре с опытным оленеводом, но надо обучать парня нашему делу, передавать свой опыт. Толк уже есть, но все равно еще слабоват». Затем другая мысль пришла ему в голову: «Надо будет сябу* отремонтировать: скоро будем каслать». Почему-то неожиданно для себя вспомнил ири-деда. «Хороший был человек, отличный оленевод, хороший рыбак, охотник. Вот только оленей у него было мало». Однажды весной дед дважды провалился под лед, живым остался. Однако простыл, легкие сильно простудил. Недолго после этого прожил – в сентябре умер. Перед смертью отцу-нису все наказывал: «Сынок, береги оленей, старайся, чтобы их было больше. Для нас олень это не только кормилец, это наша жизнь. Береги оленей». Видимо, этот наказ крепко запомнил отец. Оленей у него с каждым годом становилось все больше. Но и с отцом случилось несчастье: по перволедку поставил сети, на следующий день пошел их проверять. День выдался пасмурным, видимо, лед сделался слабым, не выдержал он отца, и тот утонул. Было это в сентябре. Получается, что сентябрь – какой-то роковой месяц.

Ночью Амо проснулся и подумал: «Я с восемнадцати лет заменил отца, взял всю ответственность за сохранность оленей, за рост их поголовья на себя. Отец не успел мне дать наказ насчет оленей, но я помню постоянно слова деда».

Утром дежурные пастухи пригнали стадо к чуму. Сытые олени, как только подошли к становищу, сразу стали ложиться на отдых. Отставших животных по команде пастухов оленегонные лайки подогнали к общей массе. Пока животные лежали, пастухи позавтракали, напились чая. Оленеводы рассказали, как прошло дежурство, где пасли оленей.

Бригадир поинтересовался насчет диких оленей и волков. Дежурившие пастухи ответили:

–Диких оленей и волков не было, следов их не видели.

Все сообщения оленеводов бригадир сопровождал словом «саво» – хорошо. Всем было ясно, что бригадир остался доволен выполненной за сутки работой членов своего коллектива. После обсуждения рассказанного, он стал давать наставления следующей дежурной смене. Растволковал Амо и Алю, где следует пасти оленей до обеда, где держать позднее, каких пастбищных участков придерживаться в вечерние часы, какой хасырею использовать для ночного выпаса животных.

Бригадир был намного моложе, но Амо слушал его внимательно, хотя и без указаний бригадира знал, где именно надо выпасать в это дежурство оленей. На высказывания бригадира он только сказал: «тарем» – так.

Алю сделал вид, что ему все ясно, и вопросов он не имеет. Пастухи, видя, что олени продолжают лежать, занялись своими делами. Амо начал ремонтировать сябу. А Алю решил заменить челюк в упряжке передового оленя. Поставив новую костяную пуговицу, он стал точить нож.

Амо, закончив ремонтировать нарту, начал собираться на дежурство. Укрепил на нарте чайник, мешок (в него жена положила кружку, сушеный хлеб, масло, чай, сахар, кусок мяса и соль). Осмотрев внимательно груз, взял с нарты топор и, хотя тот был остро наточен, немного его подправил и вновь закрепил на прежнее место. Привязанное к нарте ружье в чехле из лосиной кожи он не стал трогать, лишь подумал: «В полном порядке». Проверил наличие патронов, табака. По себе отметил: «Достаточно».

Он не стал спрашивать у Алю, как у него обстоят дела с подготовкой к дежурству. По его виду старик определил, что и у племянника все готово. «Можно и покурить», – решил он и закурил выдавшую многое на своем веку трубку.

Все оленеводы, включая бригадира, стояли около ера – загона, устроенного из грузовых нарт, поставленных вплотную одна к другой и расположенных в виде подковы. Для того чтобы стенка из нарт была для оленей непреодолимой, в отдельных местах были положены хорей и длинные палки, на которые были повешены олени шкуры.

Спустя некоторое время отдохнувшие олени начали подниматься. Встав, они потягивались и отправлялись в сторону пастбища. Пастухи отделили от стада ездовых животных и загнали их в ер. Когда эта работа была закончена, первыми в ер вошли Алю и Амо. Там они из своих оленей выбрали по пять быков. После них и другие пастухи тоже стали ловить себе транспортных оленей для своих целей.

Амо и Алю запрягли оленей и пошли пить чай. Закончив вылов ездовых оленей, пастухи остальных животных

из ера отправили на пастбище.

После чая Амо и Алю на своих упряжках отправились вслед за уходящим стадом оленей. Рядом с нартой Амо бежала лайка Яндо, а рядом с нартой Алю – Харп. Алю с помощью Харпа подгонял оленей слева, а Амо с помощью Яндо – справа. Они направили стадо на широко раскинувшуюся впереди лайду. На лайде олени с аппетитом поедали сырой ягель, а на ближайших озерах вдоволь кормились зеленью.

Время шло. Стадо трижды ложилось отдыхать. Когда солнце висело у горизонта, олени стали располагаться на отдых в четвертый раз. Перед лежкой Амо и Алю с помощью собак собрали животных плотнее. Олени легли отдыхать на склоне сопки.

Днем прошел легкий затяжной дождь. В воздухе терпко пахло багульником и сырыми листьями. Амо разжег костерок, повесил над огнем чайник, закрепил оленину на тальниковых палках, воткнутых вокруг костра.

–Сегодня опять сыро, земля какая-то темная, бурая, – сказал Алю.

–Мне дежурство в сентябре кажется очень долгим. В эту пору в душу забирается тоска, какое-то мутное состояние, сам не знаю почему.

С ближайших озер раздались протяжные стонущие голоса гагар.

–Один луса говорил, что гагары самые древние птицы на Севере. Человека на Севере еще не было, а они уже были. Вот ты, Алю, каких гусей знаешь?

–Гуменник – самый крупный, серебристо-бурый. Клюв у него длинный, черный, лапы оранжево-розовые. Белолобый гусь – этот поменьше. Сам буровато-серый, на брюхе черные поперечные пятна, на лбу, вокруг клюва, у него белое пятно, а клюв и лапы – красно-желтые. Пискулька – самый маленький гусь, и у него белое пятно на лбу, но оно охватывает темя, а вокруг глаз – узкое желтое кольцо. Правильно?

–Так, – ответил Амо. – А гагар каких знаешь?

–Гагары – они и есть гагары.

–Нет, они тоже различаются, и потому у них разные названия: есть гагара белоклювая, есть краснозобая, есть чернобровая.

–А чего они стонут? – поинтересовался Алю.

–Погода им не нравится. Улетать не хотят, а время их торопит.

Пастухи поели мяса, попили чая. Амо закурил трубку, Алю – сигарету.

–После отдыха оленей направим вон к тому хасырею, – Амо показал направление рукой. – Там они отдохнут и там же будут кормиться, а когда рассветет, мы их соберем. И пойдем дальше.

–Саво, – ответил Алю.

Они так и сделали. Совсем стемнело, когда олени подошли к хасырею. Амо подъехал к Алю. Закурили.

–Ты будешь ночью на дальнем конце хасырея, а я с этой стороны пригляжу за оленями. Если будут уходить в сторону, возвращай к центру хасырея.

–Саво, – ответил Алю и после перекура направился осторожно к дальнему концу огромного зеленого «блюда».

Амо остался на этой стороне. Яндо, видя, что хозяин спокойно курит, свернулся рядом клубком. После того как трубка была выкурена, Амо отвязал от копыла нарты вожжечку и намотал конец на руку. В левую взял хорей и, поправив постромки, чтобы не терли оленям ноги, поехал тихо к еще виднеющимся оленям.

Подогнал животных, отошедших в сторону. Остановился. Подумал: «Здесь животным будет корма достаточно до утра».

Вспомнил случай, который был два года назад и тоже в сентябре: стадо к ночи подошло к пастбищу с недостаточным количеством корма, так олени за ночь ушли километров за пятнадцать – начали активно двигаться в сторону зимних пастбищ. Пришлось их утром догонять и возвращать в нужную сторону.

По небу проплывали разорванные бесформенные облака. Луна рассеивала плотную темноту ночи. Что-то неопределенное просматривалось на ее поверхности. Амо вспомнил, как в поселке во время собрания инструктор райкома партии рассказывал, что на луне находятся горы. И что человек по ней ходил, правда, не луса, а американец. Он тогда подумал: «Такого быть не может, все это сказки». Остальные оленеводы тоже не поверили. И сейчас, глядя на луну, он не верил этому. Мягкий холодный лунный свет вселял в его душу спокойствие. Словно он разговаривал с предками. Если он продолжал долго наблюдать за луной, то у него обычно возникала неведомая тяга к небесному светилу. В такие моменты ему хотелось завьить. Но он себя каждый раз сдерживал.

Вот и сегодня луна была полная. И лунный свет потянул старика куда-то вверх. Это заставило его оторвать свой взгляд от светила и направить в более прозаические места – на оленей, которые располагались недалеко от него на отдых. Свету было достаточно, чтобы различить отдельных животных. Тишину нарушали лишь удары оленьих рогов. Чтобы упредить подход волков к оленям, старик дважды сотряс воздух криком. Этот крик олени хорошо знали и поэтому вслушивались в него спокойно. Спустя некоторое время подобный крик раздался с противоположной стороны. Это означало, что у Алю тоже все спокойно, все нормально.

Приблизительно через час пастухи вновь обменялись криками. Часа через полтора последовал крик с дальнего конца хасырея, ему ответил Амо. «Скоро рассвет», – подумал старик. Он достал трубку и закурил. От дыма пахло теплом. Потом он почувствовал, что от дыма по телу стала распространяться истома, в голове почувствовалось легкое головокружение. Старик подумал: «Однако, табак это хорошо. Когда куришь – время не замечаешь, дежурство быстрее идет. Табак думать помогает, тоже хорошо. Когда куришь, плохих мыслей нет, и это хорошо». Он не заметил, как подступил рассвет. Стали различимы кусты. Только дальний конец хасырея был в тумане. Амо поехал вперед. Вскоре стали попадаться олени. Пастух стал давать Яндо команды, чтобы тот крайних оленей подгонял к центру. С

противоположной стороны хасырея послышался лай Харпа. «Алю тоже подкучивает оленей со своей стороны», – подумал Амо. Спустя некоторое время они встретились. Уже совсем рассвело. Олени спокойно перебежали по пастбищу.

Между самцами временами возникали стычки. Более удачливые самцы успевали делать садки. Гон продолжался. Рядом со взрослыми самцами резвились молодые прошлогодние самцы и третьяки. «Веселятся олени», – подумал Амо.

–Наверное, пора стадо направлять к стойбищу? – спросил Алю.

–Да, до становища будет километров восемь, давай направим туда. Пусть по ходу еще поедят.

Они направили оленей в сторону чумов. Пастухи спокойно ехали позади стада. Олени медленно шли, питаясь на ходу. Некоторые животные делали небольшие перебежки. Тех оленей, которые пытались уйти далеко в сторону, пастухи возвращали к основному ядру стада с помощью собак. Слева их подгонял Харп по команде Алю, справа – Яндо по команде Амо.

Солнце всходило. «Наверное, скоро из чумов пойдет дымок. Женщины начнут еду готовить, а там и мы со стадом подойдем», – думал старик. Стадо широкой лентой двигалось по тундре. Были слышны голоса важенков и телят, хорканья самцов. Эти звуки раздавались на фоне пощелкивания копыт и ударов рогов. С первыми лучами солнца воздух стал наполняться запахом багульника и тундровых трав.

На пригорке показались чумы. Олени сами направились туда, зная, что у чумов их ждет отдых. Из чумов навстречу стаду вышли все от детей до стариков. Каждому хотелось посмотреть своих оленей. Авки искали своих хозяев, чтобы получить угощение – щепотку соли, корочку хлеба.

Бригадир подошел к Амо и Алю.

–Сармик таян? Волк есть?

–Юнгу. Нет.

–Илебц таян? Дикий олень есть?

–Юнгу. Нет.

–Ули саво. Очень хорошо.

Амо с удовольствием закурил. Ему было приятно, что дежурство прошло спокойно и что бригадир одобрил его и Алю работу.

После завтрака Амо помог товарищам загнать оленей в ер. Дождлся, пока дежурные пастухи со стадом отошли от становища, и после этого пошел спать. Спал до вечера. Затем, пока было светло, отремонтировал нарту жены. На вечерней беседе у бригадира было решено завтра каслать. Об этом старый пастух сообщил жене перед сном.

Последнее время ему снились сценки из детства: то он помогал деду собирать из заготовок нарту, то – отцу доставать рыбу из сети. В эту ночь ему приснилось, что он вместе с отцом плетет тынзян. Однако, ремешки были широкие, шире обычного, и отец был недоволен сыном и делал ему замечания. Амо не мог понять, почему отец на него ворчит, ведь шкуру дикого северного оленя он резал сам.

С утра, после завтрака, все были заняты сборами к отъ-

езду. Женщины разбирали жилище. Каждый чум, а их в бригаде было два, укладывали на две нарты. Сюда же упаковывали стол, посуду, а сверху еще и печку. После этого были увязаны остальные нарты. По окончании сборов провели еркование. Мужчины выловили необходимое количество ездовых быков для транспортировки груза, перевоза людей, включая пастухов, дежурных и свободных от дежурства. Пока мужчины занимались оленями, женщины с ребятами собрали мусор и сожгли его. Лишь после этого тронулись в путь.

Новое место бригадир определил около озера. Это место всем нравилось и раньше. Здесь хорошо ловилась рыба, вокруг было много зелени, и с топливом было лучше, чем на предыдущем месте.

После обеда Амо продолжил работу над новой нартой. До сна выточил два копыла, наточил топор, нож. На следующий день пастух был свободен от дежурства. Он посвятил его рыбалке и хозяйственным делам.

В день дежурства с Алю старик проснулся раньше обычного. На душе было мутно. Всю ночь вновь снились дед и отец. Детали сна он не помнил, но запало в памяти, что оба они были чем-то недовольны, и что причина заключалась именно в нем, а в чем он был виновен, так понять и не мог.

Не улучшилось душевное состояние Амо и после того, как он собрался на дежурство. Олени на свежем пастбище паслись спокойно, делая небольшие перебежки. Небо было ясное, ощущался легкий морозец, лужицы подернулись льдом. В воздухе Амо улавливал запах осени и багульника.

Возможность нападения серых разбойников и вероятность появления в окрестностях диких северных оленей постоянно поддерживали страх в душе Амо.

С наступлением темноты олени подошли к свежему хасырею. «Все идет по плану, – подумал Амо. – Сейчас олени спокойно полежат часа три. Потом начнут на хасырее кормиться, а там и рассвет наступит». Эти мысли его немного успокоили, но внутренний голос продолжал напоминать: сентябрь идет – жди беды. Он старался думать о другом, но эта мысль, не переставая, сверлила его мозг. «Какой-то дух, наверное, забрался в мою душу. Как от него избавиться? Раньше можно было шамана позвать, тот бы в один раз со всеми плохими духами справился. Придется самому просить Нума, чтобы исцелил меня», – рассуждал про себя старик.

Он подал голос. Через несколько минут с противоположного конца хасырея последовал ответный крик. «Значит, пока все нормально», – подумал старый оленевод и тут же спохватился: «Почему подумал пока, а не просто все нормально?»

Старик Амо любил во время дежурства наблюдать северное сияние. Эта волшебная игра света в северном небе вызывала у него чувство таинственности. Как двух снежинок, похожих друг на друга, он не видел, так и северные сияния не были похожи одно на другое. Они все были различными и неповторимыми.

Вот и сегодня снопы лучей мечутся по небосклону, иг-

рая друг с другом, то сливаясь, то распадаясь, выбрасывая яркие вспышки света, бледно-зеленые, белесые, малиновые, голубоватые лучи света находились в постоянном движении. Разноцветная световая бахрома то растягивалась волнообразной гигантской лентой, словно брошенный тынзьян, то резко собиралась, меняя густоту окраски, то вновь распускалась, только теперь словно искры костра. Музыка света зачаровывала старика. Ему представлялось, что играет огромный барган, музыка которого является волшебной для души старого оленевода.

Глядя на северное сияние, Амо не забывает, что это природное действо носит у ненцев название Нгер Харп, и для ненцев это не просто игра света – это свет особый. Он предназначен для покойников, которые разъезжают ночью по тундре. Старик задумывается и прислушивается к ночным звукам тундры.

Однако, кроме звуков, исходящих от оленей, он ничего другого не слышит. И представляет себе, что покойники в это время разъезжают в другом месте тундры. Вон она какая бескрайняя.

Затем Амо вспомнил случай. К ним в бригаду приезжал научник из Москвы. Потешный такой. Оленей совсем не знает. Ездить на оленях не умеет. Раза два оленевод возил его по тундре на грузовой нарте: шибко хотел тот посмотреть, как олени пасутся. Грузовую нарту Амо привязал за своей легкой. Смех был среди оленеводов. Малицу, и ту надеть научник не умел. Начнет надевать, так целых полчаса в ней путается, все не может найти, где шапка малицы, как лицо надо выставлять. Пока он малицу надевал, ребята бывало, успеют два полена за веревочку привязать к сорочке. Он идет, а за ним тащится два полена. Хозяйка ругается: «Куда дрова из чума на улицу понес!». Он ничего понять не может, а ребята со смеху покатываются. Как здесь не засмеяться, все гогочут. Ничего, не обижался парень. Москвич все про оленей записывал, людей о жизни расспрашивал, что как называется записывал. Сам про чукчей и эскимосов оленеводам рассказывал. Амо с интересом слушал гостя. Особенно ему запомнился его рассказ о вере эскимосов: они верят, что умерший человек обязательно возрождается в новом ребенке. Но что особенно интересно – есть отдельные избранные люди, которые угадывают, в каком ребенке кто вновь пришел на свет из ушедших в нижний мир людей.

Амо думает: «А может и у ненцев это возможно. Тогда дед и отец когда-нибудь вернутся в образе каких-нибудь детей. Может быть, на Таймыре нет такого человека, который бы определил их нахождение. Может быть, такой человек живет на Ямале или в другом месте». Этого Амо не знал.

Старый оленевод пытался себя настроить на успокоение. «Что-то темновато, – подумал он. – Может быть, бабахнуть или крикнуть, а то вдруг замечтался да и уснул Алю». И он протяжно прокричал дважды имя молодого пастуха. Вскоре тот ему ответил дважды его именем. «Молодец Алю, не спит,» – немного успокоился Амо. Прошло немного времени, и старик заметил, что начало светать.

«Может, бабахнуть в воздух?» – задал пастух себе вопрос и сам же на него ответил: «Зачем палить просто так».

Небесные искры света прекратились. Старик посмотрел на еще мерцающие звезды и в это время услышал, что олени бросились в разные стороны, началось их шарханье. «Волки, как есть они – разбойники,» – блеснула у старика мысль и он закричал:

– Сармик! Сармик!

Трясущимися руками он быстро достал ружье, зарядил его и сделал два выстрела в воздух. Затем вновь его зарядил, теперь уже картечью.

Амо отошел от упряжки. И сквозь надвигающийся рассвет увидел бегущих оленей. Небольшая группа животных пронеслась рядом с ним, за ней последовала вторая. Затем он увидел, что группа оленей голов в двести стала шархаться в разные стороны. В ее гуще было видно, как прыгают волки. Старик заорал и побежал вперед. Волки, видимо, войдя во вкус, не обращали внимания на его крики и продолжали гоняться за оленями. Амо раза три собирался выстрелить в хищников, но они быстро перемещались, кроме того, все время на глаза попадались олени, и пастух опасался попасть в них. Он делал перебежки в сторону мчущихся животных – оленей и волков. Один из хищников побежал за оленем, который был от старика метрах в двадцати. Амо отчетливо видел напавшего на оленя волка. И когда тот, продолжая прыгать, пытался сбросить хищника, старик, прицелившись, выстрелил в волка. Он увидел, что попал, но не стал дожидаться результата, а сделал второй выстрел. Если после первого выстрела волк взвизгнул и пополз, то после второго – свалился. Старик зарядил ружье вновь. После выстрела оставшиеся волки продолжали преследовать оленей в противоположном направлении. Видимость улучшилась. Пастух еще дважды выстрелил в направлении ушедших хищников и побежал к нарте.

Амо услышал крик Алю, после чего прозвучало два выстрела и вскоре еще два. Старик поехал к племяннику. По дороге он встретил трех оленей, которые проявляли признаки жизни, но уже ни бегать, ни ходить не могли.

Голос Харпа раздавался то вдалеке, то слева, то справа. Старик понял, что Алю успокаивает оленей и подгоняет далеко убежавших животных. Амо решил заняться тем же со своей стороны. Сбор оленей в стадо продолжался часа четыре. Олени в упряжках совсем выдохлись.

Сейчас трудно было сказать, всех ли оленей они собрали. И какой урон нанесли волки. Они погнали оленей к стойбищу. Там их поджидали бригадир с пастухами, старики, старухи, дети.

Когда стадо подошло к стойбищу, и олени улеглись на отдых, вернувшихся пастухов обступили все жители. Бригадир молча смотрел на них. Заговорил Амо:

–Рано утром стая волков напала, что могли то и делали – орали, стреляли. Голов семь их было. Я видел трех, Алю со своей стороны – четырех. Одного я убил. Слабовато еще было видно, когда они напали.

–Сколько оленей погибло? – спросил бригадир.

–Голов десять видел. Есть тяжело раненные, придется

прирезать.

–Я таких видел три головы, а может быть и больше. Надо на месте смотреть. Заодно проверить, не убежали какие олени в сторону. Пока животные отдыхают, посмотрим, все ли приметные олени в стаде.

После просмотра стада пастухи сошлись во мнении, что нет двух приметных важенок.

–Значит, и телята с ними, – заключил бригадир.

После еды и чая, ерковали. Со стадом пошел один бригадир. Три пастуха отправились на поиски отбившихся оленей. Амо с Алю и женщинами поехали к месту, где волки напали на стадо, чтобы собрать продукцию.

В конце дня все собрались на становище. Подвели итоги нападения серых разбойников. Всего отход составил семнадцать голов. Нашли и пригнали группу с двумя приметными важенками.

Вечернее время было заполнено только разговорами о волках. Осматривали шкуру убитого волка и обсуждали, какие и чьи олени погибли. Все переживали и были обеспокоены случившимся.

Амо этот случай взволновал и сильно расстроил. Когда он ложился спать, то подумал со страхом: «Эти твари могут в любой момент объявиться вновь».

Утром, когда он встал и стал разговаривать с женой, то оба удивились, что он стал заикаться. Вскоре эта новость облетела все чумы. Соседи восприняли это сообщение молча, лишь отец Енсу сказал:

–От этих разбойников не то что заикаться будешь, можно дар речи потерять. Рассказывали мне, на Ямале случай был, когда волки за сутки перевели около сотни оленей. Так, действительно, я думаю, из-за этих разбойников и дар речи потеряешь, и посеедешь в один момент.

Прошло несколько дней. Амо с Алю отдежурили очередной раз. Говорить о нападении волков на стадо в становище стали меньше. Чувствовалось, что народ успокоился. Один лишь Амо не успокоился и чувствовал внутреннее беспокойство. И про себя думал: «Беда всегда двулика. Показала одно лицо, покажет и другое». Старик предчувствовал и внутренне боялся надвигающейся беды. И она пришла во время третьего, после нападения волков, его дежурства с Алю. Пришла она, как всегда, неожиданно. Случилось это перед рассветом.

Старик услышал какой-то гул. Постепенно он становился все сильнее. «Что бы это такое могло быть? – подумал Амо. – Хорошо бы посоветоваться с Алю, но он далеко». А гул все нарастал, меняя свою тональность. Яндо тоже слышал непривычный звук. Он приподнял голову и заворчал. Нарастающий гул стал давить на уши, лишь спустя еще какое-то время, старый пастух догадался, что этот гул исходит от бега диких северных оленей. Звук был сильный, значит, там двигалось немало оленей. Гул нарастал со стороны реки Хеты. «Прямо на стадо идут. Надо оленей срочно уводить за склон», – подумал Амо. Он дал сигнал Алю, сам сел на нарту и стал с помощью Яндо направлять оленей к склону, до которого было километра два.

Алю начал поджимать оленей со своей стороны к тому

же склону. «Молодец», – подумал старик. Яндо и Харп без устали подгоняли стадо сзади. Шум, издаваемый дикими северными оленями, все усиливался и неотвратимо надвигался. Амо телом и душой почувствовал, что вот-вот покажутся дикари. До спасительного склона оставалось еще больше километра. Домашнее стадо двигалось легкой рысцой. Среди задних оленей возникла толкучка, так как их активно поджимали собаки. Старик от волнения даже вспотел. Как назло, со всех сторон стал обступать туман. Амо потерял из вида Алю, и только по голосу Харпа мог судить, где находится напарник. Он стал просить духа – хозяина домашних оленей, чтобы защитил его животных от стада дикаря. Но было уже поздно, показались дикие олени. Они бежали спокойно широкой лентой. Крайние были метрах в трехстах от Амо. Ему казалось, что бурая масса тянется бесконечно долго. Он орал и стрелял, стрелял и кричал. А дикари не обращали на него внимания, они продолжали бежать в заданном ритме. Когда бурая лента дикого стада пронеслась мимо, старик подумал: «Диких, наверное, тысяч десять будет, а может быть и больше». Такого количества оленей одновременно он не видел в своей жизни ни разу.

Когда старый пастух нашел Алю, тот сообщил, что дикие успели «срезать» почти треть стада – голов пятьсот. Амо стал кататься, рыдать и бить кулаками по земле. Ему было жаль ушедших оленей, он не видел себе оправдания перед наказом рода. Он был в полном отчаянии. Потом Амо встал, заикаясь, сказал Алю, чтобы тот с оставшимися оленями стада двигался в сторону чумов, а сам поехал по следу ушедших оленей в надежде хотя бы часть из них вернуть. Напрасно старик часами гнал оленью упряжку вперед по тундре. Лишь однажды ему показалось, что он видит движущихся оленей, однако то была галлюцинация. Олени ушли в сторону зимних пастбищ. «Когда придем на зимние пастбища, и там их не будет. Они будут до конца, пока есть силы, держаться вместе с дикарями», – подумал Амо.

Только через сутки старик вернулся к стойбищу. Усталый физически и душевно подорванный. За нартой тащился верный Яндо. Отпуская уставших оленей из упряжки на пастбище, старый пастух подумал: «Однако дух Илебцям-бэртя – хозяин диких оленей – сильнее».

После этого случая, который произошел 28 сентября, Амо совсем потерял дар речи. Теперь он выполнял все работы молча. В бригаде ему дали прозвище «молчун».

Вспоминая старика ненца Амо, я думаю – воистину для него сентябрь оказался роковым месяцем. Не случайно он не любил его и испытывал гнетущий страх и тревогу в это время года.

Виктор САМУЙЛОВ

Родился в 1951 году. По профессии – военный вертолетчик. Вышел в отставку и приехал на Север. Кем только ни пришлось в жизни работать! Все это нашло отражение в его прозе. Печатался в газете «Заполярный вестник», в альманахе «Полярное сияние». В 2001 году в Красноярске вышла его книга "Обугленные миражи". В 2000 году удостоен литературной премии им. Ю. Бариева.

ЛЕСОВИЧОК

Сквозь сон, дрему, состояние небытия пробивался чей-то голос...

– Не умирай... не умирай...

«С чего бы это я умирать собрался?» – думалось мне.

И опять настойчиво и ласково...

– Не умирай... не умирай...

«Да отвяжись, спать хочу!»...

Мне казалось, что устал я безмерно, тело не ощущалось, желаний никаких, лишь бы голос исчез...

– Не умирай... не умирай...

Раздражение и досада горячей волной окатило все мое существо.

– Умница, умница, теперь открой глаза... – повторял твердо и настойчиво голос.

«Да кто ж это такой? – сердито подумал я. – Кому помещал мой сон?»

И опять...

– Открой глаза, открой глаза...

«Ах! Ну, сейчас я тебя!»... – Веки, невероятно тяжелые, как чугунные створки, давили на глазницы, но тяжесть от настойчивого понукания уходила, изворачивалась болью, проникала в мозг. И опять...

– Открой, открой глаза.

Я ощутило, зацепив, кажется, пальцами за ресницы, тащил вверх, раздирал веки. И вот розово и больно ударил солнечный луч мне в зрачок...

– Не закрывай, держи, держи...

«Да кто ж ты такой? Держу!»... – хотелось мне крикнуть, но, увы, темнота и покой снова окутывали мое сознание. Но голос, голос – вкрадчивый, настойчивый, не отпускал в сон...

– Не умирай, не умирай...

И сразу же:

– Открой глаза... Открой...

Голубое небо с редкими пушистыми облачками за листвою и зеленью, за ветками деревьев казалось близким, теплым и ласковым.

– Смотри сюда, смотри мне в глаза... – вещал настойчивый голос.

Любопытство заставило меня шире распахнуть, рас-

крыть веки. Почти надо мной, на толстом суку большого дуба сидел старичок, ноги в деревянных башмаках свесил, сердито ими побалтывал. Сидел, поджав плечи, напрягшись, оперлся руками в сук.

– Смотри в глаза! – довольно резко произнес старичок.

Но я успел заметить, что рта он не раскрыл. Глаза под густыми бровями буравили меня, сверлили; в груди стукнуло раз, другой... Я шумно вздохнул, улавливая мельчайшие запахи... По моему лбу щекотно ползла букашка, источая кисловатый, резкий аромат. «Муравей!»

– Не отвлекайся, смотри в глаза...

«Но я же смотрю»... – попытался разлепить губы, ответить – не получилось, смотрел на видение... Думал, слова складывал в фразы.

Старичок хмурил брови; сморщенное улыбочное лицо выражало озабоченность и сосредоточие. Седая борода, до пояса, подрагивала, волосы – длинные, седые – собраны на затылке пучком. Одежка тканая, похожа редкой вязью на дерюжку: свободная куртка, портки подвязаны у щиколотки, цвет однотонный, темно-зеленый.

– Теперь встань! – услышал я голос резкий, гортанный, шевельнулись красные большие губы старика.

«Встань, так встань»... – попробовал, но, увы.

Старичок поерзал. Глаза, пронзительные, строгие, неотрывно буравили мне мозг. Он ловко вспрыгнул на ноги, уперся руками в колени, наклонился ко мне.

– Скажи «мама»! Скажи «мама»! – настойчиво повторял он.

«Совсем сбрендил дед, «папа», может, тебе проглаголить...» – бурчал я.

Но увы, как и веки до этого, губы чугунно давили на зубы, ломотой растекалась боль по лицу, пульсировала в висках острыми толчками. Я невольно вскрикнул:

– Ой, мама!

Старичок довольно хыкнул, хлопнул ладошками.

– Еще раз! Еще раз!

И я повторил, раз пять повторил:

– Мама!

– Умница! – дед сел на сук, вытер пот с лица. – Встань теперь, встань!

И я встал, не сразу, хотелось провалиться в сон, в немоту. Но старичок настойчиво твердил:

чато, задорно, проклянувшийся на поверхность снега.

Кое-где вдоль зимника, в распадках, в поселке – по кучам и гребням снега, навороченного бульдозером, грязно и противно выступили, потекли остатки осенней убоины – оленья требуха; зачернели, изодранные в клочья собаками, обклеванные бакланами куски мяса; белеют, скалятся сквозь их черноту кости. И рыбки, обломанные кудцы хвосты, усохшие головы, внутренности, растащенные с осени по собачьим, сейчас выгтаившим лежкам, вдруг, обильно и с противной грязной немотой, явили себя солнцу. Усталыми, как опавшими листьями в оттепель, снег вокруг мусорников, и у окон, у форточек они, и на обледелых помойных кучах, что у дверей барачков, они. К подошвам валенок и сапог липнут, мерзко и неотделимо. Чертыханье баб, ругань особо брезгливых мужиков, ворчанье на пустой шум ошалелых от обилия еды псов будоражат ленивую, синелую атмосферу, вязким маревом испаряющейся влаги покрывшую поселок. Во всем – и у зверья, и у людей – трепет и ожидание настоящей весны, с капелью по застрехам, с журчаньем воды под раздраным снегом.

Собираются внешние воды, копят силу. Истекая вначале мелкими ручейками, бурявят они толщу снега, полнясь с каждым мгновением; ручьями пробиваются на поверхность, несутся, рвутся, играя всеми цветами радуги под солнечными лучами; тугие водяные мускулы закручивают мусор и льют, льют себя неудержимо в низины, а оттуда, насытившись, переливаются в реку. Река дремотно и угрожающе потихоньку набухает подо льдом, ворочается, угрожающе бугрясь раскисшей спиной. Все это сопровождается запахами, и такими, что закручивается сердце в томный, страдающий узел... Дыхание спирает в груди, дух обмирает...

Благодатное время наступило, день уже в ночь с превеликой неохотой клонит. До-о-лго небосклон, потемневший голубизной от верха, из черной бездны, к горизонту сползает, к полосе янтарного меда, щедро разлитого по далекой стороне, еще голубой, прозрачной, но неумолимо стекающей к натянутой линии, чуть вздыбленной в том месте, где уже давно скрылось солнце. Туда сползает и день, и ночь следом за ним, и снизу, и сверху, и со всех сторон стремится темь в светозарную блекнущую точку, в пупок, туда, где под медовой полосой щетинится частокол далекого леса. Где над ним, выстуживаясь, оплавливаются медовые края, и темнеет, тускнет желтизна, и синь стьялая захватывает полнеба, и места мало сини, и она уходит. Всесущий и вечный космос накрывает землю безмолвием, сверкучие звезды рассыпаются по антрацитному небосклону. Короткая ночь укутывает землю, как заботливая мать ребенка, нежно, невесомо и любовно...

Ворон не сразу нашел мясо; вокруг поселка кружил, все солнечные дни и ночь караулил, да собаки не менее голодны, чем он. Бакланы с юга, что ни час, все больше подлетают – не подступиться; пару рыбьих хвостов ухватил, так своего чуть не лишился. Тут, у окраины, в ручье, в зимнюю метель, с саней пьяные оленеводы поклажу потеряли, запомнил Ворон это место. Не раз в надежде поживиться на-

ведывался, но снега намело много.

Дождлся, дождался в самое тяжелое время. Совсем старый стал и приболел немного, даже покашлял. Болея, притомился, ослаб, потом метель переждал под крышей новой электростанции, а с солнышком кровь быстрее по жилам заструила, и аппетит появился и жить вроде захотелось Ворону.

А раньше ютился у трубы старой котельной, которая доживала свой век, отапливая несколько вагончиков, мастерскую, гараж, магазин, столовую – все немногочисленное хозяйство вахтового поселка. В молодые, далекие времена, с молчаливой супругой, зоркой и трудолюбивой, – она нашла и дырку в крыше, увидела, что морозный воздух неуловимо тронут теплом, исходящим из дыры, – пробралась с опаской в разлом, осмотрелись и устроили гнездо, прилепив его на здоровенную балку, поддерживающую кирпичную, закоптелую трубу. Раствор, соединяющий кирпич, во многих местах повысыпался, а у балки и два кирпича вылетели из трубы. В самые лютые морозы и метели – тепло тут и уютно.

А хоронясь от вечно голодных, бесхозных поселковых собак, можно снизойти, порыться на помойках, съестного там достаточно, главное – не зевать, в поселке помоек множество, но это в крайнем случае... когда метели и морозы всю живность по схоронам разгонят. Собак в поселке временами плодится, как лемминга в тундре; мужики, пропившись, мясо в котел пускают, шкуры на шапки. Но все равно не убывает их. Разорвали Воронику на куски, с перьями сожрали...

Ворон долго сидел у гнезда, уставившись круглым карим оком на крапчатые яйца. Ну что ж – сидеть ему. Глухо каркнув, взъерошив перья, он взгромоздился на кладку, застыл, не шевелясь, пока не проголодался. Отвлекаться на поиски пищи надолго ворон опасался. И ничего лучшего не придумал, как стащить с лотка у грузчика батон хлеба. Мужик свистнул, засмеялся и на следующий день, завидев Ворона, сидевшего на столбе у пекарни, разломил краюху хлеба надвое, бросил куски на плоскую крышу вагончика. «Молодец!» – похвалил мужика Ворон. Раз пять вчера целую булку хлеба терял, пока приволок ее к себе под крышу. Но одним хлебом сыт не будешь, и Ворон в то далекое время частенько заглядывал на помойки: привык; и теперь – обычное дело, снег почти сошел, выгтаили припасы поселкового народа. Они, как их собаки, попрятчут под снег мясо, рыбу, а потом, после пурги... ищи-свищи...

Ворон и сам, что мог, затаскивал под крышу. Через щель в шифере наметало снега в дальний угол, и лучшего места не найти для схорона.

Ворон с горя, наверное б, умер в то нехорошее время. Подолгу сидел на гнезде и никаких желаний не испытывал, ни есть, ни пить не хотел. Иногда взъерошивался, приоткрывал глаза, ковылял к почти истаявшей кучке снега, не чувствуя сытости, долбил крепким клювом рыбину, отрывая куски, глотая, и опять садился на гнездо. Он сидел, со страхом прислушиваясь к тому, что творится под ним... Пока там тихо, но скоро, разбив скорлупу, появятся желто-

ротые, мокрые, головастые, горластые птенцы, и как их уберечь?... Всякого мелкого, подлого зверья хватает в котельной, есть мыши, есть крысы, есть и кот Барсик, ленивый, разожравшийся. Но коту к гнезду не подобраться: острые когти ему не помогут, об железо и кирпич лишь затупятся. Крысы изредка наведываются всем выводком в котельную. Нужда заставляет... это когда одновременно в столовой, в пекарне и в магазине им всякой отравы насыпят. Отсидаются – и опять к себе.

Серый Барсик живет тут давно и на правах хозяина в первое время лезть к птенцам пытался, но раза два грохнулся с высоты, летел, орал, растопырив лапы. Разок лупила его крыльями Вороница, разок – сам Ворон. Теперь кот стар, пьет из жестянки молоко, из блюдечка выбирает кусочки рыбы или мяса, шипя на Джека, большую глупую лайку: если задрожал воздух от лая и визга лайки, значит, Барсик трапезничает. Кот, также как и Ворон, ненавидит собак. Джека терпит с трудом: котельщики за оцарапанную морду Джека могут лишиться ежедневной порции молока. Лайка гоняет зайцев и песцов для охотников, любит лежать за большой печкой на оленьей шкуре. Но другим поселковым псам, пытавшимся погреться в стужу, попадает от Барсика по всей норме. Шерсть летит клочьями, пес места себе не найдет. Но и Барсик, если гулять начинает, с большой осторожностью по поселку пробирается.

Ворону не видать, что творится в котельной, но, слышав шум битвы, обязательно выбирается на крышу и, увидев мчащегося пса, срывается на него, раскинув огромные крылья, старается клонуть побольнее. Окончательно подружились они с Барсиком, когда Ворон один остался.

Птенцы вывелись горластые, ненасытные. Уж когда совсем невмочь, когда искать еду нет времени, засакаивал Ворон в открытую дверь котельной, хватал кусок рыбы или мяса, приготовленный Барсику – и к своим горластым. Кот лишь глаз приоткроет, полеживая на широком подоконнике. Где они сейчас?... Осенью поднялись на крыло, и поминной как звали – батька откормил! Залоснилось перо вороновым глянем. Ну а вначале смешно запрыгали по обширному чердаку, теребя, пробуя клювом все, что попадет. Больше всего Ворон переживал о дочке... маленькая, братья затолкают в гнезде, шеи вытянут, рты раззявят... Все ж и ее выходил!.. С последними птицами улетела, белая крупа сыпала, лужи льдом взялись, а она возле батьки крутится... мол, что сидишь, старый, что нахохлился...

А Ворону тут привычно. Лишь бы котельная работала. Куда старику с родного места срываться? Грузчик его не забывает, радостно взмахивает руками, отставляет лоток, садится на крыльцо, достает сигарету, сидит, курит. И Ворон сидит на столбе. Иногда к грузчику выходит женщина, выбегает мальчишка. Мальчишка свистит, манит Ворона конфеткой. Если конфета достается, ворон ее обязательно подберет, уж очень глаз радует разноцветными красками бумажка. А сама начинка – так себе... пить с нее хочется. Зимой снегом приходится утолять жажду... горло стынет.

Сколько Ворон прожил один, не вспомнить. И сколько проживет...

Когда-то он на зиму улетал в теплые края, но если подумать, то совсем и не в теплые, чуть потеплее, и снег там, и морозы, и метели. Но все ж не так, как тут.

...Ворон помнит себя совсем юным вороненком. Родился он в большом гнезде, удобно свитом из веток тальника на старой, высокой лиственнице. Сейчас на месте этой лиственницы стоит бетонное здание котельной, дымит старая труба. Кто тут жил, ушли далеко в тундру, угнали многочисленные стада оленей, убежали маленькие мохнатые собаки, совсем не злые, звонкоголосые, но их острые зубы вороненок помнит. Вывалившись из гнезда, сумел расправить крылья и даже взмахнул ими несколько раз, поэтому и пролетел через кусты, канаву и угодил прямо в кучу собак, деливших потроха забитого оленя. Старый пес цапнул нехотати подвернувшегося птенца зубами, кинул в сторону. Но и этого хватило вороненку. Он бездыханно лежал во мху. Собачонки яростно таскали потроха, наступая на птенца, пачкая его содержимым требухи. Увидела вороненка маленькая девочка Катя. Разогнала собак, подхватила птенчика на руки. Вороненок, почувствовав тепло рук, приоткрыл клювик. Катя пустила ему слюны в ротик, побежала домой, прижав птенца к груди. Вороненка отмыла, напоила водичкой и положила в теплую постельку, выкинув из нее куклу. Птенцу лежать вверх лапками неудобно, он перевернулся... больно в косточках, но все же получилось. Вороненок притих, смотрит, что в чуме творится. Народу много, жарко... Из своего гнезда птенчик их всех уже видел. И казались они совсем маленькими, а тут огромные, каркают на разные голоса...

Птенец привык к Кате, брал с ее рук кусочки лепешки, клевал крупу, пил водичку, ему даже стало нравиться тут. Но в открывающуюся дверь он видел голубое небо, мох, траву. Ветер доносил запахи хвои и зеленых листочков. Даже слышал далекие птичьи голоса, наверное, папа и мама искали его. Скоро вороненок стал разгуливать по домику, несколько раз пробовал подпрыгнуть и помахать крыльями, но места мало. Птенчик окреп и возмужал. Однажды, оставшись один, он услышал близкое карканье и хлопанье крыльев. Вороненок давно присматривался к прорехе в пологе. Он просунул голову... Ох! Как здорово! Столько света и простора!.. На сложенных кучей санках сидит папа-Ворон, возмущенно ругается на собачонок, беснующихся внизу. Увидев сына, Ворон поднялся в воздух и низко пролетел, уводя собак за собой. Вороненок неловко перевалялся через край дыры в пологе, ударился о мягкий мох. Больно, но ждать собак нельзя. Встал на ноги, расправил крылья, вздохнул полной грудью и... полетел. Полетел, мощно и сильно махая крыльями. Он сделал круг над стойбищем. Внизу, среди ягоdnика голубики стояла Катя, махала ему рукой, что-то кричала. Но вороненок увидел и папу, и маму, и братьев, и сестер. Они кружили высоко над ним, призывая к себе пронзительным, строгим карканьем... Через несколько дней стая молодых воронов улетела, с ними и вороненок.

Вернулся Ворон уже с Вороницей, вернулись сюда же. А Катю он увидел не скоро, ушли эти люди в другие места...

Много воронят выпустила чета воронов в мир и много раз слетала туда, где теплее. Всегда возвращались на лето в старое гнездо, свитое на могучей лиственнице. А однажды весной, прилетев, не узнали места. Дымили и гудели могучие машины, лежали огромные деревья, круглые, пустотелые и очень крепкие и холодные. Множество людей сновало между ними, сверкало, как молния, огонь, трещало пламя, дымилось задышливо и противно. На санях стояли железные чумы. Ворон с женой долго кружили над тундрой, выбирая себе место для проживания. Но куда ни глянь, страшные машины, дым, грохот, люди. Нет, все это им не в диковинку. В теплых краях и машин, и людей, и дыма, и грохота достаточно, но чтоб тут...

Все изменилось сразу, и даже как будто легче стало воронам жить. По тундре валяются потроха оленей, головы и ноги. Тухнет рыба – что забыли, а что просто унести не смогли. Выводы птенцов, питания достаточно. Но...но! Меньше стало оленя, меньше зайца, лемминга, страшно забухали ружья. Одна дробина засела в крыле Вороники, может, из-за нее и не смогла подруга вернуться от зубов оголодавших псов, которые рыскают по окрестностям, все подбирают: и тухлое, и живое.

А однажды Ворон встретил Катю...

Только-только вернулась из теплых краев чета Воронов. Жили они уже возле трубы в котельной. Куда спрячешься – нет места в тундре, спокойней тут, и подкормиться всегда можно. Ворониха на гнезде сидит, сам Ворон съестное ищет. Как-то долго летал, устал, присел на бревна, штабелем сложенные: сидит, озирается. Двое детишек санки по грязи тащат, на них старая женщина... туловище у нее короткое, ног нет... Клов Ворон раскрыл, а почему? Как без них? И занервничал почему-то Ворон, заволновался. Вматривается... Седые космы из-под платка свисают, слюнявый рот ругательства изрыгает. Ворон смог бы их повторить, но очень злом от них веет, злом, болью, отчаянием. Остановились детишек напротив Ворона, сели на бревнышко, закурили, мамке сигарету сунули. Та два раза пыхнула, глаза подняла... оплывшие, потухшие... да так и застыла. Слезы побежали по морщинистым щекам, затряслась голова, губы бессвязно что-то залепетали. Дети покурили, за веревочку взяли санки тащить, мамка головой крутит:

– Не трогайте...

Вот так и сидели... Ворон черный, пером глянцево-блестящим, лучи солнца отражающий, глаз лишь карий туманен и строг, и женщина Катя, в лучах этих, маленькая, смешливая и заботливая... отпаивает вороненка слюной.

Переступил Ворон с ноги на ногу и громко крикнул:

– Катя!.. Катя!..

Взмахнул могучими крыльями, повыше взлетел, все ему видать: супруга на гнезде потомство высидивает, далеко внизу двое детишек саночки от берега реки к поселку тянут – на лодке маму привезли по каким-то делам, может, пенсию получить...

Большую жизнь прожил Ворон. Стар он и одинок, долбит сейчас мерзлый кусок мяса. Даже по сторонам не смо-

тит. Хоть бы с ягодку живительного проглотить, успеть, пока поселковые собаки не узреют, не унюхают, доберутся и сюда. Мела три дня пурга, где сугробы огромные нагромоздила, а где вот как тут, выдуло до мха, ягеля, и утерьянная ляжка на виду. А сил у Ворона совсем чуть-чуть. Сгорела котельная, сдох друг, кот Барсик. Застрелили Джека – много их развелось, собак... Одно время жил Ворон на чердаке свинарника, ничего жил. Но закрыли свинарник, свиней порезали, всю зиму питался Ворон убойной. К грузчику не летал, а когда наведалься, там другой, бородатый и злой.

– Сгинь, нечистая сила!.. – рявкнул мужик и рукой замахнулся.

Все лето искал себе Ворон место, к людям присматривался, к чердакам, и вроде нашел. Кормить старого Ворона, как грузчик, никто не желает, но это и не страшно, много ли ему одному надо... А вот зиму перезимовать без мало-мальского тепла трудно. Сядет летом Ворон на бревна сгоревшей котельной и может сидеть сутками, благо, солнышко не заходит. Все дума его мучает. Зачем он так живет?... К чему все им виденное?... Для чего сердце, все израненное, еще бьется?... Замерзнуть, и все! А то тепла ищет... Нашел: в новой электростанции труба вентиляционная, дыра круглая, вход под крышей, короб же внутри, вокруг здания, по нему отработанный воздух гоняют вентиляторы, трясется все кругом, шум ужасный, страшно вначале было. Потом привык, садится Ворон на трубу, кусок бетона тут выбит, над выходом трубы, пролез и по железному коробу шагай туда, где потише, где не так дрожат стены, и вполне тепло, лишь бы не соскользнуть с округлого железа. Бывало и такое. Первый раз как сорвался, с ружьем рабочий прибежал, но другие не дали ему выстрелить...

Вроде жить можно, если б не лютая в этом году зима, и возраст наверное... Совсем ослаб Ворон. Долбит кловом мясо, ну хоть бы кроху мяса отбить, и ожил бы старый. Никак не хочется умирать, не все ведь увидел. Что дальше с этим краем случится?... Детишки Катини выросли: девочка и мальчик. А Кати уже нет. Искал Ворон как обычно к весне что-нибудь перекусить... В тундре вытаявшая женщина в овраге в короткой малице лежит. Длинная малица не нужна ей... Опершись о хвост, стоял Ворон... Совсем это и не Катя... наверное. Есть хотелось... Сердито каркнул и полетел дальше. Повезло ему тогда, мешки с рыбой выталяли, облезлые песцы много растащили ее по кустам, и Ворону хватило. Наелся, припрятал много, успел. И сейчас повезло, но тяжела ляжка, не сдвинуть с места, кусок требухи примерз, не отдолбить.

Отчаянный лай заставил Ворона сорваться в воздух. Молодой лопухий пес катился с горы. «Глупый», – усмехнулся Ворон. Пес серый, хвост кренделем, устремился к мясу, на Ворона – ноль внимания. «Глупый», – опять усмехнулся Ворон. Тяжело взлетел, сделал круг над ожесточенно грызшим мясо молодым псом, только крошки по сторонам, примерился и со всего маха брякнулся тому на спину, саданув кловом по свисающему уху. Пес подпрыгнул в воздух, зубы лязгнули, чуть не отхватив хвост птице. Завиз-

жал, кинулся было за обидчиком, но мясо рядом, рванулся к мясу, отодрал в остервенении требуху. А Ворон сидит на гребне сугроба, ждет. План прост: дразнить, уводить собаку у него сил нет. Песик задиристый, оскорбления не снесет. Так и есть, потрянув головой, увидел свою кровь, веером сыпанувшую по снегу. Злобно тявкнув, помчался к Ворону. Не враз, но взобрался пес на сугроб, а Ворон уже на соседнем прохаживается, волоча крыло. Песик возмущенно взлалял, от крайних домов ответили еще собаки. «Ох, пропаду!..» – напрягся Ворон. Но собаки не спешили к собрату. Пес огляделся, мясо лежало, обидчик его рядом, чуть двигается, друзья где-то там, свою добычу делят. Гавкнул задорно и ринулся с сугроба, намереваясь одним махом преодолеть впадину и сцапать противную птицу. Но в том и хитрость Ворона: зарылся песик в сыпучий снег по самые уши, тем временем Ворон уже возле ляжки, успел он и крошки подобрать, и клюнуть не один раз, оторвать изгрызенные кусочки мяса; перед самым носом вырвавшегося из снежного плена, запыхавшегося пса взлетел, унося в клюве кусок требухи. «Вот и радость...» – думал Ворон, сидя на трубе коллектора, поглядывая карим оком на покрывшуюся в тепле инеем требуху. Большой кусок, и на завтра, и на послезавтра Ворону хватит. С каждым днем крепнет солнышко, тепло сеет по тундре, весна плечи направляет, пригревает: с солнечной стороны капли с крыши плющат, всю горохом сыпят, сугробы плавятся, дымятся. Пережил еще одну зиму. Отдохнет теперь. Тяжело жить Ворону, но все ж живется... Сидит в уголке, думы думает. Удобно тут ему, нанесло на бетонный карниз пыли, мусора, строители кусок ватина оставили, мягко... Шуршит по жестяному коллектору теплый, отработанный воздух от железных, гудящих машин. Хоть и шумно, но тепло. А еще Ворон приметил, что остается на ремонтной железной площадке блюдечко с водой и кусочками рыбы или мяса. Долго следил, кому это... Рыжей кошке не влезть, боится железных ступенек и воя машины. Площадка над двигателем, иногда человек поднимается на нее, что-то руками крутит. Сейчас нет блюдечка, убрали, но если появится, теперь Ворон скромничать не станет...

4 апреля 2003 г.

Раиса ЯПТУНЭ

Родилась в 1952 году в поселке Носок Усть-Енисейского района. Ненка, по специальности – педагог. Двадцать три года проработала в Носковской школе. С 1994 года – тележурналист ГТРК «Таймыр», ведет передачи на ненецком языке. Ее очерки публикуются на страницах газеты «Таймыр», в журнале «Факел Таймыра», в альманахе «Полярное сияние». Дважды была награждена премией Общества имени М.Кастрена (Финляндия) за публикации о жизни коренных народов Таймырского севера.

ИОСЬКА – ЖИТЕЛЬ ТУНДРЫ

Отрывок из повести

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Может быть, время сказок прошло уже? Говорят, теперь детям в тундре их почти не рассказывают. Уходят из жизни сказители, носители исконной культуры. Новое поколение не воспитается на одних старинных преданиях. В современных людях верх берет каждодневная реальность. Они уже не чувствуют в себе ни великих охотников, побеждавших медведя в рукопашной схватке, когда только охотничий нож был в руках; ни удачливых рыбаков, ловивших метровых осетров. И все же в этом мире, где мы живем, вечно приходится с чем-то бороться, особенно, за выживание в условиях рыночной экономики. Может быть, просто время сказок прошло? Но земля наша навсегда овеяна легендами и мифами предков. И кочующие по тундре черпают силу свою в добрых сказках, подпитываясь силой легендарных богатей.

Черпать силу в мудрых преданиях помогает связь поколений. Я помню свою бабушку, Орне Евай, великую ненецкую сказительницу. Ее образ помогает мне приблизиться и окунуться вновь и вновь в картины давно прошедшего детства, где бабушкины сказки, с их великим духом доброты, уносили меня в неведомые миры. Вспоминая о своей бабушке, о дедушке своем, Маллю Ладывиче Яр, мне хочется думать о своих корнях, о духовном начале моего многочисленного рода Выг Яр. А герои моих рассказов – тундровые мальчишки и девочки, мои племянники. И маленькая повесть «Иоська – житель тундры» посвящена моему племяннику, истинному тундровичку, охотнику, рыбаку, до тонкости знающему все повадки зверей, домашнего оленя, хозяином которого он является.

ПЕРВАЯ ДОБЫЧА ИОСЬКИ

Тундровых детишек с малых лет учат правилам охоты – капканы настораживать, из ружья стрелять метко, сети ставить подо льдом. Когда Иоське исполнилось пять лет, дедушка подарил ему связку разнокалиберных капканов. Самые миниатюрные предназначались для ловли горноста-

ев, а также можно их по весне и на тундровых петушков-турухтанчиков ставить, на уток, на куропаток. Научился Иоська всем премудростям охоты капканами, но самое главное – научился раскрывать пасть капкана и при этом не защемить себе руки или ноги. Дедушка дал наказ: если не хватает сил раскрыть капкан, бери крепкую палку и двумя ногами стань на нее, только тогда, когда капкан раскроется, нужно осторожно прикрепить его язычок. А капкан потом надежно прикрой мхом или травой.

Выпал первый снег. Реки и озера стали покрываться тонким слоем льда. На белоснежном ковре снега повсюду виднелись следы песцов. А если приглядеться повнимательней, то эти узоры как будто сливались в одну узорчатую панораму на снегу.

Папа как-то сказал за чаем:

– Что-то в этом году песца очень много, наверное, теплая зима будет. Нужно капканы в порядок привести, почистить их от ржавчины, смазать ружейным маслом. Песец всегда в цене. Глядишь, за зиму наловим – вот нам и деньги будут.

Иоська молчал, слушал папу. У него в голове мигмом пронеслись разные мысли. А что если самому поставить капкан на песца? Попив чаю, наскоро одевшись, попросил у отца разрешения поймать двух спокойных быков. Хочется, мол, просто по тундре поездить. Как красиво вокруг! Почему он должен сидеть в чуме? Отец сразу же показал, каких оленей нужно поймать. Иоська без труда запряг их в упряжку, положил на нарты пять капканов среднего размера. Взяв старт с места, умчалась его упряжка в известном только ему направлении. И, действительно, Иоська убедился, что песцов в тундре очень много. Они с любопытством разглядывали ехавшего на нартах маленького человека и дальше продолжали свои поиски, вынюхивая снег в надежде где-нибудь сцапать спрятавшегося под снегом лемминга.

Иосик заметил впереди себя что-то черное, вокруг толпой суетились песцы. Подъехал поближе и уже внимательно разглядел причину песцового сбора. Это была обглодан-

ная тушка олененка. Неизвестно никому, что случилось с бедным животным, которое стало вкусным обедом ненасытной стаи песцов. Увидев, что человек остановил упряжку и смело стал подходить к их еде, животные отбежали на некоторое расстояние. Шкурки у них уже побелели, но еще не стали белоснежными, какими бывают зимой. Иоська без труда поставил капкан. Накидав сверху сухой травы, утрамбовал вокруг него снег и отошел в сторону упряжки.

Олени мирно щипали мох, доставая его копытом из-под рыхлого, мягкого снега. Вокруг стояла какая-то особенная тишина. Хотелось самому крикнуть очень громко, чтобы нарушить это безмолвие. Не успел подумать об этом, как со стороны сопки, видневшихся вдаль, послышался лай, но не собачий. Это переключались между собой стаи песцов, оповещая друг друга о богатых местах лова. Дедушка не зря рассказывал Иосику о том, что песец никогда один не будет есть, если найдет что-нибудь съестное. Сначала деточкам своим даст поесть, а потом уж и сам остатки подберет. Вот почему песцов много в тундре. Не дают они погибнуть друг другу голодной смертью.

Иосик выхватил вожжи, взял хорей в руки и поехал дальше. Он никуда не спешил. Просто ему хотелось провести этот прекрасный октябрьский день среди природы. Вдоволь хотел подышать ароматом свежего белого снега. Кругом все искрилось и сверкало от белизны. Светило солнышко, всюду поблескивали мелкие крупинки снега. Красоту эту может понять только тот, кто вырос среди этих просторов. Решил Иосик завтра же приехать и проверить свой капкан, вдруг песец попадется. Это будет его первая крупная добыча. Ловил он, конечно, весной мелких птиц, горноста раз поймал. Но в сравнении с песцом это считается мелкой добычей.

Приехал домой. Никому ничего не сказал. Вечером, уставший изрядно, сразу же уснул крепким сном. Даже не почувствовал как с него снимали мокрые бокари. Утром его разбудил лай собак, скрип снега от оленьих копыт. Домочадцы уже собирались завтракать. Наскоро одевшись, Иосик вышел из чума. День стоял солнечный. Олешки паслись вокруг чума. Щенята с веселым визгом носились друг за другом, порой стараясь повисить голос на здоровенных быков. Справив нужду, мальчик зашел в чум. Нехотя умывшись, сел пить чай. На столе лежали куски вареного жирного мяса. На ужин Юльчак, старшая сестра, сварила вкусный суп из жирной оленины. А он уснул, не дождавшись ужина. Видимо, сильно устал за день, ведь ему всего-то пять лет исполнилось. За завтраком он опять попросил у папы двух быков. Тот сразу же согласился. Нечего папану целыми днями кататься, ходить по чумам, носиться со сверстниками просто так, без дела. Друга его, Вынсыка, отец сегодня берет на рыбалку.

Иосик был в приподнятом настроении, чувствуя в душе что-то необычное. Дедушка помог ему запрячь в упряжку двух смиренных, уже в возрасте, быков. Они сами по себе могут любого ездока до места привезти. И поэтому дедушка был спокоен: с папаном ничего не приключится. Сам дедушка сегодня собирается вместе с девочками ехать за

тальником на топливо. И вот упряжка ринулась с места. Каюра еле видно на нартах, но вожжи держит уверенно, передового направляет туда, куда ему хочется. Олени движутся размеренным шагом. Передовик нутром чувствует своего хозяина, послушно идет туда, куда его направляют.

Ехать пришлось недолго. Хорошо запомнил маленький тундровичок то место, где вчера поставил капкан. Глядит жадно вдаль. И вдруг у него екнуло сердце от радости, когда еще издали он заметил добычу в капкане. Подъехал поближе, привязал вожжи покрепче к нартам и стал подходить к капкану. Песец с визгом рвался, но капкан надежно прищемил ему одну из передних лап. И как он ни старался, вырваться не мог – железная пасть капкана крепко держала его. Иоська со страданием в сердце смотрел на беленького зверька и видел, как тот старается освободиться.

– Лучше бы за шею попался, чтоб не душить, чтоб не видеть, как он страдает, какими печальными, высыхающими глазами смотрит этот белый комочек, – сам с собой вдруг заговорил маленький охотник. – Отпустить, что ли? – вслух подумал малыш, подходя еще ближе к своему капкану.

А вокруг весь снег был красным от крови песцовой. Лапка у него висела на одних сухожилиях. Что делать? И все-таки охотник, повинувшись инстинкту превосходства сильного над слабым, решительно снял меховые камусовые рукавички. Наступил одной ногой на шею зверька и стал яростно душить его своими еще слабенькими ручками. А в душе – ох, как не хотелось ему лишать жизни этого красивого зверька, который, к тому же, оказался щенком нынешнего помета. Косточки у него тоже были еще слабенькими. Но ничего не поделаешь – ведь это же первая крупная удача, хотя ему всего пять лет от роду, еще в школу даже не ходил. Боролся долго, упорно. Зверек не хотел расставаться с жизнью. Охотник вспотел, устал. Песец стал облезлым и мокрым от долгой борьбы. С прищемленной лапы текла кровь. Наконец, освободил малыш из капкана свою добычу. Песец обмяк и больше не дрыгал лапками. Глаза у него устало закрылись. Утирая ладошкой пот со лба, маленький охотник вздохнул глубоко и с грустью опять глянул на свою добычу. Капкан не стал больше ставить, как-то сразу у него отпало желание охотиться дальше. Передохнув немного, встал, положил добычу на нарты. Не стал привязывать песца веревкой к нартам. Раненая лапка совсем оторвалась, и положил ее Иоська просто рядом с собой. Тронулся в обратный путь домой. Вокруг стояла такая же тишина, как вчера, светило солнышко. Радости от добычи Иоська не чувствовал. Перед ним постоянно мелькали печальные глаза зверька, его жажда вырваться из железной пасти капкана. Жалость к зверьку у него не проходила до тех пор, пока вдалеке не увидел родное стойбище.

Залаяли собаки, почуяв приближающуюся упряжку. Маленький каюр чувствовал всем нутром, как сейчас начнут его хвалить, поздравлять с первой добычей, а слух об этом пойдет по всей тундре. Родственники будут рады его трофею, а Вынсык будет в душе завидовать ему. Олени бежали весело, чуя близость стойбища. Иоська ехал веселый, окрыленный счастьем первой охотничьей удачи. Решил по-

дарить песка той сестре, которая первой подойдет к его нартам.

—Ох, и крепкий же оказался мой песец, — вздохнув устало, с досадой подумал мальчик.

И опять перед глазами замелькала картина борьбы с песцом. Как тот не хотел расставаться с жизнью, как своими слабенькими ручками душил он его, пока песец совсем не обмяк.

Маленький охотник остановил упряжку. К нему спешили сестры, бабушка, соседи. Первой бежала Пуйне, сестренка его друга. Иоська мысленно представил себе, как он при всех вручит ей свою первую добычу. Может, девочке сошьют шапку из шкурки песцовой или на воротник пустят ее.

—Бабушка, папа! Я песка поймал, смотрите, какой он беленький!

И тут... глянул Иосик на свои нарты... Но там никакого песка не было. Лежала только окровавленная лапка зверька. И этого было достаточно, чтобы поверить: мальш действительно поймал песка. Но тот оказался хитрее его. Притворился мертвым, когда охотничек усердно душил его руками, а пока ехали — выпрыгнул с нарты и был таков... А то, что лапки одной нет, так это не беда, и на трех можно ходить, хотя вскоре он может стать легкой добычей первого же хищника, даже свои же собраты разорвут при случае.

Стоит Иоська и молчит, смотрит на то место, где недавно лежал зверек. А на нартах одна лишь окровавленная лапка лежит. У малыша слезы на глазах. Ушла добыча из-под рук, сам упустил. Почему не привязал его веревками к нартам? Посмеявшись, пошутив над неудачей сына, отец дал серьезный совет:

—Никогда не души песка. Сколько ни души — не задушишь, измучаешь зверя и сам измучаешься! Его нужно сразу бить костяной колотушкой по голове или по кончику носа ударить сильно. Это его самое больное место.

Распрягли упряжку. Из верхнего отверстия чума шел густой дым. Сестра затопила печку, кипятила чай для охотника. Все дружно зашли в чум. Страхнув снег с обуви, каждый пошел на свою сторону чума. Пили ароматный крепкий чай. Юльчак настрогала свежей рыбы. Макали ее в оленью кровь. Лучшей еды для тундровика не придумаешь. Потом сестра выгатила для братишки из грузовых нарты банку сгущенного молока, которую специально хранила для какого-нибудь торжественного случая. А сегодня как раз он и выдался. Первую добычу поймал братик. И пусть песец оказался хитрее его, но вся семья радовалась добыче малыша. Начало удачное, а дальше все зависит от того, какие мудрые советы получит Иоська от старейшин. Ведь в жизни ему придется охотиться не только на песка, но и на других зверей. А у каждого из них свои повадки. Охотник должен быть хитрее и сильнее любого зверя. Вечером Иоська засыпал веселый и довольный своей первой охотой. И вспоминал то время, когда мысленно готовил себя к охоте, к езде на шальной оленьей упряжке по тундре.

Ночью ему приснился трехногий песец, но уже не окровавленный, а чистенький, беленький, настоящий хозяин арктической тундры. И носился он как будто впереди

Иоськиной упряжки, как бы дразня его, показывая свое превосходство над пятилетним охотником. Хотел Иоська ударить его хореем по голове, но тут... сон прервался. Подошло стадо оленей к чуму. Начинаясь новый день в стойбище Яров. Старейшина этого рода, дед Пехедома, стуком колотушки будил своих родственников, оповещая их тем самым о предстоящей перекочевке на новую стоянку. Иосику предстояло ехать впереди санного каравана и вместе с бабушкой привести аргиш к ягельному месту, чтобы олени вкусно ели. Маленькому тундровичку еще неоднократно придется кочевать по тундре, охотиться на песка, которого он теперь уже сам перехитрит.

Олег ЯРУНЦОВ

(1951-2002)

Родился и жил в Дудинке. Окончил Свердловское суворовское училище, философский факультет Уральского госуниверситета. Увлекался фантастикой, любил поэзию, писал стихи. Автор книг «Жизнь кадета — путь к справедливости», «Последний аргиш». Последняя книга была издана посмертно.

ПОСЛЕДНИЙ АРГИШ *

Глава 2.

МИССИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

1.

Областной центр плавился от жары. Асфальт мерцал испарениями, в тумане выделяемого тепла угадывались призраки прошлой органической жизни. Мы встретились на набережной, затянутой в вечный гранит, как упрек мимолетности нашей конечной жизни. Ефимович выглядел молодым, смотрел добродушно и насмешливо. Обязательный строгий костюм и галстук смотрелись вызывающе на фоне общей легкомысленной раздетости.

Я же расплылся, как медуза: в непривычной среде мозги потихоньку превращаются в патоку, еще немного — и начнут капать на расплавленный тротуар. Вчера, по поводу прибытия на материк, посидели, будь здоров, отметили приезд. Ефимович мое состояние видит, поэтому не торопится, садистски без суеты излагает общеполитический ликбез. Мы с ним знакомы не один год. Приходилось в свое время курировать его контору. Прежде он возглавлял территориальную спецслужбу, теперь закопался в ее недрах и чем-то там руководит. Здоровенный спортивный парень, но с мозгами. Бывает же такое сочетание, удивлялся я не раз. Как ни старался, но в шахматы у него так ни разу и не смог выиграть, даже случайно. Где он варится на своей специфической кухне, не спрашиваю. Важнее то, что контакты не пропали и носят живой непосредственный характер, хотелось бы верить, что местами доверительный.

Еще на заре реформ многострадальной России мы пытались проанализировать их динамику и ожидаемые последствия. Ефимович был полон оптимизма и характерного интереса к застрельщикам реформаторских преобразований. Мне же до сих пор не удается избавиться от гнетущего ощущения неправильности происходящего. Вот он и едет по больному месту.

— Николай, давай сядем, вон скамейка свободная.

— Пойдем. А может, куда в бар зайдём, кофе там, водички?

— Давай чуть позже. Через двадцать минут к нам человек подойдет, если ты возражать не будешь. Так вот. К вопросу

о России, — продолжил он нашу странную некончающуюся беседу. — Недавно пришлось прочитать статью одного западного оракула современности, он прямо заявляет, что русские должны вести себя не как россияне, а как западные люди, иначе отношения между Россией и Западом могут стать враждебными. Это, разумеется, призыв и угроза российской политической и экономической элите. Но трудно представить, что бабушка Сеня из деревни Кукушкино настолько проникнется западноевропейскими ценностями, что добровольно будет отправлять своего любимого внука воевать супостата от посягательств голодного азиата на чужие богатства. Есть, конечно, для этого целый набор атрибутов социального онанизма, чтобы меньше думали. Всякие там телешоу, компьютерные игры, мыльные оперы, религиозные деструктивные секты. Да и оружие психотропное имеется у всех развитых и очень дружественных стран. Но свернуть мозги целому народу никому не под силу.

Тут он, конечно, ошибается или преднамеренно делает вид, что верит в такую ерунду. То, что происходит с нашим народом, свидетельствует как раз об обратном. С умным видом «слуги народа» и их назначенцы ищут причины социальных и экологических катастроф там, где их нет. С наивным удивлением они разводят руками перед рядами могил, куда неустанными заботами о судьбах страны ежегодно загоняется миллион гражданского населения. Междоусобные политические игры добивают российскую молодежь в локальных войнах, погребают под развалинами взорванных и просто падающих от старости домов тысячи неповинных людей. Родители бросают детей, дети оставляют на медленную смерть своих стариков. Общество, лишенное национальной идеи, превращено в дикое стадо борющихся за выживание одичавших россиян. С высоты власти не видно мук отдельного человека, сквозь шум финансовых спекуляций не слышно стонов умирающих и проклятий родителей, неспособных даже накормить, а уж тем более оплатить обучение своих детей.

Так что насчет народа, которому целиком нельзя свернуть мозги, Ефимович ошибается. Еще как можно, особенно не утратившему безграничной веры в доброго царя. Возможно, исторически ответ заключается в том, что пришло время для выбора.

Стадо баранов, следующее за своим вожаком в про-

* Продолжение. Начало в альманахе «Полярное сияние» за 2003 год.

пасть, должно в ней погибнуть. Выживает только тот, кто делает правильные выводы об окружающем мире. По теории Дарвина о естественном отборе, право на жизнь и потомство имеют только способные к этому личности. Но мне стыдно и обидно за свой народ, который заслуживает совсем иной участи, и страшно за него, когда он это осознает.

Все эти соображения сейчас ни к чему, настолько они аксиоматичны. Безопаснее рассуждать в общем и целом, вот я и рассуждаю, поддерживая разговор:

– Вот и получается, что нужно определиться с местом России в этом бедламе, нужны научно обоснованные прогнозы развития человечества в целом. Основа для этого есть в теории марксизма, как бы его ни ругали, но ряд закономерностей остаются неизученными. Я воспитан на марксизме-ленинизме, этого не скрываю, но другой, более цельной общесоциологической и экономической теории, не встречал. Недаром «Капитал» Маркса до сих пор – главная настольная книга мировой буржуазии.

– Да я к этому, Николай, и веду. Кто нам скажет, что такое цивилизация, как ею управлять, какие в ней движущие силы, мотивы, что можно ожидать от взаимодействия разных цивилизаций в целом.

– Ефимович, ну что ты хочешь. Никто тебе эту теорию и не выдаст. Уж что касается человечества, тут все крепки только задним умом. Все выводы делаются по свершившимся фактам, и те потом со временем так причешут, что правды не найдешь. Библию открой, там за века отсебятины столько понакатали, что первоисточник не разглядеть. Где она цивилизация, когда половина населения себя с государством с трудом соотносит, кругом вожжи и старейшины племен решения принимают? А куда Россию девать, она в этой игре и не кошка, и не мышка?

Тут мой эмоциональный демарш прервался, поскольку к нам как-то незаметно подошел человек, судя по реакции Ефимовича тот, кого он ожидал. Невысокий полноватый мужчина в очках не стал ждать официального представления, протянул руку:

– Иван Леонидович. Я о вас слышал, вы Николай Александрович Павлов, рад познакомиться.

– А я не знаю насколько, но с удовольствием, – с ходу, на всякий случай, нахамил я.

– О чем беседуем? – обратился Иван Леонидович к Ефимовичу.

Тот от служебного рвения чуть скамью не уронил:

– Не меньше, чем о судьбах цивилизации, да всякие сопутные темы обсуждаем.

– Вот и отлично. Я думаю, вы, Николай Александрович, понимаете, что встреча не случайна. Давайте сразу обсудим интересующий нас вопрос.

– Кого это, вас?

– А вы уже сами догадались: государственную службу, заинтересованную в том, чтобы Россия занимала достойное место, как принято сегодня говорить, в мировом сообществе. Называйте, как хотите, суть не изменится. Речь не идет о ловле шпионов и контрразведывательных мероприятиях. Мы бы хотели обсудить некоторые исследовательские ас-

пекты нашей деятельности. Такая постановка устраивает?

– Если вам нужен свой агент в регионе, то это не ко мне. Если вам нужен научный сотрудник, то и здесь вы опоздали, для меня уже поздно.

– Агент не агент, а вот контракт на разовое задание предложите можем. Сформулируем так: нам стало известно, что вы располагаете информацией о некоем месте, где происходят некие странные события. Нас интересует, что именно там происходит и насколько это серьезно. Речь идет о Долине Смерти.

При этом на лице секретного начальника не дрогнул ни один мускул, хотя бы тень сомнения мелькнула.

– Да вы что! Источник этой, как вы говорите, информации сомнителен. Содержание самой информации вероятнее всего носит мифологический характер. Кто будет этим серьезно заниматься? – пришлось удивиться мне.

– Не надо торопиться. Наша главная функция, как вам известно, заключается в сборе, а не распространении информации, но с вами мы поделимся. Андрей Ефимович, расскажите.

– Докладываю. Нас заинтересовало то обстоятельство, что в этом регионе находится объект с аномальными характеристиками. Оперативные данные говорят о том, что он появился там не вчера и даже не сто лет назад. Косвенно это подтверждают многочисленные легенды и рассказы охотников и оленеводов. Но и этим можно было бы пренебречь, если бы не было конкретного свидетеля, посетившего это место. Состояние здоровья свидетеля и применяемые методы его опроса показали, что он говорит правду. Вся проблема в том, что свидетель оказался там случайно, указать точное место расположения объекта был не в состоянии. Вскоре после контактов с нами он исчез, его розыск результатов не дал. Спутниковая разведка ничего особенного не показала. Визуальное наблюдение и эксперименты с борта космического аппарата также ни к чему не привели. Кроме, разве, спонтанно возникающих источников непонятного излучения, – словно заученный текст отбарабанил Ефимович.

Вспомнил я этот космический корабль, даже с командиром его встречался. И позывной у них был географически характерный, чтоб никто не догадался. Конспираторы, чтоб вас... Ситуация складывалась уникальная. Спецслужба, которая верит в легенды, от которой удрал с концами некий человек, несмотря на «применяемые методы опроса». И все это, невзирая на отсутствие конкретных научных фактов, подается как должное. Есть о чем задуматься.

– Хорошо, Иван Леонидович, давайте я передам вам сведения, которые мне удалось получить. А вы разбирайтесь дальше сами, отправляйте экспедицию, выявляйте аномалии и принимайте решения. Годится? – выразил я полную готовность к полноценному сотрудничеству.

– Не годится. Обстановка такова, что наше появление в этом регионе неизбежно вызовет пристальное внимание со стороны. Пятая колонна в стране существует реально, под видом соблюдения либеральных ценностей неизбежна огласка. Результаты непредсказуемы. Вы же можете устро-

ить туристическую вылазку, и никому до этого дела не будет, – возразили мне.

– А кто мне даст гарантии, что мы, как ваш загадочный свидетель, не исчезнем, а розыскные мероприятия результатов при нашей жизни не принесут? Никто. Я не могу рисковать людьми ради неуместного любопытства безадресного учреждения. В тундру же одному вредно для здоровья, а друзья могут не понять. Да и семья у меня.

– Николай Александрович, мы вас хорошо изучили. Вы окончили суворовское училище, обучались в высшем военном заведении, служили в армии, вы офицер, окончили специальные курсы и занимались специфической работой в непопулярных ныне органах. Таких людей, как вы, традиционно называют в армии, а часто и в гражданской жизни, кадетами, чем вы гордитесь. Вас готовили для служения своей стране, и вы не сможете отказаться, поскольку мы вас не на пикник приглашаем, а за государственный интерес поработать. Кроме того, вы обладаете авантюрным характером и вам небезынтересна эта экспедиция сама по себе. Тем более, что вы сейчас не у дел, а то, чем вы занимаетесь, элементарное выживание. Не обидно? Потянем пуштышку – бог с ним, получим полезные данные, по кадетскому девизу – честь вам и слава. Видите, мы готовились к встрече, значит рассчитываем на вас. А что вы смотрите на меня с таким подозрением?

– Пытаюсь рассмотреть, где вы спрячете рога и хвост.

– Это занимает и меня, – хохотнул Ефимович.

– Не смешно, – Иван Леонидович сохранял монументальное спокойствие.

– Предположим, я соглашусь. Что вы рассчитываете там обнаружить? Археологические открытия, надо понимать, вас особенно не занимают.

– Нас занимают артефакты, все необычное и непонятное. На встречу с инопланетянами особо не надеемся и вам не советуем. Расчетная вероятность крайне мала.

Мой собеседник вытянул сигарету, с удовольствием прикурил.

– Берите, – протянул он пачку «Президента».

– Благодарю, только свои, – отказался я. – Это вы формулу Дрейка имеете в виду, – удалось мне блеснуть своими случайными познаниями, продолжая тему пришельцев.

– И здравый смысл. Трудно представить смысл прилета представителей иного разума, если они не смогут доставить информацию в свой мир в связи с кардинальным изменением последнего по причине нерелятивистского эффекта, – отчеканил Иван Леонидович и задал вопрос, который мне не понравился:

– Николай, если не трудно, расскажите нам как можно подробнее о вашей встрече с шаманом и вашим погибшим приятелем немцем. Звали его, если память мне не изменяет, Вэнго Лырко Хольмович.

До Вэнго наконец добрался, светлая ему память. Но не отвечать причин, вроде, нет.

– Память вам не изменяет. С шаманом я не встречался и видел его только издали. А вот Лырко...

Весь мой рассказ занял несколько минут. Слишком ми-

моленной была наша последняя встреча. Мало времени, мало слов, много эмоций...

– Мы разделяем ваши чувства. Причем совершенно искренне. Этот ненец был единственным в роду, кто получил высшее образование. Скажу откровенно, мы на него рассчитывали, поэтому и заинтересовались обстоятельствами нелепой гибели. Но наш интерес возрос, когда мы нашли вот это.

Иван Леонидович извлек из внутреннего кармана большой брелок. Судя по цвету, это изделие из бронзы, а по затертости похоже, что довольно старый предмет. Настолько, что изображение на нем почти не просматривалось. Нечто с крыльями.

– Сотрудники милиции нашли тело и передали родственникам. Вам об этом неизвестно, так они попросили. Но при осмотре была обнаружена эта вещь, и мы ее, ну, скажем, придержали. Возможно, именно ее видел ваш друг Артем у шамана. Вообще-то это древнее зеркало, на реверсе которого, по мнению экспертов, изображен Солнцекентавр. Некоторые ученые считают, что подобные реликвии являются материальными свидетельствами существования гиперборейцев, древнего северного народа, владеющего техникой полета.

– Да это совсем не обязательно. Изображения птицелюдей встречаются по всему земному шару – вплоть до Южной Америки и острова Пасхи. Когда такую штуку нашли в наших краях на острове Фаддея, посчитали, что она привозная, – ответил я, рассматривая уникальную вещицу, – гиперборейцы здесь могут быть и ни при чем.

– Разумеется, древние майя и египтяне всегда мечтали наладить торговлю с приполярными самоедами, – демонстрирует умение пошутить и мой собеседник.

– Так вы тестируете себя надеждой найти следы древней цивилизации?

– А почему нет. У вас есть мнение на этот счет?

– Есть. Уже давно, чисто интуитивно, мне стало казаться, что вся история разума на Земле есть история смены цивилизаций. Не знаю, откуда, но меня преследует уверенность, что до современного человека уже что-то было. И мы напрасно гордимся грандиозностью древних построек на своей земле, люди – всего лишь дикари с крысиными рефлексами выживания на развалинах древних цивилизаций, все наши достижения лишь насмешка над утраченным знанием. Так что мнение есть, доказательств нет, сплошная интуиция и романтизм, – неожиданно для себя признался я.

– Вот видите. А древние майя, между прочим, с удивительной точностью считали, что история человечества началась пять миллионов и столько-то лет до нашей эры. Ломоносов считал, что история Руси насчитывает почти четыреста тысяч лет, а современная наука отправляет нас всего лишь в шестой век. Кто прав?

Земля подверглась за свою историю геомагнитной инверсии 171 раз. Последняя из них произошла около десяти тысяч лет назад и сопровождалась глобальным катаклизмом. Кто или что погибало в момент невероятных катастроф на Земле, неизвестно. Если предположить, что жизнь

что мы не только по своей воле здесь оказались. Не зря Николая бандиты прессовали, не давали возможности этот поход организовать. А с другой стороны, — повернулся Денис ко мне, — и ты не ангел небесный: если внимательно посмотреть, то смахивает все это на задание, не буду гадать чье. Не зря такое прикрытие на разборках тебе было обеспечено, что и моим службам пришлось побегать.

– Так ты шпион...— уставился на меня Тихон.

– Конечно, стреляющая авторучка, зашифрованные записки, тайники на дне в океане, — пояснил я любопытной публике, — все как у людей.

– Да не прикидывайся ты, — одернул меня Денис.

– Не кипятись, мы все здесь оказались добровольно. Хотели — и пошли. А так можно договориться, что и ты тут по приказу начальства танцуешь. Я вам всем скажу честно, что никто бы не заставил меня друзей подставлять. То, что здесь произошло, для меня неожиданность. Ну, а что касается прикрытия, вы все знаете, что по прежней работе я связи имел большие и часть из них не утратил.

Все-таки заставил Денис меня оправдываться, чего я никогда не любил, но друзья есть друзья.

– Не надо в сторону уходить, а решим, как быть дальше. И ты, Денис, на вопрос Николая не ответил, будешь ты ход этому делу давать или на тормозах все спустим? — Артем наконец справился с сапогами и вступил в разговор.

– Я предлагаю эту информацию передать в ФСБ или АБВГД, Николаю виднее, а мою родную не будоражить. Пусть они сами между собой разбираются. А как это обставить, пусть у Николая голова болит. И золото туда же передать, от греха. Есть возражения? — Денис встал и потянул чайник из огня, — Тихон, дуй за кружками.

– А что Тихон, чуть что — сразу Тихон, молодого нашли, — забурчал тот, но все же поднялся и пошел в темноту. — Думал, разбогатею, а с вами, чистоплюями, опять с голой ж... на морозе, — донеслось отсюда.

Пока Тихон не вернулся, никто не проронил ни слова. Денис бухнул полпачки чая прямо в чайник и поставил его ближе к огню, чтоб заварился как следует.

– А местных надо отпустить, в вертолет их брать нельзя, заметят и заложат, зуб даю. И места всем может не хватить, — Тихон уже забыл о своих видах на японский мотор, но помнил о своих подопечных. — Дам им свое ружье, патроны, продуктами можно поделиться, сами дойдут.

– Нет, такой вариант совсем тухлый: ты хоть подумай, как они пятьсот километров без оленей, жилья и снаряжения пройдут. Зима же вот-вот начнется. Грех на душу брать я не буду. Зови сюда своего Мондовича, говорить будем, — распорядился Денис.

– Грубый ты, — поморщился Тихон, — Монтович он, мы же тебя легавым не зовем, имей и ты уважение к людям.

– Ладно тебе, — смутился Денис, — пошутить нельзя, не буди народ, утром поговорим.

– Пусть они сворачивают чум, берут, что смогут унести и велят на нашу базу. Ружье Тихона берут с собой, продукты там есть. Будем вывозить вертолетом, другого выхода нет, — предлагаю я. — При необходимости лишнее бросим, объяс-

нение придумаем, но рисковать чужой жизнью не будем.

– А что, верно, — высказался Тихон, — так-то оно так, ежели потому что, а случись что, вот тебе и пожалуйста, — глубокомысленно закончил он, что можно было истолковать как поддержку этого предложения.

Такое решение, похоже, устраивает всех, и мы его больше не обсуждаем.

– Давайте и мы с утра отсюда свалим, — Артем встал, разминая ноги. — Круг по долине сделаем, время у нас еще есть, да и на этом месте оставаться душа моя не лежит. Смерть уже была, теперь посмотрим, что тут интересного есть, кроме старухи с косой.

На том и решили. Короткая ночь близилась к своему завершению. Что ни говори, а мужская компания имеет свою прелесть. Особенно, если это компания друзей, где можно шутить, не опасаясь обиды, высказывать сокровенные мысли без опаски быть непонятым, делиться своими переживаниями, рассчитывая на сочувствие. Мы пили горький обжигающий чай и гадали, когда судьба даст нам еще возможность собраться вновь и какие приключения она подарит нам в ближайшем будущем. Тихон вел бесконечный рассказ ни о чем, Денис травил анекдоты, и пламя костра играло на наших лицах.

Наутро благодарный Элонг Монтович предскажет нам неизбежную гибель, если мы не прислушаемся к его словам. На самом краю Долины Смерти находимся мы, по его словам, а дальше жизнь течет по другим правилам, которых не знает никто. И жаль ему расставаться с нами, потому как не рассчитывает на новую встречу с нами. Но запуганное дитя тундры не сможет поменять наших планов на обозримое будущее. «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет», — ответит ему с фатальной иронией Артем.

Мы вступили на путь неизвестности и желали первыми пройти по нему. Заманчивая тайна этих мест вступала в извечный спор с рассудочной деятельностью. Именно так делаются открытия и проверяется прочность человеческих отношений. Так устроен человек, что его любопытство всегда превалирует над рассудком и осторожностью.

Но это будет завтра, а сегодня ничто не сможет изменить нашего настроения. Эти места никогда не слышали такого безудержного веселья людей. Мы смеялись над собственными шутками, пытались петь песни и оглашали ночь индейскими воплями. Камни ущелья холодно и осуждающе вслушивались в непривычные звуки, нарушившие вековой покой и порядок этих мест.

Тундра настороженно прислушивается к шумным и беспечным двуногим, которые и не думали успокаиваться. Но шло время, и ее неприветливость сменилась любопытством. Прядя ушами, всматривался в темноту чуткий красавец олень. За много километров отсюда, вслушиваясь в ночную тундру, замер, слившись с кустом, хитроумный лобастый полярный волк. Успокоившись, короткими перебежками направилась в сторону реки шкодливая рососомаха.

Тундра не отвергла нас и с первыми лучами осеннего солнца примирилась с людьми, которые плели свою сеть жизни на ее бескрайних просторах.

Александр БОГАЙЧУК

Родился в 1957 году на Дальнем Востоке. По образованию физик. Много лет занимается научно-исследовательскими работами, связанными с горным делом. С 1992 года живет в Норильске. Работает в должности начальника участка на ГМК «Норильский никель». Стихи пишет со школьной скамьи. Печатался в газетах и журналах Канска, Красноярска, Норильска, в сборнике молодых поэтов Красноярского края.

ПАМЯТИ ПОГИБШЕГО ЭКИПАЖА ПОДЛОДКИ «КУРСК»

В Баренцевом море беспокойно –
Шторм бушует, волны раскачат,
И они «ругаются» нестройно,
Брызгами шипя на руках.

Похороны нынче состоялись
В затонувшем «дорогом гробу»,
Больше сотни под водой осталось,
Жизнь отдав за тех на берегу...

Может, их спасти и не хотели,
Выясняя – живы или нет.
И ползли неделя за неделей,
Отдавая нежелательный ответ...

Вот и все! И с ними мы расстались,
Затонула правда под водой
И, в незримой глубине растаяв,
Обернулась общемо бедой.

Субмарина «Курск» в морской пучине,
Скрытая от любопытных глаз,
Спит, храня погибших и причины,
До сих пор тревожащие нас...

Вся страна причин найти не может
Страшной гибели без света и тепла.
Неужели жизни не дороже
Этого секретного котла?!

Снятся мне зимой морозной
Часто летние луга,
Ты рукою осторожной
Не буди меня пока...

Я еще посплю немного,
Повитаю в облаках –
Над рекою, над дорогой,
Трону яблони в садах.

Запах скошенного сена
И парного молока
Заберу с собой на Север –
В эти белые снега,

Заберу утиный клекот,
Пенье первых петухов,
Тракторов далекий рокот
Среди вспаханных лугов...

Пусть кукушка в лесной чаще
Посчитает мне года,
Чтоб спалось мне дольше, слаще
В злую стужу-холода!

Снятся мне зимой морозной,
Как по утру от ворот
Я бегу травой росной –
И она мне пятки жжет...

Но пора мне просыпаться,
А так хочется узнать:
Что же дальше? Может статься
Можно там совсем остаться? –
Есть подушка и кровать...

Но действительность реальна,
И, пожалуй, не уйти...
Даже если дремлешь в спальне
У полярного пути.

Дмитрий ВАСИН

Живет в Дудинке с 1976 года. Окончил Санкт-Петербургский университет культуры и искусства, режиссерский факультет. Работал в Дудинском камерном театре. В настоящее время – художественный руководитель детской театральной студии «Дудка» (школа №1). Стихи пишет давно, публиковался в газете «Таймыр», в коллективных сборниках, в альманахе «Полярное сияние».

МУЗЫКА КРАСИВЫХ ФРАЗ

Колоратурное сопрано –
Литературное кафе.
Туманно, трепетно, обманно.
В прозрачном газовом шарфе.
Туманно, призрачно, прозрачно
Плывешь ты мягко вдалеке –
И мягким трепетом пустычным,
И легкой рябью на реке.
Как грациозно эта дама
Лежит порою на софе...
Колоратурное сопрано –
Литературное кафе.

На картонных часах деревянные стрелки –
Я отмерю себе, сколько нужно часов.
А в кедровых лесах скачут вольные белки,
Понимая друг друга без жестов и слов.
Не нужны им часы, что вращают по кругу
Свои копыта, толкая под спину людей:
Пищу ищут носы, слух найдет им подругу.
Жить приятно без слов, без часов и идей.
Их не колют под зад острия этих стрелок,
Им не нужно спешить – все решится само.
Будешь мелкому рад, коль, как белочка,
мелок:
Лучше мелкая жизнь, чем большое дерьмо.

Дорогая моя девчонка,
Тронь меня своей тонкой рукой,
Приласкай меня, как котенка –
Замурлычу и стану ручной.

С тобой рядом свернусь на диване
И, потершись щекой по губам,
Я впущу в тебя когти. Пораню,
Но, зато, никому не отдам.

МЫСЛИ

Мысли, словно занозы,
Тихо во мне созревают.
Их из себя без наркоза
Острой иглой извлекаю.
Кровь вытекает из раны,
Капает мне на страницу.
И загибается рваный
Стих, не успев родиться.
Сидя в пустой столовой,
На обороте бланка
Стих начинаю новый,
Гладкий, как след рубанка.

Николай ГАЙДУК

Родился в 1953 году на Алтае. Прошел большую школу жизни – от Мурманска до Владивостока. Закончил институт культуры в Барнауле, Высшие литературные курсы в Москве. Автор книг стихов и прозы «Калинушка-калина», «С любовью и нежностью», «Волхитка» и др. Член Союза писателей России. Живет в Норильске.

Хмельной и дикий шум народа
Остался где-то за спиной...
Опять со мной моя природа,
Раздумья, воля и покой.

Такой покой сегодня редок!
Синица щелкает в бору...
Как золотых родимых деток,
Поленья на руки беру.

Люблю смотреть живое пламя –
Привет тебе и похвала!
Начнет смола шептать и плакать
О том, что сгублено дотла...

Не надо, милая, не надо,
Я не за тем пришел к тебе,
Ты видишь, как синица рада
Встречать зарю в твоей судьбе!

И в это низкое оконце,
Что потонуло в полусне,
Опять Господь мне дарит солнце
И дарит вечность в тишине...

Звенит звезда в полночные морозы,
А в полдень солнце золотом звенит,
Как будто среди серой скучной прозы
Веселый стих нечаянно разлит...

Вновь колобродит Сретенье в округе!
Опять Весна встречается с Зимой:
То ссорятся, то мирятся подруги
И что-то вечно делят меж собой.

А что делить, когда Земля едина
И все мы здесь едва ли не родня?!
И солнце в небесах непобедимо
Сияет для тебя и для меня!

Сияньем этим мир обескуражен –
Готов гулять без шапки, как хмельной...
Но вечера стреляют стужей страшной
И сердце ранят зимнею тоской.

Еще крепки снега в глубинах бора,
Еще в полях поземка, но уже
Земля полна весеннего задора
И у нее подснежники в душе!

МАСТЕР СЛОВА

Млечный Путь, сверкающий тревожно,
И обрыв, оборванный во мглу.
Мастер выйдет в ночь так осторожно,
Как босой по битому стеклу...

Жизнь разбилась к черту! Что ж такого,
Если в доме стекла перебил?...
Твой несчастный мастер, мастер слова
И тебя несчастьем очернил!

Слава Богу, кончились чернила,
Черновик червонным стал в печи...
Мастера во мне ты полюбила –
Вдохновляйся, сокол, да строчи.

Только я к звезде не смог прорваться
Сквозь труды и сквозь похмельный дым...
Заслужил я множество оваций
По щекам небритым и худым!..

Млечный путь внизу – речная быстреть,
Револьвер горячего литья...
Одинокий выстраданный выстрел
Из-под сердца вырвет соловья!

Так ему!.. И жизнь слетает с яра,
Словно тройка с пьяным ямщиком...
А звезда над яром светит яро,
Не грустит, не плачет ни о ком...

Вот и все. А что еще тут скажешь?
Был бы мастер, знал бы, что сказать...
Смертью гениальность не докажешь,
Только жизнью можно доказать!

Елена ГАТИЛОВА

*Родилась в 1972 году, с детских лет живет в Норильске.
По специальности – преподаватель начальных классов.
Училась в Литературном институте им.М.Горького.
Работает в библиотеке. С 1987 года пишет стихи
и прозу, член литературного общества «Надежда».
Публиковалась в газетах Норильска и Красноярска,
в альманахе «Полярное сияние».*

Проголодался, милый? Проходи!
Сегодня всем я двери открываю.
Но ты не обессудь, коль позади
меня не встретишь предположенного рая...
Кусок души, как пирога кусок,
красиво выложу тебе на блюдо,
и вместе с телом, так, "на посошок",
прими вина их нежности и блуда.

Что мрачен ты, как будто навсегда
прощаешься с любимой игрушкой?
Вино не то, коль не вкусна еда,
приправленная дерзостью зверушки?
Эй!...ты уходишь? Да, уже – пора:
ты сыт по горло яствами моими.
Ах, ты уходишь – будто с плеч гора...
и лихом поминаешь имя.

ФИЛОСОФИЯ ВЕСНЫ

И мне казалось, что зима сама
от холода сошла с ума,
и я такая – безнадежно злая –
на остановках зимних замерзаю...

Но ночь кончается к утру:
зима сползает с мерзлых зданий.
Я отпираю конуру,
пытаюсь вечность грызть глазами –
пытаюсь все преодолеть:
пространство Времени и Счастья,
но снова забиваюсь в клеть,
где снова разорвусь на части.

...никак не сбросить мне суму:
я вновь не верю никому
и размножаюсь почкованьем,
и голой правдою других –
способных, жадных, молодых.

Я вспомнила,
как с этого дождя
все началось,
все началось,
и я тебя любила...

(Г. Летягина

«Акварели, нарисованные дождем»)

Дождем не нарисуеть акварель...
Я разбираю формы и причастья,
я добавляю жидкое ненастье
в густеющую серую пастель:
не отпечатать камня на стекле,
но и стеклом ты не поранишь камень –
замерзший в обескровленном тепле,
в безмолвии, уподобленном «граням».
Дождь не страдает от отсутствия ветров,
не спрашивает адреса у тучи,
не путается в памяти дворов,
не полагается на Бога или Случай,
не прячет тайны и не выдает.
Стучит... по стеклам «акварель» стекает,
по грязным стеклам бьет печаль пустая,
пустая... это просто Дождь идет...

Ольга ГРИЦАЕНКО

Родилась в 1962 году на Украине. Окончила Донецкий медицинский институт по специальности врач-эпидемиолог. С 1989 года живет и работает в Норильске. Ее стихи печатались в газетах «Огни Талнаха», «Заполярный вестник», в сборнике «Поэтессы Енисея», в альманахе «Полярное сияние». Автор поэтических сборников «Обнародованные стихи», «Дикая власть».

...А планета не сбилась с хода
ни с приходом моим,
ни с уходом.
Только небо холодную воду
льет и льет на мое лицо.

...Мимолетная сладость обмана.
После – долгая горечь дурмана.
Сыплет небо
соленую манну
на осеннее пальцецо.

...Видно, счастье мне не по карману.

В счастья миг –
верь!
Будет птиц
трель.
Будет стук
в дверь.
Будет рук
хмель.
Будет гроз
треск.
Будет грез
всплеск.
Будет слез
блеск.
И вода –
твердь.
В счастья миг –
верь!

В детской спальне за окном –
фонарь.

Я мечтаю об одном –
одна.
Во дворе и вдалеке –
огни.

Там такие же, как я –
одни.

И такие, как мои, –
просты
Сокровенные у них
мечты.

...Чтоб не рыли молодым могил.
Чтобы дочери рожать могли.
Чтобы сильными росли сыны.
Чтобы не было нигде войны.
В детской спальне за окном –
фонарь.

Дети спят.
Я у окна
одна.

В это можно не поверить
и нечаянно спугнуть, –
гостя тайная у двери
завершает долгий путь.
Может, робко постучится,
может, громко позвонит.
Может, в небо, легкой птицей
обернувшись, улетит.
Ни журавль, ни синица,
ни в руке, ни вдалеке.
Может, это только снится?
...Гостя входит налегке.

Валентина ЗАВАРЗИНА

Родилась в 1947 году на Алтае. Профессиональный журналист, работала в украинских газетах, пятнадцать лет в газете «Советский Таймыр». Стихи и проза публиковались в сборниках «Белый олень Серэко», «Город белых ромашек», «Поэтессы Енисея», в журнале «Северные просторы», в альманахе «Полярное сияние». В 2002 году вышла первая книга стихов «Полуостров любви» (Красноярск). С 1981 года живет и работает в Дудинке.

АЛЬМАНАХ «ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ»

Я под синей обложкой друзей собираю.
Нет, не просто друзей, а собратьев своих
По перу и по крови. Весеннею стаей
Устремленные к северу проза и стих.

Кто не ищет почета и славы вселенской,
Кто не ждет за излитую душу рубля,
Кто в глубины идет, не довольствуясь пенкой,
Кто под пытку жизни стоит не скуля,

Для кого словеса не равняются слову,
И бумага не терпит мазни и вранья –
Под Полярным сиянием встретится снова
Северян по перу и по крови семья.

ПРЯНЫЙ ДАР

Из Ташкента подарок царский –
Аромат благородных трав.
Не какие-нибудь там цацки –
Ассорти восточных приправ.

Осторожно вскрываю банки –
Не спугнуть, уловить, узнать...
Сказка лета для северянки,
Юга щедрого благодать!

Через тысячи километров,
Через гам вокзальный и пот –
И рубины с кизилых веток,
И шафранного поля мед...

Прокаленный узбекским зноем,
Что изюминка – то янтарь!
Любоваться, дышать запоем,
Позабыв, что вокруг – январь!

Что до лета шагать по снегу
Еще, может, месяцев пять...
А восточного лета нега
Обоняние дразнит опять!

Барбарис и хмели-сунели,
Ритуальная в плове зра...
Как горох из стручка-постели
Память выщелкнула заряд...

Первобытную степень чувства,
Нет, чутье полевых зверьков
Пробуждает пряно и вкусно
Утонченность южных даров...

Е.И.

Воды шлифуют камни –
Время шлифует нас.
Легкой узорной тканью
Жизни растет каркас.
Нет в нем кирпичной кладки,
Нет топора следов –
Музыки теплой ласки,
Плен из ее оков.
Солнечное звучанье
Или каскад басов –
Подвиг без подражания,
Тень отраженных снов.
Тучи закроют небо,
Мокрый закроют след...
Быль это или небыль –
Снова в окошках свет.
Нет ни декабрьской стужи,
Ночи полярной мглы...
Снова живем – не тужим
На острие иглы!

ПОЛЕТ

Запрокинула голову. В небо смотрю.
От фонарного света снежинки искрятся.
Не падение их – я дорогу торю
Между ними на встречу с пространством.

Беспределен полет, необуздан ничем –
Тела брэнного сбросила я оболочку,
Я вонзаюсь в галактику мыслей и тем,
Я забыла отсчета исходную точку.

Как прекрасен полет без руля и ветрил,
Без шуршания крыльев и ветра подмоги!
Горный ветер питает желания пыл,
Горный свет озаряет просторы дороги.

Все быстрее и быстрее обтекают мой путь
Искры звезд иль снежинок, опаленных светом.
И земная восторгом заходится грудь:
Покоряю пространство я вместе с планетой!

Людмила ЗНАЕВА

Живет и работает в Норильске. Автор поэтического сборника «Одинокий силуэт». Публиковалась в альманахе «Полярное сияние», «Рукопись» (г. Ростов-на-Дону), в поэтических сборниках «Гнездовье вьюг», «Стихотворящая лоза». Лауреат литературных премий им. Ю.Бариева (2000 г.) и «Вдохновение» (г. Норильск, 2001 г.).

Алене Платоновой

Напои меня отваром травным,
Ароматом лета излечи.
Слышишь, как душа моя подранком
Мечется, безумствуя, в ночи.

Наш словарь другим сердцам не ясен,
Наш порок другим сердцам не впрок.
Перечень легенд, сказаний, басен –
Не для нас единственный итог.

Не линейно мы прямолинейны,
Нам чайку бы травного попить.
Ах, как души рядышком келейно
В узелок запутывают нить.

Напои меня отваром травным.
Это – вечность, это – суть Земли.
А душа, коль есть, она подранок,
А душа, коль есть, она болит.

В.Т.

Как хочется мне воспаленным лбом
К твоей душе, далекий мой, прижаться,
На миг на этом свете задержаться,
Чтоб высмотреть грядущее в былом.

Уже свободна от мирских забот,
Но, захмелев от запахов весенних,
Предчувствуя победу воскресенья,
Меня волна любви к тебе несет.

Божественнейшая из прочих нег,
Волна последней нежной, тихой ласки.
А здесь у нас почти растаял снег,
Но странно это предавать огласке.

ОБОРОТ ЕЩЕ ОДИН СЛУЧИЛСЯ...

Белый вечер. Скверная погода.
Тает снег. Сникает белый мир.
Северная жесткая природа
Собирается на краткий пир.

Оборот еще один случился,
Значит, что-то будет впереди.
Как сегодня ветер в сердце бился,
Босяком хозяйствовал в груди.

Но весенний ветер был! Весенний!
Вот он заплутался между строк.
Между мною и тобой посредник,
Как неотвратимый огонек.

И, пока его не гаснет пламя,
За руку твою я жизнь держу.
Что же завтра будет, милый, с нами?
Что же будет? Завтра погляжу.

Нина КОВАЛЬЧУК

Родилась в 1949 году на Полтавщине. С 1980 г. живет в Хатангском аэропорту. Работает инженером-синоптиком в Хатангском аэропорту. Стихи пишет давно, но больше для себя. Ее стихи публиковались на страницах окружной газеты «Таймыр», в газете «Заполярный вестник», в альманахе «Полярное сияние», в коллективных поэтических сборниках.

ПУРГА

Стучит, стучит в окно настырный ветер,
И я не сплю, и мысли нет другой,
Чем та, что за десятки километров
Ты вновь один сражаешься с пургой..

Без жалости морозом пальцы сводит,
А где-то подо льдом притихла сеть.
И пусть вся рыба в глубину уходит,
Задача раунда – спастись, не умереть.

Стучит в окно назойливая вьюга:
Померяемся силой, мол, в борьбе...
Я позабыла обо всех недугах,
И все мои молитвы – о тебе.

ПЕРВЫЙ ЛУЧ

Есть обаяние свое
В глухой ночи и скрипе снега,
В тех песнях длинных, что поем
В сияньи смелых перебегов.

И все же, чем зима темней,
Тем больше тянемся к рассвету,
Тем чаще мысли о весне,
И тем милей ее приметы.

Погаснет зимняя свеча
С восходом солнца над Таймыром.
И – радость первого луча!
Что может с нею быть сравнимо?!

Светило круг свой совершит,
Багульник зацветет, но прежде
Поможет ночь нам пережить
Запас терпенья и надежды.

МАМЕ

Я надена давнишнее платье,
Заплету на затылке косу,
И дневное тепло на закате
Я в ладонях тебе принесу.

Обними меня, мама, покрепче,
Ощути себя вновь молодой.
Твоя дочь, уходившая девочкой,
Возвращается нынче седой.

Так давай посидим у порога,
Во дворе, где цыплята гурьбой...
Я состарилась в дальних дорогах,
Мы – ровесницы, мама, с тобой.

И разлуки уже не по силам,
Жаль, нам вместе недолго идти.
Сколько ж лет меня где-то носило,
Ты прости меня, мама, прости!

Я надена давнишнее платье,
Заплету осторожно косу.
На вечернем багровом закате,
Мама, сердце тебе я несу.

Отчего же мы старимся
Сразу на тысячу лет?
Безысходной усталостью
Бредит неясный ответ.
И стоим обнаженными
В горе, и рук не поднять,
И умом обожженным мы
Силимся что-то понять.

Отчего же мы старимся
Сразу на тысячу лет?
Отрекаясь от радостей,
Падаем в скопище бед.
Лишь внутри отзывается
Исподволь нервная дрожь,
Словно ветер врывается
В глухо поникшую рожь.

Я СЕГОДНЯ ПРОВОДИЛА СЫНА

Я сегодня проводила сына
В дальний путь и вслед перекрестила –
Легкой будет пусть моя рука.
Как своей любовью вездесущей
Оградить тебя от бед грядущих,
Уберечь от них наверняка?

Грянул день прощанья, в самом деле,
"На дорожку" мы слегка присели,
Выпили чуть-чуть "на посошок".
Что же ты, мой мальчик, так растерян,
Бледен лик и взгляд твой не уверен,
Ты держись, все будет хорошо!

Я сегодня проводила сына
В трудный путь. И жизнь остановилась,
Счет открыл настенный календарь.
Доля материнская такая:
Горевать в разлуке, ожидая
Сыновей, когда вернет их даль.

Николай КОНОВАЛОВ

*Живет в поселке Караул, работает кочегаром
в котельной. Его стихи печатались в окружной газете
«Таймыр», в альманахе «Полярное сияние-98».*

СТАРЫЙ МИР

Старый дом в полночный час
Погружен во мрак раздумий.
Пустотой квадратных глаз
Холод он сосет угрюмо.

Он повержен. Рок-укор
Прочертил свою границу,
Как сраженный матадор
Пред карающей десницей.

Нет в нем звуков, нет огня.
Только шорохи и тени
Наполняют дом, тая
Мир обманутых радений.

Мир, в котором жизнь цвела,
Светлым будущим манила.
А теперь здесь тайна зла
Свою жажду утолила,

Словно язвой, плоть покрыв,
Равнодушно и невинно.
И пугает дом-нарыв,
Дисгармонией всех линий.

РЕКВИЕМ

Время торопится, время бежит.
Звезд ускорение в разные стороны.
Как по спирали, веками проторенной,
Разум познания жжет рубежи.
Жжет он мосты, наведенные впрок,
Души губя, заболевшие временем:
Проклятой жизнью пишется реквием,
Главным героем в нем демон-порок.

ДОБРОТА

В идеале, в абсолюте,
В жизни просто там и тут,
Говорят привычно люди:
От добра добра не ждут.

Эту суть храним мы в сердце:
Добрым быть и жить любя.
Ведь любовь – такое средство,
Целый мир в ней для тебя.

И поля, леса, и горы,
Рек прозрачных серебро –
Человеческому взору,
Как бесценное добро.

Но мы выгоду все ищем,
Не найдя – кричим: "Распни!"
Кто, отдав все, станет нищим
В сонме денежной возни?

Только вместе и друг – другу
Можем мы себя отдать,
Как Добро Добру в услугу,
Совершая Благодать.

Валерий КРАВЕЦ

Журналист, поэт, член Союза писателей России.
Много лет, с 1965 по 1997, жил в Норильске. Работал журналистом телевидения, делал передачи о людях, природе и проблемах Таймыра, публиковался в окружных, краевых и центральных изданиях. Первый переводчик на русский язык стихов Огдо Аксеновой. Автор двадцати книг. Лауреат премии им. Огдо Аксеновой в 2003 году (номинация «Поэзия»).

ИЗ ЦИКЛА
«И КОНИ УМЧАЛИСЬ, И ПЫЛЬ УЛЕГЛАСЬ»

*Как жизнь пролетела!
Как жизнь пронеслась!
И кони умчались, и пыль улеглась...
2004 год*

Жизнь уже сама – тебе подарок.
Как свеча горит она, светясь.
И хотя ее уже огарок,
Не теряй с ней искреннюю связь.
Боль и радость принимай спокойно
До еще не грянувшей поры,
Сохраняя в памяти достойно
Прежде освященные дары.

Старение не терпит суеты.
Почтенный возраст требует покоя
И времени на выход из запоя
По поводу несбывшейся мечты.
Старение – нормальная пора,
Но, дай нам Бог, чтобы в такую пору
Пришлось бы выметать поменьше сора
Со своего последнего двора...

Прилетая с заснеженных гор,
Над пустыней арктической воя,
Зимних ветров простуженный хор
Мое сердце лишает покоя.
Когда в мире не видно ни зги,
И свою не увидишь ты душу.
Неуютную песню пурги
Надоело покорно мне слушать.
Но, отведавши жизни иной,
Обретаю я знание свыше:
Лучше слушать пургу за стеной,
Чем ни звука живого не слышать...

Голубоглазый пес заснеженный,
Пургой и стужею изнеженный,
Как мило мне твое ласкательство
Без суеты и пресмыкательства,
Твое достоинство природное,
Твое терпенье всепогодное,
Твое живое непритворство,
Твой аппетит, а не обжорство,
Твоя способность век от века
Быть симпатичней человека...

Не опала листва при таком жарком лете...
Не с того ли так ранняя осень знобка?
Что осталось у сонного лета в секрете?
Что припрятали в дымке своей облака?
Листопадное время давно отзвенело,
А упрямые листья доверчиво ждут,
Как хмельную любовь недопившее тело
Ждет положенных богом прекрасных минут...

Страна, сошедшая с ума,
Ослепли, что ли, твои очи?
Мне кажется, что ты сама
Не ведаешь, чего ты хочешь.
Куда идешь, зачем живешь,
С кем дружбу водишь бестолково,
Уже не различаешь ложь,
Заветное не слышишь слово,
Несешься пьяно по волнам,
Вздыхаемым своей же дурью,
И не внимая тем громам,
Что предвещают грозно бурю...

НЕОЖИДАННОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
У КАРТИНЫ А.САВРАСОВА
«ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Не верю продажному рвению писак,
Давно осквернивших газеты,
Не верю азарту парламентских драк
И смыслу партийных пикетов,
Не верю от бедности сникшим врачам,
Баянам из думской артели...

Я радостно верю весенним грачам
За то, что они прилетели.

Анатолий ЛЕВЕНКО

Родился в 1952 году на Украине. Профессиональный журналист. Живет и работает на Таймыре с 1981 года. Его стихи публиковались на страницах газеты «Таймыр», в коллективных поэтических сборниках «На поэтическом меридиане», «Город белых ромашек», в альманахе «Полярное сияние». Автор книг «Вишня Арктики», «Тридцать три», «Млечный путь». Увлекается театром. Живет в Дудинке.

А мороз песком соларки
сыплется.
В полный рост
полярка
На сияньях-цыпочках
До Луны нежаркой
тянется.

Воздух вымерзает
до озона,
Леденеет до сосулечного
звона...
Нам одно, напарница,
останется –
Греться, топая ногами,
в танце.

Передо мною
не откроешь дверь
/я никому не нужен был
живым/...
Тогда возьми
хотя бы домовым –
я в этом облике
совсем домашний зверь,
таким жильцом
не вызову молвы...
Хоть не люби,
но в домового верь!

ПАРОЛИ

Любимые! Я ваш собрат.
И принимайте
в этой роли...
А что стихи?
Да чтоб собрать
Вас для истории –
пароли!

В игольное ушко кометы
заправлю чувств пылающих вязанье.
Я верю в звезды и приметы.
Они сулят свиданье!

Сергей ЛУЗАН

Родился в 1946 году в Благовещенске. В 1970 году приехал в Норильск. Публиковался в центральной, краевой и местной печати, в коллективных сборниках «Встреча», «Гнездовье вьюг», «На поэтическом меридиане», «Стая», в альманахах «День и Ночь», «Полярное сияние». Автор нескольких книг. Лауреат премии «Вдохновение» (Норильск) в 1996 году, литературной премии имени О.Аксеновой в 1997 году. Председатель Правления Таймырской писательской организации.

СВОРА

Облаяли,
но дай вам бог здоровья
подохнуть сытыми
и в будке на цепи!
Всех тех,
кто слеп душой,
благословляю!
Пускай так и останутся слепы!
А знаки равенства
в крови чужой кумирни
для черного барана хороши.
Нет ничего важнее в этом мире
меня любимого
и собственной души.

Взгляд вспыхнул и остыл:
Я вспомнил друга.
Багульник цвел и небо оцвело.
Дышать июлем за Полярным кругом
Мы можем, хоть и дышим тяжело.
Не разделяю жизнь и лицедейство
И в контуре подачек не живу.
Созревший колос нянчит ветер детства,
Как вымысел реальную судьбу.
Прикурит мхи трясина бытия,
Окутает недвижимость молчаний,
И в спазмах нестатичных состояний
Нас не переживет усталая земля.
А человек всегда и много хочет,
Но догорает медленно заря.
Дни поседели.
Стала жизнь короче,
Но времени шагов не слышу даже я.

ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕР

Дом почернел.
 Сквозняк в печи.
 Сквозь щели
 ступеней из дубовых плах
 растет трава,
 и флюгер прижавел:
 показывает север,
 хоть ветер южный
 мелкий дождь принес.
 Вильям Шекспир сегодня не заглянет
 стаканчик пропустить
 горячего бордо.
 Замучила подагра старика,
 а я считал – над ним
 не властно время.

АКАДЕМИКУ В.Н.ЛОВЕЛИУСУ

Луна ушла.
 Ловелиус во мгле,
 Но мгла светла,
 и проступает солнце,
 и флейта звуки мудро прочит в соты,
 и утро наступает на Земле.
 Беседа гаснет, как свеча, сейчас.
 Я даже ощущаю хруст пространства.
 Мерцает небо, как иконостас,
 напоминая нам о постоянстве.
 Мы чувствуем тревогу бытия.
 Кристаллы крошатся на свежем сколе мира,
 но больше отдавать, чем брать,
 и невозможно, и несправедливо.
 Есть злу предел
 и доброте предел,
 но их никто осмыслить не сумел.

*В мастерской художника
 Евгения Каунченко,
 январь 2003г.*

Геннадий МЕДВЕДЕВ

Родился в 1949 году в Челябинской области. С 1972 года живет в Дудинке, работает электромонтером в АО «Норильсгазпром». Стихи начал писать уже в зрелом возрасте. Публиковался в периодической печати Челябинска, Троицка, Норильска, Дудинки. Его стихи вошли в поэтический сборник «Город белых ромашек». Постоянный автор альманаха «Полярное сияние». В 2003 году вышел первый поэтический сборник «Я родился в уральской деревне» (Красноярск).

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

Картины. Свет. Обмерзший дом.
 Там словно тень слепого Мотюмяку,
 Что Лету перешел за тем холмом
 И аргшит к родному зодиаку.

Угоден небу человек-свеча.
 Застыла акварель, как слезы воска.
 И где-то там, у сопки, по ночам
 Душа трепещет жертвенной березкой.

И чья она? Его или моя,
 Трепещет у порога зимней стужи?
 Творцу суетный мир не нужен,
 Но эта вот промерзшая земля...

Старик-олень. В земле его исток –
 С землею он навечно слился,
 Лежит так скорбно одинок...
 Художник... Сон, который сбылся...

Талант, что озеро без дна.
 Чем глубже, тем таинственней водица.
 Но глубины той Муза не боится
 И избранных с собою брать вольна.

Я шут и плут, (пока не с Вами)
 Флиртую с кем-то. Все равно.
 В пирушке тамада с друзьями,
 Но встречу Вас... О, сколько ж «но»...

И зябко, точно при простуде,
 Прикосновенье губ, волос.
 Под тканью – трепетные груди,
 В глазах и дерзость, и вопрос.

С насмешкой – поцелуй короткий,
 Доступность, холодность и страх.
 Дикарка, с царственной походкой,
 Тигрица, с нежностью в глазах.

Кто виноват, что я не с Вами?
 Знать, не судьба, не суждено –
 Как тянет взгляд за журавлями...
 Мне до сих пор не все равно.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Магией скован,
жертвенно бледен,
лунного диска глаз.
Женщина в черном,
из звездной бездны,
холодно смотрит на вас.
Скорбно она
улыбается тонкой
ниточкой пламенных губ,
и, на закат,
к этой огненной кромке,
черные пурги бегут.
Вздыбили космы
снежные тучи,
мглою закрыв небосвод,
женщина в черном,
со светлой кручи,
за руку в бездну ведет.
И по ступенькам –
с одной на другую –
вы опускаетесь следом за ней.
Ниже и ниже,
в темень такую –
тьмы египетской много темней.
Корежит с грохотом
льдов торосы,
хмурится Женщина-Ночь.
И примерзают
к ресницам волосы,
и улетают надежды прочь.
Лунный идол
кроваво пялится.
В висках барабанное "бам-м-м".
Женщина в черном
стылый палец
к кровавым прикладывает губам...

Сергей НАУМОВ

*Родился в 1956 году в деревне Зябрево Тульской области.
В Норильске живет с 1980 года. В это время начал
писать стихи и песни. Автор-исполнитель, лауреат
и дипломант нескольких фестивалей авторской песни
в Норильске, Красноярске, Ялте, Самаре.
Стихи печатались в периодической печати, в альманахе
«Полярное сияние», в журнале «Рукопись».*

НА СМЕРТЬ В.П.АСТАФЬЕВА

Когда грачей угрюмых рота
Слетит на голые стволы,
Как почерневшая пехота,
К атаке подтянув тылы,

И карканьем на всю округу,
На лес, на дол,
Объявит недругу и другу:
Солдат ушел!..

И колокол в просвете неба
Сорвется в крик,
И вкус полыни вместо хлеба
Найдёт язык,

И огоньком дрожащей спички
Сгорит заря,
И ждать его на перекличке
И верить – зря!

Когда возникнет холод ночи
В пустой груди
И бесконечность многоточий
Ждёт впереди,

Я, не стоявший с ним бок о бок
В одном строю,
До края поминальный кубок
Себе налью.

...Здесь голо все, земля – как лысый череп...
Деревьев нет, лишь жалкие кусты...
Проклятый край, забытый богом берег,
Хранилище растоптанной мечты!..

Дома на сваях, будто инвалиды,
Зеленый дым, мороз, ветра и снег,
Горбатых сопок злые пирамиды...
Зачем ты здесь, безумный человек?!

Зачем живьем кладешь себя в могилу?
Конец один – на вечной мерзлоте
Ты не найдешь золотоносной жилы,
А где-то поскользнешься в темноте!..

СЕРГЕЮ КУЛАКОВУ

Свобода – миф, ее на деле нет.
 Нам даже в мыслях не видать свободы!
 Потратив столько сил, чернил и лет –
 В итоге что?..

Медлительные воды
 Времен неспешных катят мимо нас.
 А мы к концу все больше суетимся,
 Пытаясь оторвать хоть день, хоть час,
 Хотя б минуту у немого сфинкса!
 Трясем мощной, когда она полна,
 И просим в долг, надеясь расплатиться...
 Но молча проплывают времена,
 Воруя то, чем мы могли гордиться!

За нами счастье не спешило, нет –
 Нас гнали обстоятельства иные...
 А сны нам снились – радостно-цветные!
 В них свет повсюду, отовсюду свет!

Но утро нас встречало без цветов,
 Лишь краской серой, пасмурно и хмуро...
 О, сколько мы видали городов
 От стен Кремля до берегов Амура.
 Но сколько б мы ни мерили дорог
 И сколько б башмаков не износили,
 Всегда в итоге лишь один итог:
 Свобода – миф.
 Свободы нет в России!..

Сергей НЕУДАЧИН (Попугаев)

Родился в 1958 году в Керчи. В Дудинке живет с 1972 года. Стихи начал писать еще в школе. В 1983 году потерял слух, но это не мешает ему слышать и понимать ритм жизни. Его стихи публиковались на страницах газеты «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние».

О ЕСЕНИНЕ

Да, недолго глядел он на Русь
 Голубыми глазами поэта.
 Но была ли кабацкою грусть?
 Грусть, конечно, была, да не эта.

Версты все потрясенной земли,
 Все святые и грешные узы
 Словно нервной системой вошли
 В своенравность Есенинской музы.

Эта муза не прошлого дня,
 С ней люблю, негодую и плачу.
 Много значит она для меня,
 Если сам я хоть что-нибудь значу.

Я

Много видевший, много знавший,
 Знавший ненависть и любовь,
 Все имевший, все потерявший
 И опять все нашедший вновь.

Вкус узнавший всего земного
 И до жизни жадный опять,
 Обладающий всем и снова
 Все стремящийся потерять.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Идет процессия за гробом.
 Долга дорога в полверсты.
 На тихом кладбище – сугробы
 И в них увязшие кресты.

Молчит народ. Смирился с горем.
 Мы все исчезнем без следа.
 И только слышно, как над полем
 Тоскливо воют провода.

Трещат крещенские морозы.
 Идет народ... Все глубже снег,
 Все величавее березы,
 Все ближе к месту человек.

Он в ласках мира, в бурях века
 Достоин дожил до седин.
 И вот... хоронят человека...
 – Снимите шапку, гражданин!

Стою на распутье. В душе тает лед.
Рождаются в сердце мечты и надежды.
А время зовет и торопит: «Вперед!»,
Срывая мой панцирь лгуна и невежды.

Уж скоро рассвет. Засветился восток.
Я в новом обличи утра встречаю:
Из множеств заманчивых в жизни дорог
Пусть самую трудную, но выбираю.

Мне в этом нелегком, но честном пути,
Сквозь жажду пустыни и холод метели,
Ломая преграды, упрямо идти
К единственной правильно выбранной цели.

И пусть полыхает над миром рассвет,
И время летит – за неделей неделя,
Ведет меня к цели мерцающий свет
В конце беспросветного прежде тоннеля.

ЖЕНЕ

Как прежде по крышам беснуется ветер осенний,
Вновь хмурое утро сменяет чернильную ночь,
И я пред тобою с любовью склоняю колени
И руки целую за нашу прелестную дочь.

За шаг ее первый и первое робкое слово,
За линию губ, за небесный доверчивый взгляд,
За нотки упорства, такого до боли родного,
За нежность улыбки, дарящую радость сто крат.

Мне память о ней заслоняет разлуку и горе,
И светлое счастье смиряет бурлящий прибой.
Тебе говорю я, души своей голосу вторя:
– Спасибо, родная, за дочкину схожест с тобой!

Не сидится мне,
не читается,
Да и сон меня
не берет...
Отовсюду мне
причитается –
Да никто ничего
не дает!

ЛЮБИМОЙ

Вот и все – *se la vi* –
Растворился туман,
Лопнул панцирь любви,
Обнажился обман.

Нет возврата назад,
Не сольются сердца,
Но оставлю твой взгляд
Я с собой до конца.

Взлет пушистых бровей,
Голос теплый, родной
В черед серых дней
Всюду будет со мной.

Пусть судьбы круговерть
Рвет на части подчас,
Но поверь – только смерть
Разлучить сможет нас.

И коль времени бой
Тянет тело во тьму,
Я в могилу с собой
Твое имя возьму!

Когда на сердце стужа,
Когда и время вспять,
Что ты кому-то нужен
Приятно сознавать.
Что кто-то, пусть далеко,
В одной с тобой судьбе
Вот так же, одиноко
Страдает о тебе.

С тобой всегда надежда,
Коль можешь ты опять
О ком-то думать нежно,
Кого-то вспоминать.
Пусть путь далек и долог,
Но как отрадно знать,
Что ты кому-то дорог,
Что там умеют ждать...

И как бывает сложен
Твой мир и как жесток,
Когда ты всеми брошен,
Когда ты одинок.
Как часто влазишь в сети,
И как обида жжет,
Когда никто на свете
Тебя уже не ждет.

Чтоб страх не обнаружить,
Бессилие к судьбе,
Пойми – ты нужен, нужен,
Чтоб выстоять – себе!

Елена САГАН

Родилась в Волочанке в 1968 году, живет в Дудинке. Танцевала в ансамбле «Хэйро», в настоящее время – парикмахер-стилист. Поэзией увлекается с тринадцати лет. Песни на ее стихи вошли в репертуар дудинских артистов. Публиковалась на страницах газеты «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние». Воспитывает сына и дочь, интересуется психологией, философией, религией.

Мне бы краски в руки взять
И раскрасить будни...
Или просто станцевать
На столе иль бубне!!!

Тишина. Цветы и свечи.
Шепчет ласково луна.
Да... любовь, конечно, лечит
Или же сведет с ума.

На обломках Высокой поэзии
Комья рифмованных фраз...
Не пишут давно по лезвию –
Дух бунтарства угас!

Душа поэта – мир особый:
Мир тайны, горечи, любви,
И муза – светлая особа,
Ради нее свеча горит.

Поэзия – принцесса слов,
И к ней нельзя без поклонения,
По каплям собираем сок
Божественного откровения.

АУРА АВГУСТА

Август. Вечер. Дудинка.
Горят огни. Прохладно и тихо.
Чай с голубичным джемом...
Беседуем с другом на разные темы.
Уж звезды зажглись на небе –
Их виден мерцающий трепет,
А в тундре меняются краски:
У желтого цвета праздник.
Прекрасная эта пора,
Как, впрочем, и снег, и жара.
А зимний наступит вечер –
Накину я шаль на плечи,
Чай горячий согреет,
Остыть едва ли успеет.
Возьму я вязание в руки –
Занятье мое не от скуки,
А для души и для дела –
Любимых моих согрело...
А пока за окном тихий август
Обнимает ягодный куст.

Алевтина ЩЕРБАКОВА

Родилась в 1942 году. Много лет, с 1949 года, жила в Норильске. Публиковалась в норильской печати, в альманахах «Сура», «День и ночь», «Полярное сияние», в поэтических сборниках «Гнездовье вьюг», «Стихотворящая лоза», «Поэтессы Енисея». Лауреат литературной премии им. О. Аксеновой в 2000 году. В 2003 году переехала в Санкт-Петербург.

Я отпущу твою стрелу,
Все поделив на «до» и «после»,
Еще чуть-чуть побуду возле,
Ослабив нерва тетиву.

Растает слов последний звук...
Свою картину расставанья
Я допишу на расстоянии,
В грусть погружая кисти рук.

Накатит приступ немоты,
И долго буду ощущать я
Мне незнакомые объятья
И тишины, и пустоты.

Нырью в день с разбега, как с обрыва,
Меня несет его круговорот.
Пусть я не лидер этого заплыва,
Но верю я, мне завтра повезет.

Поглубже вдох, помедленнее выдох,
Чтоб сил запас подольше не иссяк.
В течение дня есть тоже своя гидра
И притаился кряжистый топляк.

С ним неизбежно будет столкновенье,
Изогнут он, как каверзный вопрос, –
Хоть в глубине спасайся погруженьем,
Хоть по воде иди, как сам Христос.

И вот уже необходимость вдоха
Своим напором раздирает рот,
И день, вливаясь по ничтожным крохам,
Иссякнет сам, а душу разорвет.

И ты потом устало понимаешь,
Как далека поверхностная гладь.
Себя ночами тихо упрекаешь –
Зачем нырлял, ведь мог бы и порхать.

Отняв у неба ширь и высоту,
Дробила туча солнце на осколки,
Лучей последний жар и остроту
Вобрала, как игольница иголки.

Огнем по глупым окнам полыхнул,
Зажег домов похолодевших стены,
В глубины глаз прохожим заглянул
Закатный луч, что выбрался из плена.

Во всем ответ искал и получал
Он встречный импульс животворной силы,
Померкших радуг струны перебрал,
Аккорды красок к жизни возродил он.

Он так пылал, так в этот миг горел,
Как будто солнце все в него вместилось,
Так верить он в бессмертие хотел,
Но вера вместе с солнцем закатилась.

Елена ЯГУМОВА

Родилась в 1949 году. В Норильске с 1986 года. Ее стихи печатались на страницах центральных, краевых и окружных газет, в альманахах и в коллективных поэтических сборниках. Она автор книг «Апокалипсис» и «Белая бессонница». Лауреат литературной премии им. О. Аксеновой в 1999 году и литературной премии им. Ю. Бариева в 2001 году.

Член Союза писателей России.

МАНДОЛИНА

Под молитвы мандолины
сад взрывается листвою,
лепят ласточки из глины
гнезда с круглою дырой.

Вылетает занавеска
из раскрытого окна
и ко мне – едва телесной –
из отчизны поднебесной
мчится поздняя весна.

Пахнет сладостно-знакомым
незнакомый первый дом.
Ангел кроткий невесомый
подступил, как к горлу ком.

Еще живы, еще вместе –
наклонились надо мной:
мама – в крошечном берете,
папа – юный и седой.

Ловит дом на самом стыке
между небом и землей
в стекла солнечные блики,
но святые ваши лики
обескровлены войной.

Из подручной рыжей глины
сотворен и мне дворец,
и поет под мандолину
серенады мне отец.

АНГЕЛ ТЕРПЕНИЯ

Смятенность безвестных растений...
Имен безымянность...
И света – не больше, чем тени,
и жизнь – только данность.

Ты плачешь?..
А надо б смеяться –
душа приоткрылась –
созрела слепая туманность,
в вино претворилась.

Наполнила силой земной
небесные скрыни*,
вспоила осот жестяной,
никчемность полыни.

Смотри: как могуч дикорос,
как знойны отретья.
Себя самого перерос
мой Ангел терпенья.

Себя самого одолел
в пустыне киногий**,
зерно отделив от плевел
любовью Сыновьей.

* Скрыня – сундучок, укладка, коробка,
ларец и т.п. (В.И. Даль "Словарь...")

** Киновия – общежительный монастырь
(В.И. Даль "Словарь...")

Так глубока твоя печаль,
что внутреннему недоступна
зренью.
Сродни христианскому смиренью,
когда бы не цветная шаль.
И эти розы в декабре,
особенно в России – розы! –
контральто италийской грезы,
и Демон-Лермонт на заре,
опередивший облака,
всплывающий из сновиденья
трагического провиденья
испеленного зрачка.

Все забывается –
и лица, и года,
и съеденные праздничные
яства...
Но вот всплывает елка
из пространства,
новорожденный Агнец
и Звезда...
За пазухой приносят
в дом ягнят,
впустив в тепло
заблудшую
На первом ярусе
ее ветвей –
морские звезды,
рыбки и зверушки;
а на втором –
солдатики и пушки,
и вымпелы
военных кораблей;
на третьем –
птицы, ангелы, шары
и спутники,
совсем как самовары;
а на четвертом –
свечи...
– Нет, Стожары...
– Нет, пастухами
вздутые костры
разбужены
немыслимым чутьем,
пастушеским чутьем
необычайным,
прикосновеньем
к запредельной тайне
Звезды, взошедшей
над степным жильем.
овечку.
Она вылизывает
мальшей за печкой –
и шкурки золотым
руном горят.
Отец и дед
налаживают крест
и елочку сажают
в сердцевину,
она соединяет
пуповиной
семейный праздник
с торжеством Небес...

Петр ЛЕУТИН

(1951 – 1993)

*Жил в Дудинке в восьмидесятые годы двадцатого века.
Почти десять лет работал в газете «Советский
Таймыр», объездил поселки округа, побывал на многих
промысловых точках. Увлеченно вникал в особенности
жизни в Заполярье, много и интересно об этом писал.
Еще при жизни поэта в Дудинке вышел сборник
его стихов «Переполюх» (1992 г.).
Альманах «Полярное сияние» предлагает вниманию
читателей не опубликованные ранее стихи автора.*

Мороз рисует бисером узоры
На тонких ветках, на стекле квартир,
Но ни к чему пустые разговоры,
Что лишь на время принял нас Таймыр.
Он своенравен, он суров, он чуток
К людским удачам, чести, доброте.
И редко тот, кто пробыл здесь хоть сутки,
Сюда вернуться вновь не захотел.
На долгих тропах тундровых раздолий,
В круговороте весен, лет и зим
Плечом к плечу здесь пробуют пуд соли
Татарин, русский, белорус, грузин...
Как эхо чаек – теплоходов крики –
И кто-то вспомнит теплые моря.
Кому-то ярко-алый цвет гвоздики
Приснится вдруг в начале января.
И если кто-то взял билет обратно,
Проводим молча. Скажем: "В добрый путь..."
Пусть не к лицу идти нам на попятный,
Но не к лицу кого-то упрекнуть,
Что он один не выдержал дороги
И, значит, дальше с ним не по пути.
Здесь пополам заботы и тревоги –
Вперед идущему вперед всегда идти.
И разговор о временной прописке,
Которая быть может на сто лет,
За нас продолжают поименно списки
Всех наших дел, свершений и побед.

ЦВЕТНАЯ ПЕСНЯ

Мне приснилась песня.
В этой песне лето.
На траве зеленой
Розовый рассвет.
Ты и я не знаем,
Что все снится это,
И друг друга любим.
Вот такой сюжет.
Голубое небо
В солнечной капели.
На ромашках белых
Спит вчерашний дождь...
Афродитой дивной
Сандро Боттичелли
Из волны высокой
Ты ко мне идешь.
Золотые блески
На упругой коже,
В отраженьи рыжем
Золотых волос...
Боже мой, как это
Было все похоже,
Все похоже было
На то, что не сбылось.
Мне приснилась песня.
В этой песне лето.
От травы и кожи
Розовый дурман.
Это лето в жизни
Затерялось где-то,
Впереди такая
Долгая зима.

АЛЕНА
Трилогия в стихах

Рук твоих
Застенчивая нежность,
Ясных глаз
Густая синева...
Я словами ласковыми
Брежу.
Только что
Безликие слова?
Мне б влюбиться по уши,
Да поздно.
Седина,
Как вьюга, в волосах.
Жизнь – вокзал,
И мой отходит поезд,
И застыли стрелки на часах.
Мне б часы с размаху –
По перрону.
Строже сердца
В мире нет часов.
Прицепиться б
К крайнему вагону,
Делать дело
Вместо глупых слов.
Но боюсь однажды
Заблудиться
В дымке русских,
Шелковых волос.
Страшно быть
Подстреленною птицей –
Я-то знаю.
Как-то довелось.

Я уже однажды
Умирал...
Падал снег
На розовые лужи –
В них закат багряный
Догорал,
Как и я,
Он был совсем не нужен.
Остывали
Вместе с ним шаги
Под твоей упругою
Походкой,
И по каплям
Кровь мою враги
Разбавляли
Выдохшейся водкой,
И чернел загублено
Закат,
Закипая пеною
На венах...
Если б знать,
В чем был я виноват?
Но в лицо лгала ты
Вдохновенно
Про мою истраченную
Жизнь,
Что тебя втянула,
Словно омут...
Жгли слова,
Как лезвия-ножи,
Не щадя.
Наотмашь.
По живому.
И напрасно
В горсти собирал
Пепел
С глаз моих остывших
Ветер...
Я уже однажды
Умирал,
Потому что
Ты
Жила на свете.

Ты уходила.
И черной чайкой
Мелькал за шторой
Твой силуэт.
Снежинки следом
Вспорхнули стайкой
И опустились...
И следа нет.
А над остывшей
Свечою бился
В застывших сумерках
Мотылек –
Он только-только
Чуть опалился,
Но до конца весь
Сгореть не смог.
О, как хотел он
Пылать, как факел,
В любви к огню
Не жалея сил...
А где-то тихо
Ребенок плакал,
Но мир остался
Таким, как был.
И свод не рухнул.
И не качнулась
В раздумье тяжком
Земная ось.
Лишь сердце глупое
Встрепенулось –
Оно не все еще
Обожглось.
Оно хотело гореть,
Сметая
Все переправы
И все мосты...
За белой шторкой
Снежинки таяли,
И черной чайкой
Металась ты.

Марк ХАСДАН

(1926-2003)

Жил в Норильске с 1943 года. Кандидат технических наук, истинный поэт, до самоубийства был влюблен в русское слово. Его стихи печатались на страницах норильских газет, в поэтическом сборнике «Гнездовье вьюг», в альманахе «Полярное сияние». В 1999 году вышла книга его стихов «Айсберг». В 2000 году стал лауреатом литературной премии «Вдохновение». В 2002 году вышел в свет его перевод «Слово о полку Игореве», одобренный академиком Д.С.Лихачевым.

Поэты никогда не перестанут
гордиться тем и сетовать на то,
что мало их, и это – верный тон
прославленных – и тех,
кто не помянут.

Суровой неизбежностью предстанут
стихотворенья, если в них никто
не сыщет лжи и лести, но зато
судьбой и плахой эти строки станут.

Когда страданья выше меры сил,
и жизнь поэт окончил добровольно –
он к высшей мере мир приговорил.

И как ни тяжело, ни больно,
оставленные им стихи звучат,
как всепрощенье –
вольно иль невольно.

1987 г.

Сочувствие, насмешка, сожаленье
советовали гордо не ходить,
чужое самолюбие щадить
и вере не предпочитать сомненье.
Но музыка родного языка
юродивых во слове призывала,
показывала Родины начало
и родники народного лубка.
Израненные жесткой красотой,
страдали непреклонные сократы,
отравленные дважды, троекратно,
самоубитые большой мечтой.
Разбита чаша, пролито вино...
Назло отчаянию и печали
восторгом песни новые звучали
на ложе, крытом золотым руном.
Светло и щедро образы пиши:
и терпкой ласки, и любви суровой,
и кровь созревших вишен жертвуй
снова
в сокровищницу мировой души.

1986 г.

Услышать тебя... И в ответ
почувствовать трепет в груди,
рожденный надеждой на то,
что сбудется там, впереди,
где брезжит свидания свет...

Увидеть тебя... По зерну,
как четки, тебя перебрать,
на теле прекрасном твоём
губами ответ прочитать,
сторицей все это вернуть...

Уйти от тебя... И потом,
в холодные ночи разлук,
в ненужные дни суеты,
ответного трепета рук
не встретив, лишь помнить о том...

Услышать... Увидеть... Уйти...
Замкнуть ожиданием круг
свиданий, надежд и разлук
и броситься в новый виток
спирали земного пути.

1983 г.

Что есть любовь? – Сгорание всего,
осевшего в душе до главной встречи,
когда уже и защититься нечем
от ясности прозренья своего.

Не нужно от любимой ничего,
что можно выразить земною речью.
Любовь – хмельной венок, обнявший
вечность,
и соль существованья самого.

О свет любви! Ты мир преображаешь,
и в восходящем трепете видна
та радуга, чем круг сей завершаешь.

Самой себе причина и вина,
самой себе возмездье и награда,
одна любовь, любовь, любовь одна.

1986 г.

Роман АЛЕКСЕЕВ

Родился в 1976 году в Тульской области. С трехлетнего
возраста живет на Таймыре. В Дудинке закончил
школу, отслужил в армии. Специалист
по компьютерной технике. Писать стихи и прозу
начал еще в школе. Публикуется впервые. Дебют.

ГИТАРА

Гитара, милая подруга,
Шесть струн твои – моя душа.
Не надо мне другой услуги –
Тебя лишь слушать не дыша.

С тобой и в счастье, и в печали,
В кругу друзей, среди подруг...
Лишь только б звезды озаряли
Твой гриф, единственный мой друг.

ВЬЮГА

В этот зимний вечер
Шепчет злая вьюга –
"Милый, ты не вечен,
я твоя подруга.

Я с тобою буду
Очень-очень нежной,
Над тобой повсюду
Полог белоснежный.

Я тебя укурою
Снежным одеялом,
Зимней синевою –
Вечности нам мало".

Так шептала вьюга,
Долго путник слушал –
Белая "подруга"
Выстужала душу.

Я так хочу, с утра проснувшись,
Понять, что не было войны.
И в чистой речке окунувшись,
В небытие смыть эти сны.

Где кровь друзей покрыла руки,
И мне ничем ее не смыть,
Где по ночам лишь только муки,
И остается только выть.

Когда простить себе не можешь,
Что ты, вернувшийся домой,
Ночами тех парней тревожишь,
Что под сырою спят землей.

ВЕРНУТЬСЯ

Я хотел бы вернуться туда,
Где сквозь череп трава прорастает.
Но не с миром пришел бы тогда –
Сердце лютою злостью пылает.

Говорил нам Господь: "Не суди,
Не свершится суда и над вами".
Не судить я вернулся, а мстить,
Хоть и то, что не прав, понимаю.

Защити их, Георгий Святой,
Помоги им вернуться живыми,
Смой с них кровь, да святою водой,
И прости им грехи боевые.

СТО ДНЕЙ ДО ПРИКАЗА...

Сто дней до приказа, расплавленный ад,
Свинцовое небо,
Разбитый о скалы в руках автомат,
В боях, где он был и не был.

"Афганка" прилипла, присохла к спине,
Последний рожок в запасе.
Прижался спиной к разбитой стене
Самый застенчивый в классе.

Бинты прижимая левой рукой,
Правой – гранату сжимая,
Мечтал возвратиться скорее домой,
Невесту, родных вспоминая.

Но, видно, решила судьба не так,
Как видно, решила иначе –
Второй разведвзвод устал от атак –
Полег почти весь, и значит,

Ему остается последняя честь –
Упасть, автомат сжимая.
Отвага в России была и есть
Ключами солдатского рая.

Анна ГАЛИЦКАЯ

Родилась в 1986 году в поселке Усть-Порт. После окончания средней школы приехала в Дудинку. Учится в ПУ-104. Стихи пишет с тринадцати лет. В 2002 году заняла второе место на окружном поэтическом конкурсе «Есть Таймыр единственный». Ее стихи публиковались в газете «Таймыр». В альманахе «Полярное сияние» печатается впервые.

НЕБО

Небо весеннее, небо осеннее,
Небо – покой.
Небо угрюмое, мрачное, хмурое
Льется водой.

Небо наклонится, в руки уронится –
Только лови.
Небо безбрежное, ласково-нежное,
С ним уплыви.

Небо не старится, мудростью славится.
Вечно оно.
С нами незнайками, лжецами, зазнайками
Дружит оно.

Небо, покрытое звездами сытыми,
Будет сиять.
Что же за краешком в небе растаявшем –
Лучше не знать.

2002 г.

МАТЬ СОЛДАТА

Он ушел на войну, он избрал этот путь,
Он хотел на себя по-другому взглянуть.
Ну, а мать у окошка весной и зимой
Каждый день ждет любимого сына домой.

А солдаты – они все России сыны,
И пошли на войну ради чести страны.
Только мама не спит, только мама все ждет,
Когда маленький сын из похода придет.

Но в чужой и пустынной стране ее сын
Навсегда свои буйные крылья сложил.
Только мать в смерть не верит, надеждой живет,
Что солдат ее тоже с Победой придет.

май 2002 г.

ОБРЫВКИ

Обрывки снов, клочки газет,
Лучи в глаза, суббота, утро.
Ключи, потерянный билет
И разговоры поминутно.

Обрывки фраз, обрывки дней,
Обрывки книги и нарядов,
Обрывки летних тополей
И нескончаемых обрядов.

Обрывки с памяти долой!
Обрывки – жизни наважденье.
Обрывки лет из глаз слезой
За нескончаемое рвенье.

Апрель 2003 г.

Юрий ДУДКИН

Родился в 1962 году в Ленинградской области.
С 1963 года жил в Игарке. Окончил среднюю школу,
служил в армии, учился в школе милиции. Работал
милиционером в Дудинке, участковым инспектором
в Эвенкии. В настоящее время – предприниматель.
Публикуется впервые.

ПОЛЮБИ!

Кино, кино – проходит наша встреча.
Дождем осенним слезы смочат душу,
Горят от слов твоих – в душе – все свечи!
В пустыне, будто солнце тело сушит...

Я ж вихрем над землей промчусь, –
Отмщенья просит воспаленный разум, –
Дождем кислотным с неба я скачусь,
Живое все убив навеки, сразу...

Иль в землю с головой, руками и ногами
Войду, как входит просто дождь,
Явившись вверх цветами и садами,
Чтобы хоть этим породить в тебе любовь!!!

БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Музыка любви – твоё желанье,
Голос тихий или крик во тьме,
Я уже люблю твоё гаданье,
Радость, слезы – все ты даришь мне.

Ты играешь светом, словно тенью,
Я, как мотылек, лечу на смерть,
Ты на маяке, борясь с ленью,
Попытайся окна запереть!

ЕМУ!

Божественной волей рожденье земли
Из мрака – явил ты нам чудо!
Святое созданье – бессмертье души
Распятьем – отдал всему люду!

Денис МЕДВЕДЕВ

Родился в 1978 году в Дудинке. Закончил Дудинскую
школу №1. После окончания Томского юридического
университета работает в Красноярске. Стихи начал
писать в 1990 году. В альманахе «Полярное сияние»
публикуется впервые.

Лететь, как бабочка на свечку,
Иль стариком кряхтеть на печке.
Вот два пути,
Один исход:
Ногами вынесут вперед.
Огонь свечи,
Тепло печи.
Маши крылом,
Клюкой стучи.
Есть два пути.
Каким идти?
К огню – один.
Другой к теплу.
Гнать ветер в ночь.
Мести золу...

А на небе столько звезд,
Сколько звезд на небе.
А на сердце столько слез,
Сколько счастья мне бы.
Да разбить бы то стекло,
Сквозь него – на воздух,
Чтобы время потекло
Босиком по звездам.
А у ночи столько снов,
Сколько слов на сердце,
А у сердца много слов
При закрытой дверце.
Скрипнет времени петля
На дубовой ветке.
Хмуро сгорбится земля,
Плачет сердце в клетке.

Мчатся волной,
Разрывая на части ветер.
Боже, сколько мне гнаться за тем,
Что бежит предо мной?
Встать, оглянуться, схватить...
Но опять ускользает, как тень.
Может, ее и ловлю?

И ложится снег,
Засыпая Век.
Выстывают дни –
Русла быстрых рек.
Замерла вода.
Ветер слег в пыли.
Облетел узор
Песен, что ушли.
Сломленных ветвей
Не звучит струна.
Капает на дно
Гулко тишина.
Прекратился бег –
Превратился в снег.
Длинные ряды
Опустевших слов –
Тусклой череды
В Век ушедших снов.

Эй, облако!
Я знаю, слышишь.
Ты тем же воздухом, что я
Душою дышишь.
Да, знаю, я земной.
Я знаю, знаю.
Но почему так тянет
Быть там, с тобой
И провести рукой по пуху твоему?
А может, можно?

Ольга ПРУТСКАЯ

Родилась в 1974 году в Донецке. На Таймыре живет с пятилетнего возраста. С детства влюблена в тундру, увлекается кинологией. Живет в Норильске, работает в службе безопасности Норильского комбината. Стихи начала писать в двадцать один год. Публикуется впервые.

Ты вдали, живешь – бежишь.
 День на откуп дан заботам.
 Я – в сачок попавший чиж.
 И на каждый звук – ну кто там?
 Мне не плакать, слезы лить,
 Окунуть в дела земные.
 Мне водой веселье пить,
 Забывать свое унынье.
 Хочешь, сказку расскажу,
 Без конца и без начала.
 Хочешь, в лицах покажу,
 Как тебя мне не хватало.
 Мне не надо громких слов,
 Может быть, в молчанье – сила?
 Может быть, под знаком сов
 Родилась я быть счастливой.
 Мне не надо частых встреч.
 Может, в редких я желанней?
 Только бы опять не слечь
 С хворью разочарованья.

Погляди в окошко –
 Тает первый снег,
 Шлепает в сапожках
 Маленький сосед.
 Это плачет осень –
 Жалко уходить.
 Кто-нибудь да спросит:
 "Что там впереди?"
 За слезами осени
 Слышен смех зимы,
 Ненадолго сброшены
 Сумрачные дни.
 Снова зажигаем
 Солнце в сто свечей,
 Снова собираем
 Отпускных друзей.
 И опять начнется
 Старый разговор.
 И опять проснется Сын
 под шум и ор.

На мутном стекле
 Отраженье обиды.
 Как в зеркало глянешь,
 Не плачь, улыбнись.
 Ты летнюю полночь
 Мечтаешь увидеть
 Сквозь будничных дней
 Непрерывную нить.
 И снова, как в августе,
 Ласковым, теплом,
 Где солнца лучи
 Утешение льют,
 Почувствуешь холод
 Без давности срока
 И не объяснишь
 Наказания суть.

Нет конца суете,
 И бегу без оглядки,
 Вспоминаю с трудом
 О вчерашнем порядке.
 Ну, когда, наконец,
 Это кончится лето.
 Я три года уже
 Утопаю в вендетте.
 Словно в очередь встали –
 Бьем друг друга наотмашь,
 Щедро сыплем на раны
 Соли злобные крошки,
 И стараемся, действий
 и слов не жалея.
 Не пойдем до сих пор
 Как мы сильно боеем.
 Заразились с тобой,
 Оба – два виноваты.
 Может, просто пора
 Позабыть о расплате?

Сергей СИДЕЛЬНИКОВ

Живет в Кайеркане. На Таймыр приехал давно – по комсомольской путевке строить Надеждинский завод. Стихи начал писать в молодости. Печатался в газете «Заполярная правда». В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

ЗЕРКАЛА

Зеркала помнят все,
 что в них отражалось.
 И любовь, и восторг,
 и сокрытую жалость.
 И сияние глаз
 над зажженной свечой...
 Темный локон волос,
 чуть прикрытый рукой.
 Приоткрытые губы,
 взмах неслышный ресниц,
 И таинственный шорох
 этих страстных страниц...
 Зеркала беспристрастны!
 И не лгут никогда!
 Но бывают опасны,
 коль приходит беда.
 Мы в скорбях и печалях
 не спешим к зеркалам.
 Видно, только в дни счастья
 они преданы нам.

Солнце садилось за сопки устало.
 Закат догорал и чадил, как свеча.
 Полярный день подбирался к началу,
 А ночь уходила, морозцем стуча.

Звезды проклюнулись и засияли.
 Снега замерцали такой тишиной,
 Что мне показалось – все звезды упали!
 И мир затаился, почти неземной.

Тени безмолвно скользили в потемках,
 Цепляясь за кочки на синем снегу.
 Ночь промелькнула за темным пригорком,
 Неслышно ступая на быстром бегу.

Анатолий ЧИЧАХОВ

Гость из Якутии, старший научный сотрудник «Музея хомуса народов мира» в Якутске. Варганист-импровизатор и немного поэт. В декабре 2002 года проводил в Дудинке мастер-класс по игре на хомусе. Стихи, рожденные в нашем городе, были напечатаны на якутском и долганском языках в газетах «Кшин куорат» (Якутск) и «Таймыр». Впервые публикуются на русском языке в альманахе «Полярное сияние».

ПОЕТ ХОМУС В ДУДИНКЕ

В Дудинке льется музыка хомуса.
Поет хомус о счастье впереди.
И песня дружбы, спетая искусно,
Сердца людей созвучьем бередит.

Прекрасны девушки долганского народа,
Поют, как будто бы поет душа.
И вечером, под тихим небосводом,
Ты спой свою им песню не спеша.

Поет хомус в Дудинке для созвездий
О чувстве сильном к девушке-красе,
И в поднебесье улетает песня –
О дружбе и любви пусть знают все.

Дудинка слышит, как хомус играет
О снежной, северной и темной стороне,
Где воет ветер и пурга качает,
И где морозы уплотняют снег.

В Дудинке льется музыка хомуса,
В ней страсть и нежность, что растопит лед.
Счастливей нет услышанного друга!..
И танцем дружбы закружился хоровод!

«ЖИВОЙ» СНЕГ

Чистотою, белизною – снег, снег, снег...
Третий день валит стеною,
передышки нет.
Все слилось – земля и небо,
горизонт размыт.
Белизны печаль и нежность
закрывают вид.
Только вихри и метели
воют без конца.
У земли в ознобе тело,
не видать лица.
Ни тропинки, ни лошадки –
все бело кругом.
Снег живой земле остылой
строит снежный дом.
Суетится и летает – не остановить.
Он над тундрой разбежался,
развивая прыть.
Как ретивый конь, что гривой
машет и хвостом.
А куда спешит – не скажет
нам с тобой о том.
Он и сам того не знает,
призрачный скакун.
Подчиняясь воле ветра, мечется табун.
Лишь когда устанут мчаться
кони без подков,
Отдыхать на тундру ляжет
снеговой покров.

Край метели и буранов – снежная Дудинка!
Земли-матушки окраина – снежная Дудинка!
Ты гостям, как братьям рада, снежная Дудинка!
Здравствуй, белизны отрада, снежная Дудинка!

Перевод с якутского В. Заварзиной

В феврале 2004 года заповедник «Большой Арктический», который находится на территории нашего полуострова, объявил детский литературный конкурс на лучшую сказку о природе Таймыра. Альманах «Полярное сияние» предлагает читателям познакомиться с творчеством участников этого конкурса.

Денис Петрушенко

Самый юный участник конкурса – восьмилетний норильчанин, ученик школы №16.

СНЕЖОК И ТОРОПЫЖКА

Далеко на Севере жили два брата белых медвежонка. Одного брата звали Снежок, а другого – Торопыжка. Однажды Снежок и Торопыжка пошли к проруби ловить рыбку. День был не очень удачным, и они поймали только одну рыбку. Они хотели ее сразу съесть, но не знали, как ее поделить. Братья начали спорить и подрались. А в это время рыбка добралась до проруби и уплыла.

Расстроенные братья побежали домой к маме белой медведице. Торопыжка так спешил, что налетел на ледяную горку. На него сверху упал комок снега.

–Ты чего? – сердито спросил Торопыжка у Снежка.

–Я ничего! Это – снег! – ответил Снежок.

Они опять хотели подраться, но передумали и пошли спрашивать у мамы, откуда берется снег. Мама объяснила им, что снег – это маленькие звездочки. Ночью месяц собирает их на небе и бросает на землю. Звездочки падают и превращаются в белые снежинки.

Алиса Омеляненко

Юная сказочница из Дудинки, учится в 7А классе школы №3. По итогам конкурса ее сказка заняла первое место.

СКАЗКА ОБ ОЛЕНЕНКЕ И СЕВЕРНОМ СИЯНИИ

Летом в тундре появился на свет маленький олененок. Пока солнышко согревало землю, олененок весело бегал по просторам северной земли, радовался теплу, любовался скромными нежными цветочками.

Но лето в тундре скоротечно. Вот уже солнце стало реже появляться на небе; серые, тяжелые тучи окутали его со всех сторон. Вот уже холодный северный ветер стал дуть все сильнее. Он принес на своих крыльях снеговые облака. И земля покрылась великолепным белым ковром. А вода в озерах стала твердой.

Удивился маленький олененок: «Куда же пропала зеленая трава, почему спрятались красивые цветы?» Олененок

грустил. Однажды он проснулся и не увидел на небе солнышка. Мама-олениха сказала:

–Зимой солнце ложится спать. Когда закончатся самые сильные морозы, оно проснется и снова будет согревать нашу землю.

Маленький олененок подумал и решил:

–Я буду ждать солнце!

В зимних сумерках он бродил вместе с мамой по тундре и подолгу смотрел на небо, в ту сторону, где должно было проснуться солнышко. Но небо было темное, лишь кое-где высоко-высоко мигали светящиеся точки. Мама говорила:

–Это звезды, дети солнца. Они еще маленькие, не хотят спать и выходят на небо поиграть.

Олененок бы тоже поиграл со звездами, но они были так далеко.

В одну темную морозную ночь олененок проснулся от какого-то необычного света. Он взглянул на небо и замер, как замороженный. Все небо переливалось такими удивительными цветами, каких олененок еще не видел. То вдруг разольется по небу изумрудно-зеленая волна, то вдруг на зеленую нахлынет ярко-алая.

–Что это такое? – спросил олененок маму.

И мама олененка сказала:

–Там, на самом верху, где стоит небесная постель солнца, оно взбивает свои воздушные перины, чтоб слаще солнышку спалось. И взлетают эти перины высоко-высоко, а мы их видим в темную ночь.

«Как, наверное, тепло и уютно солнышку в этих красивых перинах. Оно отдохнет, наберется новых сил, а когда проснется, отдаст нам все свое тепло. Я буду ждать тебя, солнышко!» – думал маленький олененок, любуясь удивительным светом.

Счастливым, с теплом и надеждой в душе, он заснул. Ему снилось, что он в гостях у солнышка, он спит на небесной кровати, укутанный чудесной периной. А когда олененок проснулся, ничего необычного вокруг не было, только белый снег и холодный ветер. Но олененок уже не грустил. По ночам он смотрел на небо. Мечтал, засыпал и снова оказывался в гостях у солнца.

Однажды олененку приснилось, что он вместе с солнышком спускался из небесного жилища на землю, и на земле становилось тепло. Олененку даже не хотелось проспать. Он нехотя открыл глаза и... замер. Вокруг было удивительно светло, солнце радостно улыбалось, согревая

пятна на моей желтенькой подрумяненной коже. Это мазут, который вытекает из бочек. Их кто-то оставил в тундре. Хотел я там же почистить бочок, но травки рядом не нашел – не растет там она! Вот как навредил человек природе!

Ксюша, слушая Колобка, не верила своим глазам и ушам. Как же так? Ей все вокруг казалось таким красивым. Разве в этом великолепии могло быть какое-то безобразие? А Колобок продолжал:

– Поспешил я в обратную дорогу, но на пути попалась грудка проволоки и каких-то железяк. Попытался обойти это место, но торчащие из земли куски железа поранили мой животик. Как я теперь в сказку вернусь, грязный и израненный?

Ксюша достала походную аптечку, подлечила беднягу, почистила и помыла ему бочок и, оставив Колобка сушиться, побежала к маме и папе рассказать о случившемся.

Вернувшись к месту отдыха, девочка и ее родители увидели на прежнем месте книгу со сказками, на иллюстрации красовался Колобок, чистенький и румяный. Ксюша, не унимаясь, доказывала маме и папе, что с ней произошло чудо. Папа задумчиво слушал дочь, потом сказал:

– Выходит, что этот чудесный уголок, как бы мы ни торговались им, не является экологически чистым...

Мама молча высыпала грибы на траву. Домой вернулись подавленные, без настроения.

Вечером семьей обсуждали, что же сделать в защиту окружающей среды. Решили собрать всех тех, кто любит природу, и составить план действий.

Ксюша, довольная, что взрослые доверяют ей ответственное дело, пошла расклеивать по городу объявления.

Дарья Воронкина

Ученица 7А класса Дудинской школы №3

ВОЛШЕБНОЕ ПЕРЫШКО БЕЛОЙ КУРОПАТКИ

Далеко-далеко на Севере, в маленьком чуме жила девочка Хейни и ее мама Тукайи. Жили они дружно. Много тонкостей и секретов знали девочка и ее мать: как связать легкие, но прочные нарты, как сшить красивую и теплую одежду, как пасти оленей, добывать дичь и рыбу. И все у них было хорошо.

Но злой и завистливый шаман решил помешать их счастью и украсть Тукайи. Однажды, когда неяркое зимнее солнце с трудом пробивалось сквозь колючую пургу, шаман сделал свое черное дело.

Хватились Хейни, а мамы нигде нет. Запрягла девочка оленя и поехала искать свою маму.

Долго ехала храбрая Хейни. Пурга усиливалась. Густым инеем были одеты ветки кустарников, которые напоминали рога северных оленей. Хейни обратилась к ним за помощью. Ветки кустарников подсказали девочке ехать за советом к белой куропатке, которая летает везде и все знает.

Хейни помчалась искать белую куропатку. Добрый олень старался изо всех сил. В дороге девочка останавливалась передохнуть, но пурга и злой ветер не давали Хейни долго оставаться на одном месте.

Девочка устала и уже стала думать, что не найдет ни свою мать, ни белую куропатку. И Хейни стала кричать. На ее крик прилетела белоснежная куропатка. И девочка рассказала ей о своем горе. Добрая куропатка давно знала о кознях шамана и хотела наказать его. Она дала Хейни свое волшебное перышко, которое укажет дорогу к шаману. Как только девочка взяла перышко, пурга стала утихать. Хейни поблагодарила мудрую куропатку и поехала за перышком, которое летело впереди нее.

Вскоре храбрая девочка оказалась около чума шамана. В чуме Хейни увидела спящую крепким сном мать. Долго Хейни пыталась разбудить ее, но не смогла. Тогда девочка заплакала горькими слезами. И одна горячая слезинка упала на мамину щеку, от тепла Тукайи проснулась. Но тут пришел шаман и увидел счастливыми девочку и ее маму. Он очень сильно разозлился и стал звать на помощь черных духов. Но волшебное перышко не растерялось и впилося шаману прямо в голову. Злой шаман упал замертво.

И сразу наступила весна, зацвела тундра яркими полярными цветами. А Хейни и Тукайи, радостные, вернулись к себе домой. В дороге они увидели белую куропатку и поблагодарили ее. Куропатка в ответ махнула крылом и скрылась за горизонтом.

Мать и дочь прожили долгую и счастливую жизнь. Они бережно хранили волшебное перышко белой куропатки, и больше ни одна беда не пришла к ним в дом.

Екатерина ВЯЗОВЦЕВА

Родилась в Дудинке в 1955 году. Работает в Управлении пожарной безопасности ГМК «Норильский никель». Стихи публиковались в альманахе «Полярное сияние» 2003. В 2003 году Дудинский городской центр народного творчества выпустил книгу «Путешествие в детство» – сборник стихов для детей. Это первая книга автора.

ВОЛШЕБНЫЕ ПАЛОЧКИ

Цветные палочки беру,
Альбом для рисования.
Я нарисую сад и дом
С огромнейшим старанием.

Вот речка синяя бежит,
Вокруг трава зеленая,
А на ступеньках кот лежит,
На лбу полоска черная.

По небу радуга-дуга
Горит, переливается,
И желтым колобком по ней
Пусть солнышко катается.

У дома девочка стоит
С букетиком цветов.
Сейчас раскрашу их
И вот – рисунок мой готов!

Ну до чего красивый он,
Старалась от души,
Нарисовать мне помогли его –
Карандаши!

ХИТРАЯ ВОЛНА

У меня большое горе:
Утонула лента в море,
Бантик – яркий цвет небес –
Был в косичке и исчез.

Эта хитрая волна
Мне косичку расплела,
Мою синенькую ленту
В гребешок себе вплела.

Рядом девочка на круге
Мне сказала: «У подружки
Унесла волна колечко
С перламутровым сердечком.

А у мальчика Сережки
Смыла в море босоножки.
Эти волны, как напасть,
Так и смотрят, что украсть».

Долго я в волнах ныряла,
Свою ленточку искала.
Вот что я волне скажу:
«С тобой я больше не дружу».

Но волна ко мне, ласкаясь,
Набежала и, играясь,
Вместо ленточки игрушку
Подарила мне – ракушку.

ЖИВОЙ МОТОРЧИК

Котик рядышком со мною
Примостился на кровать,
То ли песню, то ли сказку
Он решил мне рассказать.

"Тр-р", – трещит без остановки
Мой моторчик заводной.
Он такой пушистый, мягкий,
С коготками, и живой.

Жаль язык его кошачий
Я не в силах разобрать,
Было б здорово, наверно,
По-кошачьи понимать!

Я к себе его поближе
Пододвину, обниму,
Замолкает мой моторчик
Неизвестно почему.

Стоит мне его погладить,
Снова песню заведет...
Буду звать его не Мурзик,
А домашний вертолет!

Владимир КАНТАРИЯ

Родился в 1952 году в Грузии. На Таймыр приехал в 1973 году, работал докером-механизатором. Первая поэтическая публикация состоялась в газете «Советский Таймыр» в 1979 году. Постоянный автор альманаха «Полярное сияние», автор поэтического сборника «Верните мне мое...» (1994), книги детских стихов «Кантаринки» (2000). Лауреат литературной премии им. Огдо Аксеновой в 1998 году. С 2002 года живет в Волгограде.

КАНТАРИНКИ

*Начать бы жизнь сначала,
Как с чистого листа,
Чтоб мать меня качала
И синь была чиста...*

По тропинке через горку
От лисицы лемминг в норку
Убегал.
А лисица, ох, хитрица!
По пятам за ним бежит.
По пятам за ним бежит
И при этом говорит:
– Стой, мышонок, не беги,
Я тебя спрошу лишь только:
У жирафа две ноги или три,
Скажи мне, сколько?
А мышонок юркнул в норку
И сказал лисе оттуда:
– У жирафа восемь ног,
А двенадцать – у верблюда.

Купила лягушка
Ниток катушку.
Стала лягушка
Штопать подушку.
Черными нитками
Белую подушку.
Подошел к ней ежик
И сказал лягушке:
– Кто же черной ниткой
Штопает подушку?
Надо ниткой красной.
Поняла, лягушка?
Чтоб как солнце ясное
Была твоя подушка.

Мимо Карских ворот
К нам плывет пароход.
Он везет в Дудинку
Подарки в корзинках
К Новому году.
Дорогому пароходу
Ледокол гудит.
Ледокол впереди!

Геннадий КУЗНЕЦОВ

Родился в Тамбовской области в 1973 году. С 1992 года живет в Норильске. Работает на Никелевом заводе. Его стихи публиковались в периодических изданиях Норильска, Тамбова, Мичуринска, в альманахе «Полярное сияние». Стихи для детей – ровесники младшей дочери. В 2002 году в Норильске вышла книга для детей «Когда я была большой».

ДЕТСКИЙ КАПРИЗ

Я вас слушать не хочу,
Отойди! Не то заплачу,
Или просто закричу,
Чтоб отдали мячик.
Топну посильней ногой,
Чтобы страшно было.
Не хочу идти домой,
Унесите силой.

НА САДОВОЙ УЛИЦЕ

На Садовой улице
Жил домик в три окна,
Он на солнце жмурился,
Когда пришла весна,
Снял домик шапку белую
И песенку запел,
Сандалики зеленые
На ноги надел.
Покряхтывал с ним рядышком
Дед, старенький сарай:
– Ты, внучек мой, дитятюшка,
Смотри, не захворай.

ВЕСЕЛЫЕ ПИНГВИНЫ

Веселые пингвины
Резвятся на снегу,
С горы – громадной льдины
Катаются в пургу.
Мороза не боятся
И мчатся неустанно
Холодной умываться
Водою. Как ни странно.
Холодной, как из крана,
И летом, и зимой,
И утром рано-рано,
Зовут и нас с тобой,
Умыться ледяною,
Холодною водою.

ЗАБОЛЕЛА

Заболела, заболела,
Кашу манную не ела,
И компот, наоборот,
Лью в кастрюлю, а не в рот.
Градусник дает мне мама.
Он холодный, словно лед.
– Ну, тогда, – сказала мама, –
Скушай молоко и мед.
А когда согреешься,
Теплотой поделишься.
Мальчик-градусник проснется,
Чуть заметно улыбнется.
Он замерзший и нежданный,
Ты его скорей согрей.
Как солдатик оловянный,
Ищет градусник друзей.
Спрячь его скорей подмышку,
Почитаем вместе книжку,
Ты поправишься, а он
Убежит в картонный дом.

Оксана ДОБЖАНСКАЯ

Родилась в Киеве. Закончила Новосибирскую государственную консерваторию и при ней аспирантуру, по специальности – этномузыковед. С 1989 года занимается изучением музыкального фольклора народов Таймыра. Составитель ряда фольклорных сборников, кандидат искусствоведения. Ее работы публиковались в журналах «Факел Таймыра», «Северные просторы», в альманахе «Полярное сияние». Живет и работает в Дудинке.

ЗВУК В ТИШИНЕ

Звучание как эстетическая категория в традиционной культуре нганасан

Таймырская тундра. Белая безмолвная равнина. Ветер и заструги. Но вот появляется признак жизни: мы слышим, что издалека раздается скрип полозьев по снегу, звон металлических погрешек на упряжи оленей, доносится громкий голос седока, едущего на нарте. Он поет, громким голосом утверждая свое пребывание в этом мире, являя свое существование.

Многие народы наделяют звук, звучание, музыку особым смыслом. Иногда – ритуальным, магическим, иногда – эзотерическим, сокровенным, иногда – интимно-лирическим. В традиционной культуре нганасан есть множество верований, связанных со звучанием. Они показывают особое отношение к звуковой субстанции, сложившееся в мировоззрении народа.

Звук, озвученность – есть принадлежность живой материи. Только живое имеет свой голос, может проявить свое существование в звуке. Голос человека, перешедшего в мир мертвых, становится неслышим для живых (и наоборот). В мифологической сказке нганасан «Происхождение идолов», записанной Б.О. Долгих в 1938 году у вадеевских нганасан, рассказывается о похождениях человека по имени Кыхэ-лу (Куропашечья парка). После своей смерти Кыхэ-лу продолжает путешествия по тундре, однако становится невидимым и неслышимым для людей:

«Оставил Кыхэ-лу свой чум и пошел пешком. Ушел так и нашел один чум. Тоже маленький чум. Около него лежит много мяса и рогов диких. В этот чум зашел Кыхэ-лу. В нем одну женщину нашел. Сидит эта женщина и обдирает камос с ног дикого. Сел Кыхэ-лу близ нее и говорит:

– Сестра, давай есть. Я голоден.

Говорит женщина:

– Уй! Почему огонь-то потрескивает?

Отвечает Кыхэ-лу:

– Я не огонь. Есть-то давай.

Женщина все время на огонь смотрит и говорит:

– Почему огонь трещит?

Приготовила себе женщина пищу и чай. Кыхэ-лу ее пищу ест и чай пьет. Говорит женщина:

– Э! Чай у меня куда девался? Кто его взял?

Спрятала чашки. Вечером мужчина пришел с промысла. Диких добывал. Сел мужчина на свое место. Говорит ему Кыхэ-лу:

– Сколько диких добыл?

– Почему это огонь трещит? – говорит мужчина.

– Я не огонь. Сколько диких добыл?

– У! Почему огонь трещит? – говорит мужчина.

Женщина ему:

– Я днем что-то видела. Однако дьявол пришел».

Отрывок сказки изложен на неповторимой «таймырской говорке», которая была распространена среди нганасан для общения с русскими в 30-60-е годы XX века. Убедительно показано удивление мужчины и женщины – жителей чума, связанное с необычным потрескиванием огня в очаге, которым передается неслышимый для живых голос мертвого человека.

Таким образом, мы видим, что оппозиция жизни и смерти в традиционной культуре нганасан «на слух» реализуется посредством оппозиции звучание-молчание. Интересно, что существует также цветовая оппозиция черного-белого, напрямую связанная с жизнью и не-жизнью. В текстах шаманского камлания Демнине Костеркина, записанного в 1977 году и переведенного Н.Т. Костеркиной, имеется следующий поэтический отрывок, проясняющий для нас значение черного и белого цвета:

«На виду у тебя
погребального чума
выцветшие травы,
не умеющие умирать,
... белые травы.
С другой стороны – черные травы
живущих племен, оставшихся детей,
бывшие под ногами...
Внуков моих,
белые травы пока не начавших топтать,

на берегах больших рек
в развернутые стойбища,
пусть не станут пустовать!»

В этом поэтическом тексте проясняется семантика белого цвета – цвета сухих, «выцветших трав», то есть погрязшего.

Звучание – есть атрибут движения. Звон упряжи, скрип полозьев по снегу, громкое пение личной песни – все эти звуки сопровождают езду на оленьей упряжке. Пение в дороге – один из обязательных атрибутов пути. Во время аргиша каждый ездок на нарте поет свою песню, присоединяя свой голос к скрипу полозьев по снегу, звону упряжи. Движение, езда тоже имеют свой «голос», озвучиваются через пение. Быстрая езда в грозную осеннюю ночь очень выразительно описывается в ненецкой повести Николая Вылка «Марья»:

Четверка белых моих оленей.
Груди их – сажень,
Бока их, как края обрывов,
Когда прямо идут – как каменные кряжи,
Четыре белых моих темной ночью
Седока пугаются!
В осеннюю погоду, в темную погоду
Головы кочек над моей головушкой,
Как летящие птицы,
Нарта моя о десяти копыльях
Словно сама знает,
Грохот моей нарты в осенней ночи,
Как гул грома!

У нганасан также езда в упряжке должны быть «озвучена», она настолько тесно сопряжена со звучанием, что не мыслится без него. Поэтому звучание становится в традиционной культуре нганасан символом передвижения. Так, в эпических сказаниях ситабы эпизоды, в которых герой куда-то едет или летит по небу, всегда исполняются в вокальной манере. Исследователь нганасанского фольклора, филолог Н.Т. Костеркина пишет: «Ситабы, бывает, в упряжку садятся» (то есть некоторые эпизоды исполняются напевно).

Звучание – также атрибут экстаического полета шамана. Шаманский полет неразрывно связан с представлением о многоголосной песне, «поднимающей шамана» и помогающей ему лететь. О мировоззренческом значении песни в шаманском обряде выразительно пишет этнограф Г.Н. Грачева: «Песня звучит постоянно, не прерываясь, ее подхватывает во время вдоха шамана туюптуси (шаманский помощник). Люди как бы выносят своими голосами-песнями самого шамана со всеми его духами-помощниками в пространство нго (богов)... Чем громче и непрерывнее звучит бубен, чем больше голосов составляют хор, тем больше силы у шамана, тем дальше он может двинуться в пространство нго». Наши записи шаманских камланий показывают, что песня сопровождает именно путешествие, полет шамана. Когда шаман останавливается в пути, пение замолкает.

Но не только эзотерическую роль связи с космосом вы-

полняет звук в культуре нганасан. Он имеет важное значение в эстетике восприятия окружающего мира.

Звон в значении «звучание» является атрибутом красоты. Понятие о красивой упряжке связано со звоном гугарок на оленьей упряжи, красивой девушкой считается та, одетая которой украшена многочисленными баса (металлическими подвесками, звенящими при ходьбе). В мифе о Дейба-нгуо, записанном Б.Долгих, говорится о приближении к чуму большого богатого аргиша: «Вроде как уснул он. Потом услышал, будто какой-то шум идет. Катится, будто колокольчики звенят, такой звук идет. Он проснулся, встал. Правда, аргиш идет». Украшенная баса одежда – принадлежность богатой женщины, а металлические гугарки есть только на богатой упряжи. Поэтому звон в данном случае – атрибут не только красоты, но и богатства. Вероятно, красота и богатство имеют общее происхождение и в традиционном сознании нганасан связаны друг с другом.

Звучание – атрибут «одушевленности», так как мелодия есть звуковое воплощение души (по свидетельству Г.Н. Грачевой, напев – это образ-тень человека, воплощенные в звуке). В традиционной культуре нганасан даже существовал строгий запрет на исполнение чужой личной песни. Старики-нганасаны говорили об исполнителе, поющем без разрешения чужую личную песню: он его душу, его ум украл. В этих верованиях проявляется магическая природа, которой наделялось звучание.

Особенно ярко магическая природа звука проявляется в шаманстве. Духи-помощники шамана проявляют себя только через звуковую манифестацию – специальные песни, имитации голосов животных, игру на бубне.

Познакомившись с некоторыми верованиями нганасан, связанными со звуком, мы убеждаемся, что звучание в традиционной культуре этого народа надделено особым смыслом, связанным с глубинными сакральными представлениями народа.

Надежда КОСТЕРКИНА

(1958-2005)

Родилась в Авамской тундре, дочь последнего нганасанского шамана Тубяку. Окончила Санкт-Петербургский пединститут, Институт мировой литературы им. М.Горького в Москве. Была специалистом по фольклору. Сотрудничала с Таймырским окружным центром национальных культур. Жила в Дудинке.

ШАМАН ХОТАРЭ

Нганасанская легенда

Время сейчас такое, что легенды уже не рассказывают, потому что мало кто знает их. Но нельзя допустить, чтобы древние нганасанские легенды забылись. Сейчас я хочу рассказать легенду о шамане Хотарэ.

Однажды в роду Хотарэ случился большой голод. Олень не идет, рыба не ловится. Время – осень, сентябрь или октябрь. А уже в начале октября оленя не бьют – гон начинается. Шаман сказал своим родичам и соплеменникам:

– Погрузите меня во всем моем одеянии в лунку, куда ставите сети при подледном лове. Я буду там всю неделю. За это время никто не подходит к прогону. Утром восьмого дня подойдите и начинайте тянуть. Но пусть тянут только сильные парни.

И все. Более ничего не сказал. Но когда его опускали в воду, как бы вспомнив, он сказал:

– Если кто-либо начнет тянуть раньше времени и при этом воскликнет «Эбэй!», тогда ничего от меня не ждите.

Два парня за два дня до срока подняли Хотарэ из лунки. Шли они краем озера из другой стоянки к своим молодкам (девушкам). Видят, что прогон тянется, они за ним пошли, ибо в их стойбищах тоже бедствовали от голода. Вот и решили они маленько поживиться. Стали гнать прогон. А в конце он?.. Они обрадовались. Говорят:

– Вот улов!

Дергали, дергали – не идет, изо всех сил потом дернули... И вдруг – рога железные. Они удивились и молчат, ошарашенные. И вдруг из лунки поднимается шаман во всем своем облачении. Все облачение шамана покрыто рыбьей чешуей. Парни вообще сели и крикнули хором:

– Эбэй!..

Как только они это воскликнули – шаман погрузился обратно...

Этих парней люди прогнали далеко в тундру. И с тех пор, отправляясь ловить рыбу, говорят:

– Проси дедушку Хотарэ и никогда не кричи и не суетись.

* Эбэй – возглас страха и удивления.

Наталья УТУКОГИР

Родилась в 1970 году в семье оленеводов в поселке Хантайское Озеро. Окончила Дудинскую среднюю школу. Живет в Хантайском Озере, работает на метеостанции, воспитывает троих детей. Ее сказки публиковались на страницах норильских газет и в окружной печати, в альманахе «Полярное сияние». Лауреат литературной премии им.Огдо Аксеновой в 2003 году.

ПТИЦА КИНГИТ

Нарисованная сказка

Это вертолет, папа говорит – Ми-8, а есть еще Ми-6, тот вообще огромный-преогромный. Это мама, она не толстая – просто карандаш такой; вот дедушка стоит, курит, олени убегают: вертолета испугались.

Нет, это не чум, это гора большая-пребольшая, только она далеко, поэтому маленькая.

В ней, в пещере, живет птица Кингит – страшная-пре-страшная. Ее не видно, потому что ее никто никогда не видел. Дедушка так говорит. А это я с розовым шариком. Не красный, а розовый, у мамы спросите. Но тогда шарика в руках у меня еще не было, это я его заранее нарисовал. Потом уже, когда вертолет улетел, и мама повьгаскивала из сумки всякие сладости, мы с дедушкой стали его надувать. Дули-дули, вернее, дедушка дул, а я шарик руками придерживал, чтобы он не лопнул. Мама говорит:

– Хватит, сейчас лопнет.

А я говорю, не лопнет, я же его руками держу. Ну, он и лопнул, конечно. Как бахнет! Как ружье папино, вон оно – на дереве висит.

– Так вам и надо, – сказала мама. – Не послушались меня.

А папа сказал:

– Лопнуло очередное городское надувательство.

Ну все, думаю, сейчас заплачу. А дедушка говорит:

– Э-э, плакать не надо. Хорошо шарик лопнул, громко, теперь Кингит не прилетит.

А я тогда про птицу Кингит совсем-совсем ничего не знал.

– Почему не прилетит? – спрашиваю у дедушки, а сам быстренько-быстренько слезы вытираю: не любит дедушка, когда я реву, как дурак.

– Ой, только не на ночь глядя, – говорит мама, а папа:

– Ничего, со мной ляжет, я его быстро успокою.

– Хорошо, если бояться не будешь, расскажу, – говорит дедушка. – Слушай.

...Давным-давно, еще и меня на свете не было, жили на земле Эвенкил большие, сильные люди. Они тоже, как и мы, пасли оленей, добывали пушнину и ловили рыбу. Только олени у них были выносливей, пушнина пушистей, а рыба крупнее, чем сейчас.

Не знали они холода и голода, всего у них было вдоволь. Умели не только добывать, но и хранить то, чем запаслись. Даже летом ничего у них не портилось, не пропадало. Для этого придумали тургексэ субгу. Снимут кожу с самых крупных налимов, высушат, выделают и шьют эти самые тургексэ субгу.

Складывали в них вяленую рыбу, сушеное мясо и подвешивали на деревья – ни зверьки, ни мышки не достанут.

Жили они так, жили, и горя совсем не знали. Но однажды ночью загрохотало что-то в небе, заскрежетало, совсем как вертолет сегодня, но мы про вертолет знаем, а Эвенкил никогда такого шума не слышали, попрятались в чумы, все стихло, выглянули осторожно, смотрят, а мешки все рваные валяются, а от мяса и рыбы остались только кости и чешуя. И на земле огромные птичьи следы.

Поохали Эвенкил, погоревали, но жить дальше надо. Снова наловили рыбы, заготовили мяса, починили мешочки и опять развесили свои запасы.

А ночью снова прилетела противная птица, которую Эвенкил назвали Кингит – «ужасная». До утра грохотало и шумело над стойбищем, как будто Кингит была из железа. Все раздербанила, все сожрала. Опечалились Эвенкил, приуныли.

Решили обратиться за советом к трем Великим Шаманам, которые жили отдельно от всех, потому что были слишком умные.

Первый Шаман обернулся вороном, поднялся высоко-высоко в небо, чтобы увидеть, где живет Кингит, и упал за смертью – наверное, увидел.

Второй Шаман обернулся орланом-белохвостом, полетел в горы, чтобы найти Кингит и пропал навсегда – наверное, нашел.

А третий Шаман никуда не полетел, думать стал. Три дня думал он, глядя в огонь, на четвертый день сказал:

– Сшейте новые тургексэ субгу, но не складывайте в них ничего. Надуйте и крепко-крепко привяжите к самой высокой лиственнице.

Обрадовались Эвенкил, наловили самых больших налимов, сняли с рыб липкую кожу, высушили хорошенько, потом мяли-мяли, пока она не стала легкой, как шелк, и сшили огромные-преогромные тургексэ субгу. Надували их все жители стойбища, от самого маленького Эвенкил до само-

го большого, и получились такие воздушные шары, что, сами поднимаясь вверх от земли, чуть совсем не улетели. Привязали их Эвенкил к высокой лиственнице и стали ждать. Потемнело небо, потухли звезды, поднялся сильный ветер, и прилетела ужасная птица Кингит. Стала она рвать клювом и когтями тургексэ субгу, а они как начали лопаться, громче, чем твой шарик, а некоторые зашипели, как живые, выпуская воздух, того и гляди набросятся на бедную Кингит, разорвут ее в клочья. Испугалась Кингит и угрохотала голодная в горы. Спряталась в пещере и стала ждать, когда на земле Эвенкил тихо станет. А Эвенкил, убедившись, что Шаман дал им хороший совет, теперь и сами додумались не ждать, когда Кингит зайвится в гости, а заранее пугать ее, чтобы сидела она в своем логове и не высовывалась. Сошьют небольшие тургексэ субгу, надуют, развешат по деревьям, и малыши, вроде тебя, играют в охотников, пуская в них тальниковые стрелы. Кто попадет, у кого громче шар лопнет, тот и победитель.

С тех пор ничего не слышно про ужасную птицу Кингит, сидит, небось, в горах, трясется от голода и страха.

– А может, ее и не было, – улыбнувшись, закончил дедушка.

Ну, была или не была, а я на всякий случай лук из тальника сделал, жду теперь, когда кто-нибудь догадается привезти мне побольше воздушных шариков...

ЛЕНИВЫЙ ОЛЕНЬ

Сказка

Все знают, что северные домашние олени очень выносливы и трудолюбивы. Какие только санки не таскают ездовые олени! И легковые, и грузовые, и балки на полозьях. Да и диким оленям приходится постоянно бегать – от холода на юг, от жары на север. Но в любой семье, как известно, не без урода.

Жил-был ленивый Олень. Доковыляет до бугорка, упадет и жует весь день какую-нибудь дрянь, до которой дотянуться сможет.

– Пошли на соседнюю лайду, там ягеля больше, – уговаривают его нормальные олени.

– Ох, лень, – отвечает им ленивый.

Бывает, его комары заедают, дышать нечем.

– Побежали в горы, там ветерок, – убеждают сородичи.

– Ох, лень, – вяло отмахивается ушами ленивец.

Зима пришла, снегу навалило! Копают олени большие ямы, чтобы добраться до корма, порой из копанец одни рога торчат, а ленивый Олень стоит возле дерева, кору гложет.

– Копытить надо, копать, – шумят вокруг.

– Ох, лень, – вздыхает лентяй.

– Не олень ты, а О-лень! – плонули на него собратья.

Отощал совсем О-лень, еле ноги волочит. А тут на беду волки подкрались к стаду. Как стая куропаток, вспорхнули олени и вмиг исчезли, оставив серым разбойникам только свой запах и морозный пар дыхания.

– Ох, лень, – рванулся за ними О-лень, но ноги его подкосились от слабости и он рухнул в пушистый снег.

Зато волки не поленились, разорвали тощего оленя и слопали. Ленивых едят первыми. Так-то...

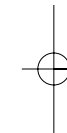
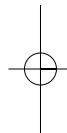
*п. Хантайское Озеро, Таймыр,
2002 г.*

**Литературно-художественный альманах
«ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ-2004»**

Сборник произведений
поэзии, прозы, драматургии, фольклора и литературной критики
авторов, живущих на Таймыре или пишущих об этом регионе

**Управление культуры Администрации
Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа
Таймырская окружная библиотека**

В оформлении альманаха использованы фотографии
С.Яворского, А.Просекова, А.Хрущева
и снимки из архива
Таймырской окружной библиотеки

Формат 60x90/8 Бумага офсетная. Гарнитура «Latinskij»
Печать офсетная. Тираж 300 экземпляров. Заказ № ____

Творческая студия «Полярная звезда»
117049, Москва ул. Ленинский пр-т, д.4 стр. 1

Отпечатано в АОТ Типография «НОВОСТИ»
105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46